

и 7-81

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134 - 241X
Следопыт 2•96

РОССИЙСКАЯ ПРАЦИВИЛИЗАЦИЯ
БИБЛИОТЕЧНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ
ХРАМ НАСТАСЬИ-АЙГУСТЫ
ГЕРОИ ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА ВНОВЬ С ВАМИ
ОКОНЧАНИЕ НФ ПОВЕСТИ «ФОРМУЛА ГОРИЗОНТА»
СОЮЗ ОГНЯ И ШЕЛКА

Стол из зелен-камня

Мало кому удалось полюбоваться этим малахитовым чудом, изготовленным в лаборатории художественного конструирования регионального объединения «Уралкварцсамоцветы». А специалисты в один голос утверждают, что это — уникальное изделие современного уральского камнерезного искусства. Уже по размерам столешница превосходит работы старых мастеров-малахитчиков, составляющие золотой фонд крупнейших музеев России.

Мысль сработать малахитовый стол пришла Александру Доронину несколько лет назад. С этим живым, летним камнем он уже был знаком: сотворил из него миниатюрный ларец, сделал несколько шкатулок, для нижнетагильского музея-заповедника реставрировал малахитовые оклады икон из бывшего Выйско-Никольского собора Демидовых, да вот беда — сам камень стал редкостью. По кусочкам отыскивал, резал, подбирая подходящий цвет и узор, выстраивал задуманную композицию. Используя старые приемы обработки, умелец кропотливо, сантиметр за сантиметром отшлифовывал, вручную полировал столешницу специально изготовленным для этого инструментом.

— Подобных столов, выполненных в стиле русской мозаики, не встретишь в столичных музеях, — считает художник-конструктор лаборатории Анатолий Жуков. — На мой взгляд, это не просто удачная, но и беспрецедентная работа. Александр Иванович искусно подобрал камень. Набранный на внутреннем плафоне рисунок напоминает каменный цветок и навеян знаменитым бажовским сказом. Я уже не говорю о техническом исполнении...

К сожалению, увидеть произведение современного мастера-малахитчика его земляки-екатеринбуржцы, увы, не смогли. С величайшей предосторожностью изделие перевезли в Тюмень. Малахитовый стол выставлен в музее Западно-Сибирского научно-исследовательского института нефти и газа.

Кстати, творческий коллектив лаборатории единодушно проголосовал за то, чтобы каменное чудо А. Доронина из бархатного зелен-камня осталось в России, хотя заморские коммивояжеры и давали за него немалые деньги.

Фото и текст Владислава Ветлугина.

Редакция:
 Виктор КЛОЧКОВ
 (главный редактор),
 Юний ГОРБУНОВ,
 Герман ИВАНОВ
 (заместитель главного редактора),
 Сергей КАЗАНЦЕВ,
 Анна КОСТРИКОВА
 (художественный редактор),
 Юрий ШИНКАРЕНКО,
 Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
 Виктор АСТАФЬЕВ,
 Владислав КРАПИВИН,
 Станислав МЕШАВКИН,
 Николай НИКОЛОВ,
 Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
 Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
 Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:
 Анна КОСТРИКОВА

Адрес редакции:
 620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
 ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67
 Телефоны отделов:
 224-501 (ФАНТАСТИКИ,
 КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
 220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
 ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
 МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
 на машинке через 2 интервала, 60 знаков
 в строке, 28-30 строк на странице.
 Рукописи не рецензируются
 и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
 обращаться в районные отделения
 "Россвязьинформа".

Бракованные экземпляры отправлять
 в ИПП "Уральский рабочий".

Рег. № 441 от 13.12.90
 Подписано к печати 15.05.96
 Формат бумаги 84x108/16.
 Бумага газетная.
 Печать офсетная.
 Усл. печ. л. 10,9
 Уч.-изд. л. 16,2
 Усл.кр.-отт. 10,86
 Тираж 14 000

Заказ № 693

Все претензии по ошибкам в тексте предъявлять
 редакции журнала "Уральский следопыт"
 Отпечатано с готовых оригинал-макетов
 на ИПП "Уральский рабочий"
 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

© "УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ", 1996 г.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

2.....96

В НОМЕРЕ:

Храм Настасьи-Айгусты Юний ГОРБУНОВ	2
Деревенские мистерии Ольга ЩЕРБИНИНА	6
Челябинские древности Александр МОИСЕЕВ	8
Поэзия. В пустых домах светло и одиноко Николай КЛЕПОВ	10
«Я больше не буду» или Пистолет капитана Сундуккера (продолжение) Владислав КРАПИВИН	11
Таинства жизни познавший Галина ФЕДОРОВА	25
Журнал в журнале «Аэлита»	
Формула горизонта (окончание) Егор БЕЛОГЛАЗОВ	29
Заочный КЛФ	53
«УС» на привале. Рассказы Михаил НЕМЧЕНКО	55
Пятиэтажный аквариум Игорь ЗАЙЦЕВ	56
«Я больше не буду»... Продолжение Владислав КРАПИВИН	57
Расейская працивилизация Юрий ХЛЕСТКОВ, Николай ТРУШКИН, Борис БЛЕСКИН	71
Библиотечные преступники Александр ЛЕЙФЕР	75
Деньга из серебристой меди Валерий ШАРИН	78
Мир на ладони	79
Союз огня и шелка Ольга КОЛПАКОВА	80

УЧРЕДИТЕЛИ –
 СОЮЗ
 ПИСАТЕЛЕЙ
 РОССИИ,
 ТРУДОВОЙ
 КОЛЛЕКТИВ
 ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
 В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
 В 1958 ГОДУ.

Юний ГОРБУНОВ

ТРИ ЖЕНЫ СИМЕОНА ГОРДОГО

Двенадцатилетнее великое княжение на Руси Симеона Ивановича, сына Калиты, выглядит в истории бесстрастным эпизодом: не воевал, не замысливал смут — глазу не за что зацепиться. И то сказать: история наша густо замешана на крови и войнах. А при Симеоне — это в разгар-то монгольского владычества — ни одного бесчинства на Руси владими́ро-московской. При нем окрепла и стала на крыло Москва, как русская столица — светская и церковная. Все прочие князья-рюриковичи приведены под одну руку, и был Симеон впервые наречен князем великим всея Руси, стал, можно сказать, ее первым самодержцем. Но при этом страшно многим пришлось пожертвовать Симеону — друзьями, потомством, личным счастьем... Не зря же пристало к нему это прозвище — Гордый.

Жертвами Симеоновой гордыни во благо Руси стали три его женщины — три жены. Но судьба и личность каждой складывались по-своему.

ХРАМ НАСТАСЬИ-АЙГУСТЫ

Москва ждала своего князя, который, слышно, возвращался из Орды великим.

Возбужденные посадские кучковались у ворот Кремника. А самые нетерпеливые отроки и мальшья, кое-кто и верхами, неслись уже по Заречью встречу княжескому обозу. Степенно, пытаясь спрятать маяту, переминались именитые бояре, гадая, как-то посмотрит новый князь на их боярские раздоры. Раз-другой мелькнула фигура Феогноста, митрополита. А на Архангельской церкви нечаянно бухнул колокол, заставив кое-кого невольно вздрогнуть и незаметно осенить себя крестом.

Москве еще в диковинку было стольничать. Не накопила форсу. Города, у которых она то и дело отнимала великое княжение, были куда познатнее и краше ликом — Владимир-суздальский или та же бунтарская Тверь. О Киеве и речи нет. Москва против них — отрок неуклюжий. С оглядкой на них и возводила свой Кремль, свои храмы.

Дубовые стены Кремника (так поначалу назывался Кремль), в одноименные поставленные Калитой перед самой кончиной, пять белокаменных храмов, еще уютных, не расписанных, недавно поднявшихся на месте прежних деревянных — вот, пожалуй, и весь кураж стольной и митрополичьей Москвы. Потому и приходилось первому-то князю Юрию Даниловичу то и дело выхватывать меч по правде и по неправде. Вот и набивал мощну хитрющий Иван Данилович Калита, чтобы и своих задобрить, и чужих улажить. Как-то Симеону теперь придется...

Строжилась Москва и оглядывалась, словно не свое брала.

Настасья не вышла из княжеского двора. Стояла на высоком рундуке своего терема вместе с дочерью Василисой. С кремлевского холма ордынская дорога за рекой со всей ее суетой и в то же время пустыньностью была как на ладони. Они сразу увидели, как показались всадники, потом кибитки, потом смешалось все с толпой и тяжелой осенней пылью. И зазвонили колокола.

Пришла Москва в движение.

Княгиня и теперь не сошла с крыльца вслед за дочерью. А ждала. Вот сейчас, сейчас, мечталось ей, из этой толпы и пыли отделится всадник на белом коне и, срезая петли дороги, устремится к Кремнику. И затрепещет алое корзно на ветру. И только у реки он спешится на миг и наклонится к воде. И опять на коня. И застучат копыта по настилу моста, и шарахнутся в стороны люди у ворот. И вот у крыльца Симеон, и бросает повод неведомо кому, и вбегает по ступеням. А в руке у него с травой и корнями сорванный пучок полевой рябинки... Вот сейчас, сейчас...

Но никто не отделился от обоза. Как и прежде, и всегда. Семь лет уже ждет этого Настасья-Айгуста. С тех пор, как она, дочь литовского короля Гедими́на, стала супругой 17-летнего московского княжича, получив при крещении православное имя — Анастасия. Тщетно ждет, когда увидит в ней князь любимую и желанную женщину, хоть на малое время предпочтет ее, забудет все вокруг, потеряет голову.

Нет, нет и нет.

Теперь, знала она, долго не появится Симеон в ее тереме. И остыло внутри. Только сердце колотилось еще. А рукам уже стало холодно.

Впрочем, нечто подобное Настасьиным ожиданиям испытали в этот момент и владыка всея Руси Феогност, стоя у ворот митрополичьего двора в окружении попов и игуменов, и первый боярин тысяцкий Василий Вельяминов — из партии, близкой ко княжескому двору. Но никого явно не предпочел Симеон, никому не порадел. Все было у него чинно и постепенно, хотя звонила и ликовала Москва, встречая своего третьего великого князя.

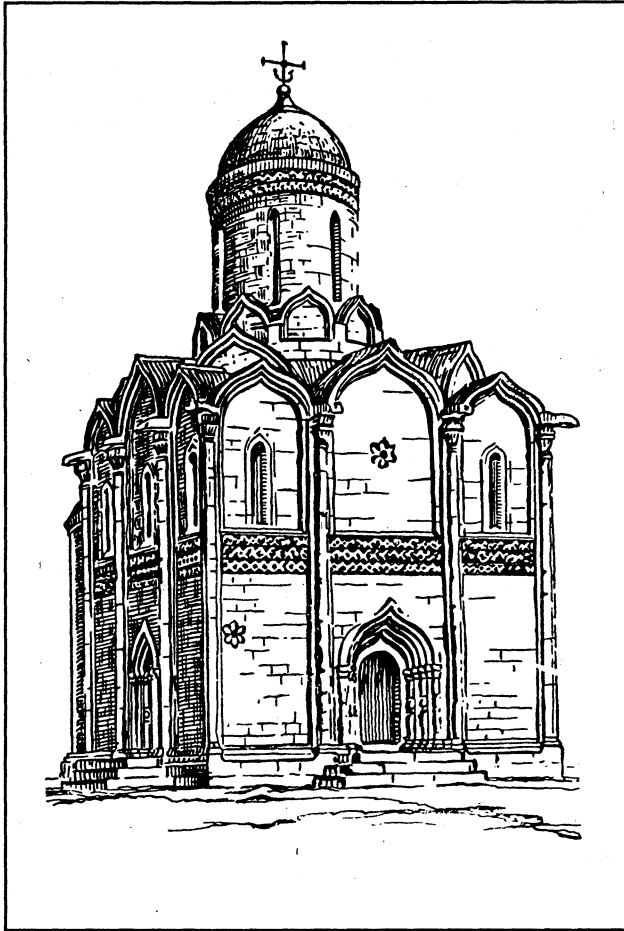
До хором Симеон добрался едва ли не два часа спустя, когда всё в Москве обозрел, все принял поздравления и новости узнал. Снял дорожное платье. В настасьин терем явился облаченный в белошелковый долгорукавый охабень, уже домашний весь, глаза лучились, а на шапке лукаво поблескивал ханский алмаз. Развел руки: «Ну, здравствуй, Настасья» — и обнял. А она все боялась не задеть бы ненароком холодными руками его рук.

Они одни теперь остались в покоях княгини. Симеону исполнилось двадцать четыре, когда уезжал из Орды. Настасья... У нее еще стояла в глазах золотистая гроздь пижмы — последних цветов Замоскворечья. Она ощущала руки князя, идущие от ее чресел вверх. И каждое их прикосновение как бы обозначало ее фигуру. Словно живая, горячая кисть богомаза... Вот пальцы коснулись живота, чуть замерли, почувя перси, пошли по лицу, по губам, ланитам... Вот теперь только она и есть, теперь только и чувствует свое тело. Она чуяла, как теплеют, теплеют и ее пальцы. И вдруг рука князя дрогнула, замерла и будто отвердела — он коснулся ее вязаной шерстяной шапочки, нездешней, каких не носят на Руси. Князь усмехнулся — он знал привычку жены, наряжаясь, оставлять на себе какую-то примету родины, каждый раз новую, сразу и ненаходимую взглядом. И тут же вспомнилась ему, застучала в висках новость, сказанная тысяцким Вельяминовым: Ольгерд, литовский князь, подошел с дружиной к Можайску, наследственной симеоновой вотчине: как-то, мол, глянет на то новоиспеченный великий князь. «Нейметса Ольгерду — все ближе и бли-

же к сестрице своей подбирается», — чуть не вслух подумал князь, шевеля тяжелую янтарную брошь на вязаной шапочке Айгусты.

Чувствовала она: уже совсем другие — бестрепетные — руки торопили ее в постель...

Была Айгуста сестрой литовского великого князя Ольгерда. И нам без краткого экскурса в русско-литовское прошлое никак не обойтись.

Язычник-литвин, в отличие от прочих прибалтийских братьев, сразу и прочно сблизившихся с рыцарями немецких орденов и католичеством, на заре своей государственности испытал длительный и взаимный роман с Русью православной.

Дебелая красавица-Русь, почти не сопротивляясь, отдалась этому симпатичному язычнику. Ей осточертел уже кочевник-монгол, который некогда силой и хитростью овладел ею и сделал «законной» женой. Захотелось погулять на стороне. Самолюбивый литвин потом долго ходил под каблуком этой веселой и сильной славянки. Она обучила его своему языку, показала, как искуснее владеть оружием, внушила свой государственный уклад. Обласканный и взбодренный, он раз другой лихо отделал тевтонских рыцарей. Первый

князь на Литве звался теперь «милостью божьей король литовцев и русских», владел громадными пространствами, включая великое некогда Киевское княжество. Поначалу никто на этих славянских землях, похоже, не принимал завоевателя всерьез. Держали как бы за своего. Княжеские, мол, забавы. На этот раз пофартило литвинчику. Ну и пусть его! От шведов и рыцарей-меченосцев подальше.

Косяком пошли династические браки, а про обычные и слова нет. Из трех жен «короля» Гедимина две — Ольга и Ева — были русскими. Которая-то из них и стала матерью нашей Айгусты. Вот и Иван Калита в угоду какой-то сиюминутной политической ситуации в 1333-м оженил своего старшего — Симеона — на этой литовской княжне-королевне. «И бысть брак

на Москве велик», — отозвалась на это событие летопись. Потом многочисленные братья Айгусты то и дело слали сватов в русские княжества. Русь обогащалась новой кровью, еще большую обретала стать и непохожесть. Русский — значило теперь не только славяно-монголо-варяжский, но уже славяно-монголо-варяго-литовский.

Мудрейшие из литвин, пытаясь основать свою государственность, понимали и ценили эту выгоду — междуособность. Тот же Гедимин не торопился заимствовать веру: ни воинственную католическую от тевтонского ордена, ни дружелюбную православную от столпившихся за его спиной славянских княжеств. Так вернее было не потерять лица. Литва, говорил, уважает в своих пределах любого бога, ибо верховное существо едино, только поклоняется ему каждый по-своему. Позднейшие историки дивились и поражались такому мудрому «язычеству» Гедимины. Его сын Ольгерд, Айгустов брат, достойно наследовал отцу — был трезв, хитер и удачлив. При нем Литовское княжество, вплотную подступив к Москве, действительно стало угрожающе громадным. 9/10 его территории составляли земли Белой, Великой и Малой Руси. Какое-то время оно писало русско-литовскую историю под свою диктовку.

А вот с Симеоном Ольгерду, что называется, не фартило. К его вотчинам, к Москве он никак не умел подступиться. И вовсе не в родственной близости тут было дело. Династические браки на Руси ничуть не мешали семейным сварам, а Русь и Литва, повторим, обретались не в национально-враждебных, а как бы в семейных междуособицах. Бывало, князь литовский слал под Москву дружину, а сестра его, московская великая княгиня, при этом гостила в Вильно у своей родни...

Закавыка в том, наверное, была, что у Симеона не просматривалось человеческих слабостей. Он непостижимым образом без оных обходился. Например, без друзей, которые нет-нет да вынуждают нас пойти на безрассудство. А у него все на одном почете. И не накопительствовал, как Калита, не жадничал без меры, но немалую свою мощь умел, когда надо, поставить на весы. Подумать только: пять раз ездил в Орду в толпе ревнивых князей-соперников и всякий раз возвращался с ярлыком на великое княжение. Ни при Узбек-хане, ни при сыне его Джанибеке не было у Симеона осечки.

И даже в отношении к жене, как мы видели, безоглядной страсти он себе не позволял.

Всеми этими слабостями, которые, чего греха таить, и составляют прелесть нашего краткого земного бытования, безоглядно жертвовал великий князь. Зато, как никому, удавалось Симеоу без крови и огня усмирить супротивника, осадить непослушного князя. И держать на Руси тишину.

Одинок стоял Симеон, от всех на отлете, никого не любил, кроме Руси московской. «Го-ордый» — то одобрительное, то укоризненное ходило по Москве. Он был орудием некоей нарождавшейся в Москве державной силы, гумилевской пассионарности, что ли. Перед людьми и Богом отвечал за Русь. Как будто собирательное женское начало брало верх в его княжение. Выполнял роль матери семейства при гневливом отце-монголе: ему не позволял руки распускать, а детям — отчаиваться и глядеть на сторону. Тянулась к нему эта материнская черта от Александра Невского, через Ивана Калиту.

«Гением зарождавшейся Москвы» справедливо назвал ее историк Н.Я.Данилевский.

Вот и тогда, под Можайском, дело у Ольгерда не выгорело. И потом, когда решился он поставить против Симеона на Орду, тоже получился конфуз. Отправил к хану послов с просьбой о помощи, а Джанибек не поддержал Ольгерда. И, мало того, всех литовских киличеев (послов) взял да и отослал в Москву к Симеоу, будто заурядных пленников — делай, мол, с ними, князь, что пожелаешь. И пришлось Ольгерду, как вассалу, просить у московского владыки «мира и живота».

Между тем, минуло девять месяцев после той сентябрьской встречи. «В лето 6849 оу князя оу великого Семена родился сын Костянтин да того же дни и умре», — оставила нам летопись. Не суждены были Симеоу сыновья-наследники. Первый, Василий, тоже запомнила летопись, умер в младенчестве, а теперь вот и второй.

Это был несчастный плод того горько-сладкого сентября, когда последней свечкой надежды вспыхнула для Настасьи-Айгусты полевая рябинка да и угасла навсегда. Для обоих. Симеон, тоскуя и казнясь, таки все реже и реже появлялся теперь в тереме княгини, отдавая дни и ночи великокняжеским заботам. Он как бы не себе, а Руси принадлежал и был велик и целен в этом своем предназначении. А то, что оставалось собственно Симеоном Ивановичем, — пребывало в ущербе и маяте своей неполноценности.

И Настасья почувствовала, что где-то глубоко в ней то ли хворь угнездилась, то ли усталость от жизни. И жила теперь, глядя не столько вокруг, сколько внутрь себя.

У великокняжеской жены той поры выбора было три: муж, сыновья или сын Божий. Четвертого не было дано, да если бы и объявился он, четвертый, то стал бы незамолимим для женщины великокняжеского терема грехом. И богоизбранным оказывался тот из трех, кому безоглядно даровала женщина себя — то есть вторую половину целого. Ибо не муж, не сын и не Христос не могут быть самодостаточны без женского в них начала. Муж отстранил Настасью. Сы-

новья не шли. И Настасья-Айгуста отдалась храму... Наверно, тем несчастным летом 1341 года, похоронив младенца и до бессильного успокоения наревевшись в опочивальне, вернулась она в храм Спаса на бору, где отпевали Константина, и с тех пор уже редко и неохотно покидала стены сей обители.

Церковь Спаса Преображения (в просторечии — Спаса на бору) — похоже, любимое, но не поднятое на ноги детище Ивана Калиты. В старину здесь был сосновый бор, может быть, он окружал и деревянный храм, на месте которого Калита построил белокаменный — четвертый на Москве. Храм стоял вблизи, а может, и на самой территории княжеского двора в Кремнике. Возводя Спас на бору, Калита задумал устроить здесь, к себе поближе, монастырь. Грешен был князь и набожен. Обитель эту он окружил особой опекой. Из древнейшего замоскворецкого монастыря перевел сюда архимандрита отца Иоанна; книгами, иконами, сосудами снабдил, не жалея казны. О настоятеле Иоанне летописец отзывается как о «муже сановитом и словесном и любомудром сказителе книгам, и учительным (учителем) божественных писаний». Словом, под сенью монастыря была великокняжеского попечения школа, едва ли не единственный известный нам центр просвещения на Москве XIV века. На это указывают такие знатоки и ревнители древней Москвы, как Иван Забелин и Михаил Тихомиров.*

Вот к какому храму прикипела тоскующей душой Настасья-Айгуста. По некоторым летописным намекам мы склонны предположить, что эта княгиня стала продолжательницей просветительных традиций монастыря. Достоверно известно, что она была инициатором росписи храма русскими мастерами. Если митрополит Феогност, грек по происхождению, пригласил греческих же писцов украшать росписью свой митрополичий храм Успения, то Айгуста для других московских храмов и для Спаса на бору приискала русских богомазов. Летопись даже имена их донесла до нас. Мастера Захарий, Иосиф, Николай покрывали фресками стены храма Архангела Михаила, а «мастер старейшина иконников Гойтан» — церкви Спаса на бору. Достоверно же известно, что на роспись этого храма великая княгиня употребила свои личные сбережения.

Заманчивым для нас было предположение историка Иловайского, что Гойтан — это литвин, привезенный или вызванный на Москву Айгустой. Но справедливости ради надо сказать, что другой историк — И.Е.Забелин — поправил Иловайского, указав, что «гойтан» — слово вполне русское, обозначающее шнуток для нательного креста, и было бы ошибочно числить Гойтана иностранцем.

О непосредственном участии Айгусты в украшении московских храмов повествует в романе «Симе-

он Гордый» основательный современный историк-романист Дмитрий Балашов.

В стенах Спаса на бору и великокняжеской обители коротает теперь дни и ночи Настасья-Айгуста. Летопись называет ее не просто монашенкой-черницей, а даже схимницей, т.е. полностью удалившейся от мира. Мастерские богомазов, переплетчиков книг, швейников церковных плащаниц и воздухов стали теперь местом ее обитания. Княжеский терем оставила дочери Василисе, переселившись в келью.

Увы, вещественная история почти не донесла до нас икон и фресок раннемосковского письма. Но остался с той поры знаменитый "Спас Ярое Око" — икона, удивляющая, даже поражающая своей рускостью в отличие от греческих той поры аналогов. Морщинистый лоб не святого, но мирянина, бесконечно усталые глаза с подглазьями... Лик сурового милосердия, непосильной ноши. Уж не с Симеона ли писан русскими иконниками Настасья-Айгусты?

Ничего вещественного не осталось и от церкви Спаса на бору. Забелин, создавая свою «Историю города Москвы», предполагал, что стоявший тогда в Кремле Спас на бору в общих чертах сохранил размеры и стиль белокаменного творения Калиты. Но, увы, во время разборки Спаса в 1932 году ученые убедились, что церковь дважды перестраивалась, а в XVIII веке и вообще была разобрана и выстроена вновь под наблюдением архитектора М.В.Казакова.

Словом, ничего не осталось от церкви, где хозяйничала Настасья-Айгуста. Только в забутовке фундамента удалось обнаружить несколько покрытых орнаментом блоков — часть фриза той первой белокаменной. И по этой малой находке ученые предположили, что храм Настасья-Айгусты, возможно, напоминал звенигородский Успенский собор.

Недолго была в черницах Настасья-Айгуста. Даже ее монашеского имени мы не знаем. Хворь, затаившаяся в ней, развивалась и наконец в 1345 году унесла ее в могилу. Здесь, в монастырских стенах, ее и похоронили — рядом с погребением первой жены Ивана Калиты — Елены. Спас на бору стал с той поры женской великокняжеской усыпальницей.

..Если придется вам бывать в Кремле, прямо возле Большого кремлевского дворца, оглянитесь вокруг внимательным взором. Представьте терем с узорчатым крыльцом, купола и кресты белокаменного Спаса, деревянные строения на подоле кремлевского холма, пыльную дорогу за Москвой-рекой (ныне это Большая Ордынка)... Где-то здесь неприкаянно бродит тень литвинки Айгусты, великой княгини московско-владимирской Руси.

*Кстати будет сказать, что у стены этой церкви были захоронены мощи св.Стефана, первого пермского епископа и просветителя, почившего в конце XIV века.

Ольга ЩЕРБИНИНА

ДЕРЕВЕНСКИЕ МИСТЕРИИ

... Над низкой, тонущей в снегах избушкой — из трубы, черно торчащей над крышей, взвился столб из искр, хвостом, змеем Горынычем поднялся в небо над деревней, и близ него небо кроваво-красно. А в отдалении, где багряные отблески гаснут, проступает бездонная ночь — и звезды. А из-за бани, скорчившись, подняв головы и разинув рты, глядят парни на огненный столб — нечистого, влетающего в дом ко грешной вдове. Вот и плат ее узорный висит близ окна окаянным, манящим знаком... Полночь. Все спит. Только светится вдовье окно. Кто они, эти трое парней? Неудачливые ли соперники, братья ли грешницы, болеющие за погибшую душу сестры?..

Прошли святки — с густым снегопадом, елками, ледяными горками, гаданиями — и образы деревенских мистерий обступают... Луна заглядывает в окно городской квартиры — вечная, таинственная, мистическая, сводящая с ума всех, чувствующих связь с Небом, с Космосом...

Не спится в полнолуние и особенно как-то верится, что далекие наши предки поклонялись Луне. Во всяком случае, чувствовали связь со всем сущим и с небом куда живее нас, замордованных. Все вокруг было полно значения и скрытого смысла, а вещи были вещими — символами. Гадания прямо связаны с этим мироощущением живой связи явлений и событий.

Вот выходит на перекрестье дорог девушка, окликает прохожего. Какое имя прозвучит — таков и будущий муж. На голове у гадалщицы — что это? — блин! Странный атрибут. Фольклористы начала века этот обычай не объясняют.

Блины — давнерусская принадлежность. Говорят: к теще на блины, первый блин комом... С ними связаны обычаи; остались блины в сказках: старуха печет блины у старика на голове. В классической фольклористике блин считался символом солнца. Теперь ученые в этом сомневаются. И позволено будет мне

высказать простое объяснение: блин — это круг. Круг бытия. Круг как метафора.

И — больше, чем метафора: само средоточие жизненной силы и энергии. Таково древнейшее арийское колесо, пришедшее из глубины времен в буддизм. Да ведь и на Руси в старину на Масленице мужики зажигали колесо и с горящим ходили по деревне! Колесо жизни... Круг — завершенность. Круглый год. Круглые сутки. Блин и был прообразом круга, воплощением круга, соединенным, кроме всего, с волшебной силой перемолотого зерна.

Блин, помимо космического, имел, полагаю, значение физиологически-сексуального символа. Впрочем, человек ведь и есть малый космос. Об этой символике говорит такой, например, обычай: на свадьбе родителям «нечестной» невесты подавали с намеком дырявый блин. Вот и выходила на гадание девица с целеньким блином на голове, являя судьбе свою невинность.

Гадали и по лаю собаки, и по хрюканью свиньи. Собака — олицетворение дома, понятие не ругательное, а домашнее, своё, уютное. Где собака лает — в той стороне и замужем бывать. Живо представление о собаке как существе полезном, верном, чутком; стороже добра. Так и гадание о будущем муже по лаю собаки ничуть не смущает деревенскую красавицу. Слушает она: если лай хриплый, силпый да басистый — быть ей за стариком, вдовцом с кучей ребятишек. Выходили за вдовцов хроменькие, сироты ли, бесприданницы. Если лай звонкий, высокого тона — выйти за молодого. Собака то есть прямо соотносится с человеком.

Вспомним сказку про Мороза Ивановича и про двух дочек — старикову и мачехину, побывавших «на том свете», у Мороза. Кто там человеческим голосом вещал? «Тяв, тяв! Старикову дочь в злате-серебре везут, а старухину женихи не возьмут!». Мачеха давай собачке блины кидать, чтоб задобрить. А та съест блин и опять за свое:

«Старикову дочь женихи возьмут...» Собака тут — вешун, как бы «связной» между обычным миром и «иномирьем»... Очевидно, так воспринимались животные в Древней Руси. И не было среди них нечистых. В одно ушко к коровушке либо к сивке-бурке влезали — в другое вылезали в ином уже обличье...

Загадывали на будущего мужа и по хрюканью свиньи в загоне. И опять: ничуть такое не обидно. Свинья в, так сказать, «свинском» смысле — чисто городское ругательство, думаю, пришедшее на Русь из Орды, где считали свинину поганой. У русских же известна сказочная, а значит древняя Свинка-золотая щетинка. Животное свое, привычное, но при случае и коварное. Не зря и деревенские красавицы, что знают с нечистым, часто оборачиваются не кем-нибудь, а свинкой. Розовой, упитанной, с нежным телом и сверкающими человеческими глазами. Бегаёт такая по деревне и творит беды. Где побывает, там либо корова заболевает, либо цыплята передохнут, а то и пожар случится. А зашиби свинке этой ногу поленом — наутро, глядь, какая-нибудь Хивря уж не вышла к колодцу за водой, а сидит-охает на печи с перевязанной ножкой...

Всюду в нашем фольклоре явные следы анималистических представлений, первобытных верований (и новейших тоже — развитие ведь идет, как известно, «витками»). Веры в то, что человек и животное не только таинственным образом взаимосвязаны, но составляют единую плоть с разными душами, которые при колдовской технике могут меняться местами.

Чрезвычайно интересно и гадание по полену. Выбегает девушка и, не видя в темноте, хватается из поленицы во дворе что придется. В избе рассмотрят: если полено гладкое, толстое, одетое корой — быть замужем за богатым. Кривовато да тонковато — за убогим и т.п. Тут видно древнейшее представление славян о душе дерева, одушевленности растений. В сборнике Афанасьева нахо-

дим сказку «Жадная старуха». «Жил старик со старухой: пошел в лес дрова рубить. Сыскал старое дерево, поднял топор и стал рубить. Говорит ему дерево: «Не руби меня, мужичок! Что тебе надо, все сделаю...»

Обильную пищу воображению дает зеркало. Зеркало — идея «того света», иномирья, зазеркалья... Гадание на зеркале — одно из самых волнующих. Приходит девушка в баню в полночь, ставит зеркало и свечи по сторонам, смотрит, сосредоточившись, на этот клочок иного мира, откуда волей-неволей, а выйдет, подвластный неведомой силе, ее суженый, покажется ей... Бывает, и подарок невесте оставит — поясик нарядный. А то рукавица останется, женихом случайно оброненная... Потом, через пятьдесят лет, найдется та рукавица на чердаке; увидит ее муж и вспомнит: да такая же точно потерялась у него как-то святочной ночью!

... Не спится лунными святками, и одна другую в воображении сменяют картины, никогда и никем еще не написанные, но так и просящиеся на полотно...

Вот в горнице, на увитом сухими травами троне — женщина в царском платье. Алого бархата, тяжелое, расшитое — горит оно полночным купальским цветком. Волосы до пят серебрятся дымом, голова откинута, губы приоткрыты, а глаза, широко распахнутые, смотрят недвижно на полную луну. У горницы нет стены, и призрачно видна до горизонта уходящая деревенская улица. Вкруг луны светящийся нимб на полнеба. Платье царицы закрывает всю ее до кончиков туфель, и тяжелое ожерелье охватило шею петлей, но одна грудь ее, круглая, молочно-белая, лунная, обнажена и глядится в свое отражение на небе.

А из-за печи выглядывает Мохнатый, с серо-лиловым лицом, полускрытый тенями ночи, и с плотоядной, лукавой и доброй улыбкой глядит-лыбится на лунную деву...

На снимках: фольклорный праздник в Нижней Синячихе. Фото А. ЧЕРЕЯ

Александр МОИСЕЕВ

ЧЕЛЯБИНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Отец истории Геродот жутковато описал наши места — Южноуралье. Тут и свирепые савроматы, у которых даже женщины жаждут крови, сражаются вровень с мужчинами и замуж не выходят, пока счет убитым врагам не начнут. И еще более ужасные исседоны, которые на поминках поедают своих близких, а из их голов делают жертвенные чаши и пьют из них на пирах. А окрест и вообще уроды-недолюди: плешивые с колыбели аргиппеи, одноглазые аримасы, а еще засони, которые, будто бы, как завалятся с осени, так и дрыхнут до весны. Словом, предел обитаемой земли, окраина ойкумены.

Насчет свирепости здешних народов Геродота можно понять: их странности идут от непривычных для древних греков обычаев и одежд. Но в одном отец истории не прав — наш край никогда не был окраиной ойкумены. С самых седых глубин каменного века жили в наших местах люди, и жили в условиях получше, чем у соседей: пограничье гор и равнин, лесов и степей, тысячи озер, смягчающих климат... Ледник, сковавший пол-Европы, сюда не доходил. Пустыня и в самые жаркие лихолетья не подступала. И болота не могли одолеть южноуральские холмы.

Да откуда было знать об этом Геродоту в пятом веке до Рождества Христова, если даже в средневековье Южноуралье на европейских картах белело пятном «terra incognita»? Древности стали высвечиваться и складываться в мозаичное полотно буквально в последние десятилетия: Игнатьева пещера, Аргази и Зюраткуль, Суртанда и Ботай, Синташта и Аркаим, Синара и Иткуль... Сколько имен челябинской карты сегодня известны археологическому миру по удивительным, порой сенсационным находкам древностей. К сожалению, даже самое-самое мало известно широкому кругу читателей. И мы лишь притронемся к челябинским древностям с надеждой возбудить интерес.

Чингачгук из Давлеканово

Откуда, например, пришли к нам охотники за мамонтами, как выглядели? Что не из Европы, это уж точно. Не было тогда прямого оттуда пути. Ледники преграждали путь на севере. С юга примыкало огромное море, остаток которого — Каспий, по тому дну сегодня протекает Волга. А вот с востока на Урал путь был открыт тундро-степью. По мнению большинства ученых, палеоазиаты в каменном веке были единственными хозяева-

ми Сибири и Зауралья, переходили горы и в Приуралье. Здесь, возле башкирской станции Давлеканово, и был найден череп нашего земляка той поры. Знаменитый скульптор-антрополог М.М.Герасимов восстановил по нему облик «давлекановского человека». Он совсем не походил на представителей монголоидной расы.

Колумб южноуральского энеолита Г.Н.Матюшин («давлекановский человек» — одна из многих счастливых находок его экспедиции) назвал его «краснокожий вождь из каменного века». Именно таким смотрелся со страниц куперовского романа Чингачгук. Крупное продолговатое лицо с орлиным носом, гордая осанка. Безбород(!), длинные волосы собраны на затылке в косу.

О явном сходстве «давлекановского человека» с американскими индейцами говорит и Матюшин, намекая на неслучайность похожести: «Может быть, давлекановский человек, как и «американоидные» селькупы, — потомок того великого народа, который не только освоил Сибирь, но и перешел в Америку». Вот какой размах, какие расстояния!

Мы же напомним о попытке объяснить название геродотовых исседонов из кетского-селькупского языка. Они и в самом деле похожи на американских индейцев, а «давлекановский человек» — на них. Не их ли это уральский предок и предок исседонов Геродота?

Смолинские оружейники

В переходную пору от каменного века к бронзовому — в неолите — у «уральских индейцев» появились соседи-соперники. Тундра к тому времени стала сворачиваться, зарастая широкой полосой тайги, и оказалась оттесненной к Ледовитому океану. Южнее лесов материк опоясала степь. Пришельцы облюбовали многочисленные озера уральских предгорий. Поселились они и на озерах челябинской округи, в том числе и на озере Смолино.

А теперь — о солнечном маятнике. Помимо великих, в тысячелетия, колебаний тепла и влажности, которыми наделяет наше главное светило Землю, есть и малые, в несколько десятилетий, приметные лишь в отдельных краях. Тепловой пик одного из них пришелся на челябинскую округу в двадцатые годы нынешнего столетия. Началась страшная засуха, что запечатлена в истории как гибельный голод с эпицентром в Поволжье. Из лета в лето зелень выгорала, земля трескалась, а озера обнажали дно. Вода в Смолино к лету

1925 года упала на три с половиной метра. Можно представить, насколько сжалось озерное зеркало, сколько отмелей обнажилось.

В такие лета озерные древности можно искать посуху. Много чего разыскали тогда челябинские археологи. Любо-дорого — рыться в земле не надо. Водича постаралась лучше лопаты, смыла с древностей пыль веков. Конечно, многое и уничтожила за века — источила ржой да гнилью, но камень, обожженные черепки ей не под силу.

Тогда-то на обнажившейся отмели у Смолинского казачьего поселка и обнаружили ножи, скребки; проколки-шильца и прочие каменные орудия; множество каменных же сколов и отщепов — своего рода «стружку» от обработки камня. Значит, здесь орудовали оружейники каменного века. Знаток южноуральских древностей К. В. Сальников определил, что смолинская оружейная мастерская действовала около четырех тысяч лет назад. Камень еще господствовал, но наши пытливые земляки уже тогда подмечали преимущества орудий из особенного камня — медной руды после огневой обработки.

Урал вписан в историю как военно-промышленный и металлургический комплекс. Считается, что уральскому оружейному делу и металлургии около трехсот лет. Смолинская оружейная мастерская увеличивает этот стаж в сотни раз. А она из числа молодых и не самых значительных. Центр южноуральского оружейного дела каменного века находился в предгорьях Уральских гор, на юго-западной окраине челябинской округи.

Озерные люди

Еще четыре десятилетия назад Южноуралье каменного века на археологических картах зияло белым пятном. Искали, но безрезультатно, будто обходил целовек Южноуралье. И вот что особенно удивительно: следы обитания человека в каменном веке встречались, а в переходном к бронзовому веку — энеолите — никаких. Пусто!

Но вот экспедиция института археологии Академии наук под руководством Г. Н. Матюшина перешла на озера зауральских предгорий. В 1961 году начали искать и двадцать лет не могли отсюда выбраться — так густо пошли находки. Это была сенсация! За сто лет поисков было найдено с десятков поселений каменного века. Матюшинцы же за одну неделю обнаружили около пятидесяти! Общий же счет — сотни поселений, а изделий из камня — многие сотни тысяч.

Оказалось, люди на уральских озерах жили от зари до заката каменного века. А как густо селились! На

одном только небольшом озере Карабалыкты более двадцати «деревень». В некоторых из них жили тысячи лет. Такая концентрация населения и долголетие на одном месте в каменном веке — большая редкость. Особенно густо заселены были озера возле Магнитогорска: Карабалыкты, Суртанды, Банное, Сыбаркуль, Сабакты. И вообще ни одно предгорное озеро до самой Миасской долины, как и лежащий в сердце Уральских гор Зюраткуль, не было безлюдным в каменном веке.

Жили озерные люди уже вполне цивилизованно — в «домах». На озере Сыбаркуль вскрыли остатки дома длиной 16 м, шириной 7 м — это же более «сотки» площади! Похоже, это был гигантский шалаш из жердей, крытых шкурами. Обогревался дом несколькими очагами. В центре глубокая яма — кладовая съестных припасов. Много нашли каменных изделий, даже украшений — как и во всех озерных «деревнях». И ни одного черепка. Значит, посуду лепить и обжигать тогда еще не умели.

Страна булатного камня

Чем же привлекали наших земляков каменного века предгорные озера? На озере Карабалыкты стоит небольшая деревня Ташбулатово. Всякий, кто знаком с башкирским языком, без труда переведет: Камень-булатово. Почему? Неужели из местных камней знаменитый златоустовский булат выделывали? Нет, конечно. Так башкиры именуют яшму, что само по себе интересно. Яшма считалась булатом всех камней, потому что по твердости не уступала алмазу.

У Ташбулатово — горы яшмы, как и на других предгорных озерах. Все они вписаны в так называемый Яшмовый пояс Урала, протянувшийся на сотни километров от Орска до Миасской долины. Булат-камень привлекал мастеров каменного века. Оружейные мастерские, такие, как на челябинском озере Смолино, были в каждом здешнем озерном селении. Ценились орудия из булатного камня не менее, чем из златоустовского булата. Находят их за тысячи километров по обе стороны Урала.

Попытайтесь что-нибудь вытесать или выточить из яшмы — великих трудов будет стоить. Как же в каменном-то веке голыми руками? А тогда яшму не точили и не тесали. У нее есть такое свойство: ударяй по краешку камня — чешуйки, как с рыбы, слетают. А чешуйки эти, как лезвие бритвы, остры и не тупятся, бриться можно. Такие чешуйки археологи называют микролитами. Один к одному они вставлялись в пазы костей или палок, и получалось лезвие. Износу такому ножу не было.

Николай КЛЕПОВ

*В ПУСТЫХ
ДОМАХ СВЕТЛО
И ОДИНОКО*

* * *

Желтеет одичавшая трава
В покотине заброшенной деревни.
Заиленный родник едва-едва
Сочится возле высохших деревьев.

Июньский полдень мечется
в бреду.
В пустых домах светло и одиноко.
Я вдоль деревни медленно
пройду
По не совсем заброшенной
дороге.

Остановлюсь у отчего гнезда...
Забьется снова сердце покойно.
И расцелую, плача, как всегда,
Родимых стен морщинистые
брёвна.

* * *

Отчий дом мне видится порой —
Вовсе не во сне, а наяву:
Бочка с застоявшейся водой,
Яблоко, упавшее в траву.

У ворот незлобно лает пес.
Мать стучит колодезным ведром.
Запахи отцовских папирос
Медленно витают над крыльцом.

Детская далекая пора...
Всё-то поросло давно быльем.
Призраком библейским вдоль
двора
Ходит моя бабка с костылём.

* * *

В борт лодки бьёт
холодная волна.
Дереვენеют руки от мороза.
Под веслами темнеет глубина
Еще недавно голубого плёса.

Шумят осиротело камыши.
Заснула рыба в зимовальных
ямах.
За жизнь боясь поистине упрямо,

Подранок утки к заводу спешит.
Наверно, завтра будет ледостав,
По всем приметам
и метеосводкам.
От долгих летних плаваний
устав,
Воде прощально кланяется
лодка.

* * *

Воздушный глаз,
Как солнца луч,
Под светлым льдом
Вдоль берега играет.
На градусник похож
замерзший ключ.
Зима температуру замеряет
У тихо остывающей земли.
В природе что-то, видимо,
случилось.

Зима пришла,
Морозы не пришли —
И холода совсем не получилось.
С деревьев не опали все листья.
Как снегу в декабре
до боли мало!
И солнышко сквозь редкие кусты
На землю смотрит
скорбно и устало.

* * *

Та женщина чужая мне теперь.
Мы с ней давно
находимся в разводе.
Но так тревожно
вздрагивает дверь,
Когда она приходит и уходит.
Когда она садится на диван,

О прошлой жизни
говоря с презреньем,
Ее колени, чувствуя обман,
Передают мне женское волнение.

И я молчу...
Потом молчит она.
Мы всё сказали,
что сказать хотели.
Но что-то мы друг другу
не успели —

Или отдать,
Или вернуть сполна.

Насека

Пчелиный мир,
Пчелиная страна:
Десятки ульев
в зарослях кипрея.
Блаженствуют покой и тишина,
И бабочки порхают, словно феи.

Я в этом дивно-сказочном краю
Четвертый день
вдыхаю запах меда.
И кажется, что я живу в раю.
И неземной мне кажется
природа.

Здесь буйный жар
кипрейного огня
Надежно спрятан
в восковых квартирах.
И остаются тайной для меня
Жизнь и законы пасечного мира.

И только брат мой,
зная толк в делах,
Колдует здесь
на языке пчелином.

И накомарник в солнечных
лучах
На голове его посверкивает
нимбом.

Ах, этот край
блаженства и тепла!
Счастливый мир
полуденного лета,
Где на качелях трепетного ветра
Серьгой в цветке качается пчела.

Владислав КРАПИВИН

«Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ», ИЛИ ПИСТОЛЕТ КАПИТАНА СУНДУККЕРА

Повесть

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

Драма и любовь Елены Бубенцовой

К обеду Генчик все-таки опоздал. Но его не ругали. Всем было не до него. Отец после перерыва опять ушел в мастерские. Прекрасная Елена то металась по комнатам, то вертелась перед зеркалом в своем мини-наряде из кружев и блесток: до конкурса оставалось два часа... А мама держалась за щеку: у нее разболелся зуб.

Наконец мама со стоном пожелала Елене «ни пуха, ни пера» и пошла в поликлинику, потому что «сил моих больше нету...».

Потом, уложив в сумку конкурсное одеяние, заспешила Елена. Генчик ей тоже сказал:

— Ни пуха, ни пера... — Все же родная сестра, хотя временами и вредная.

— Ой, Генчик, боюсь я...

— А ты плюнь три раза через левое плечо. Помогает.

— Тьфу-тьфу-тьфу! — послушалась Елена. — Генчик, а ты можешь, пока я там, поддержать замочком пальцы? Тоже помогает, говорят...

— Ладно, подержу.

Это, Генчик, разумеется, просто так сказал. Ненормальный он, что ли, полдня ходить со сцеплен-

ными пальцами? Так закостенеют, что потом ни выбленку привязать, ни пружинчика сделать, ни даже фигу показать, если будет необходимость.

Генчик привычно разогрел на плите суп и капустные шницели. А пообедав, запер квартиру, повесил на шею ключ и с горстью пружинчиков в кармане пошел за сарай. Там, в игрушечном городе Генчика, играли его соседи с первого этажа — семилетние двойняшки Вовка и Анюта. Генчик им это не запрещал: малыши были славные, деловитые. Сейчас они прокладывали в городе трамвайные рельсы из расплюсченной алюминиевой проволоки.

Втроем они расселили в городе новых пружинчиков, построили у рельсов павильончик трамвайной остановки. Потом Вова и Анюта убежали посмотреть мультики про кота Леопольда. Генчику домой не хотелось. Он пошел к однокласснику Феде Акулову.

— Карасик, пошли на пляж. Окунемся, а то жара такая...

Федя на прозвище не обижался. Карасик так Карасик. В самом деле, не Акулой же его звать. Он был покладистый и смирный человек, послушный в школе и дома. Генчику он честно сказал:

— Мне без старших на пляж ходить не велят. А украдкой я не хочу.

Генчику дома тоже было строго сказано: «Одному

Продолжение. Начало в №1

купаться не смей!» Но сейчас он рассудил, что, если с Карасиком, то, значит, не один. А Феде разъяснил:

— Ты ведь в августе родился, а я в марте. Значит я почти на полгода старше. Со мной ты имеешь право.

Карасик снял круглые очки, почесал ими переносицу, подумал. И нашел, что в словах Бубенцова есть логика.

— Ладно. Только ты за мной приглядывай, я плавать почти не умею.

— Если хочешь, я тебя буду на веревке держать. Называется страховочный конец.

— Смеяться станут.

— Пусть! Мы скажем, что разучиваем морские узлы. Есть такой специальный спасательный узел, «беседочный» называется. Я тебя научу. Веревка найдется?..

Они больше часа плескались в прогретой воде, на мелководье у Второй водной станции. Генчик все поглядывал: не появится ли поблизости моторка с Петей Кубриковым? Но, видимо, старший спасатель нес вахту в другой части акватории... Генчик почти научил Федю беседочному узлу. Но под конец купания Карасик уронил очки. Генчику пришлось долго нырять с открытыми глазами — в воде со взбаламученным песком. Хорошо, что глубина была всего по грудь.

Очки нашлись, и счастливый Карасик сказал, что пора домой. И влез в широкие, не по размеру, джинсы... Генчик лихо завязал свою «горошистую» рубашку узлом на животе. Конечно, не беседочным, а так, по-простому. А на груди распахнул.

— Пускай загар еще поприлипает.

— Ты и так уже загорелый, — позавидовал Карасик. — Не то что я...

— Ну, на тебе тоже есть загар, — утешил Генчик.

— Нет, я всегда почему-то бледный. От природы...

— Это на первый взгляд. А когда снимаешь очки, на переносице белая полоска. И видно, что нос все же потемневший от солнца.

— В самом деле? — обрадовался Карасик. Припустил очки, потер переносицу. Затем вернул очки на место. Генчик сразу вспомнил Зою Ипполитовну: она делала это тем же движением.

Вспомнились и все недавние события: авария с мотором, плавание под парусом, рассказ о детстве капитана Сундуккера. И капитанская коллекция, и пистолет... И фотография мальчика Тимы, Ревчика...

И Генчик вдруг подумал, что Федя, пожалуй, похож на Ревчика. Если не лицом, то характером. Только едва ли Карасик станет летчиком, с очками в авиацию не берут.

Генчику стало жаль Карасика и захотелось сделать для него что-нибудь хорошее. Может, расска-

зать про капитана Сундуккера и его удивительные вещи? Нет, наверно, нельзя так сразу. Надо сперва спросить у Зои Ипполитовны.

— Карасик... Федь, знаешь что! Если хочешь, пойдем завтра купаться снова!

— Пойдем, конечно!

— Только надо придумать, чтобы очки у тебя больше не слетали.

— Я привяжу к дужкам предохранитель. Вот такой... — Карасик чуть не по локоть запустил руку в просторный карман и вытащил моток белой тонкой резины. — Я это купил, когда хотел самолетную модель строить. А потом расхотел...

Оторвали резиновую ленточку, привязали к очкам. Примерили.

— Теперь не свалятся, — одобрил Генчик. — Федь, а можно я себе немного резины возьму? Для одного дела...

— Да бери хоть всю!

Всю резину Генчик не взял, отхватил около метра. У него появилась одна очень удачная мысль. С прицелом на завтра... И по дороге к дому Генчик от удовольствия мурлыкал песню про ковбойшу и ковбоя.

Мама оказалась уже дома. Сердитая. Потому что к стоматологу не попала: тот работал с утра до обеда. А завтра будет с обеда до вечера, так что ждать еще сутки...

— А тебя где носило? Купался, небось? Не отпирайся, я вижу!

— Я же не один, а с надежным человеком. С таким серьезным, в очках... — Генчик не удержался, хихикнул. — Он их утопил, а я нашел на дне...

— И это надежный человек? Кто его родители? Я попрошу, чтобы высыпали ему как следует. А тебе высыплю сама...

Генчик сказал рассудительно:

— Мама, зачем тебе чужие страдания? Ведь у самой зуб болит.

— Не болит! Я зашла к одной знакомой, к экстра-сенсу. Она его заговорила до завтра... Так что не рассчитывай на снисхождение.

— Мам... *Я больше не буду*, — Генчик спрятал хихиканье внутри себя. Вышло вполне серьезно. Мама очень удивилась. Никогда раньше сын таких слов не говорил, считал ниже своего достоинства.

— Что ты не будешь, нечистая сила?

— Купаться с человеком, который теряет очки! — Генчик, помня про резинку, пообещал это со всей честностью.

Мама сказала, что когда-нибудь она все-таки возьмется за Генчика всерьез. И пошла на кухню. Он — следом.

— Ну, чего ты такая... недовольная жизнью? Ведь зуб-то уже не болит!

— Авдуг заболит раньше, чем к врачу попаду? Этого и боюсь... А еще за Елену переживаю. Как она там?

— Ох, я забыл! — И Генчик торопливо сцепил пальцы замочком. — Да ты, мам, не бойся. Она уже, наверно, «Мисс Кнопперинг»...

— Кто-кто?

— Ой, то есть «Мисс Утятино»!.. Хотя нет, рано еще. Там, небось, эта волынка до самого вечера...

Но вот наступил и «самый вечер». Давно уже пришел с работы отец (хмурый из-за всяких неприятностей в мастерских). Поужинали. Посмотрели двухсерийное кино «Большое приключение Зорро». А Прекрасная Елена не объявлялась. Мама была как на иголках. Наконец не выдержала:

— До утра у них там, что ли, этот конкурс!

— Наверно, обмывает свою корону на праздничном банкете, — язвительно заметил Генчик. Но на душе у него тоже кошки скребли. Отец повозился на скрипучем стуле.

— Пускай только придет. Не захочет больше никаких корон...

— Ты забыл, что ей почти двадцать лет, — печально сообщила мама.

— Она сама забудет, когда получит ремня...

Генчик хихикнул, но кошки заскребли сильнее.

А потом уже не кошки, а прямо тигры зацарапали — когда стрелки перевалили за одиннадцать. Генчик решительно закусил губу и двинулся к выходу.

— А ты куда?!

— Ну, «куда-куда»... Сейчас вернусь.

На улице было душно и сумрачно. Вообще-то июньские ночи светлые, в половине одиннадцатого только-только прячется солнце. Но сегодня, будто для пущего напряжения нервов, скопились черные облака. В отдалении погромыхивало, навалились густые сумерки. Лишь на северо-западе тускло светилась над крышами, под кромкой туч, закатная щель.

Дом культуры был недалеко, на другом краю Утятина. Но Генчик помчался со скоростью мотоцикла и оказался там через десять минут. Только зря. Еще издали он увидел, что в окнах всех этажей темно.

Свет был заметен лишь за дверью главного входа. Запаленно дыша, Генчик подошел. На цыпочках. Потянул на себя тяжелую дверь — без надежды на успех. Надо же, открыто! Генчик шагнул в зябкий мраморный вестибюль.

У стола с желтой лампой грелась чайком грузная тетка.

— Это что за птаха залетная? — спросила она из-за кружки. — Чего тебе не спится?

— А конкурс... который «Мисс Утятино»... он давно закончился?

— Здравствуйте пожалуйста! Да уж три часа с той поры прошло! А тебе что за интерес?

— Сестра пропала, — честно сказал Генчик. — Днем ушла сюда и до сих пор нету. Родители извелись...

— Гуляет где-то. Дело молодое. Участница сестра-то?

— Да нет, просто зрительница, — соврал на этот раз Генчик. — Пойду я...

— Иди. Да не переживай шибко-то...

У порога Генчик не выдержал, оглянулся:

— А вы не знаете, кто первое место занял?

— Как не знать! Вот список у меня, для сведения. Потому что целый вечер звонят, спрашивают: кто у вас нынче эта «Мисс»?

— Не Бубенцова, случайно?

— Вовсе даже нет. Наденька Ерохина... А Бубенцова... Постой-ка... у нее шестое место. Вот так. Она тебе кто?

— Знакомая, — буркнул Генчик. И спохватился, что все еще держит пальцы замочком.

Вахтерша, видать, что-то поняла. Вздохнула.

— Хочешь леденчик? Апельсиновый...

— Не хочу, — горько сказал Генчик. До конфеток ли человеку, когда родная сестра пропала. Пропала во всех отношениях.

Обратно Генчик не бежал. Шаггал, весь опутанный тревожными мыслями. И самое страшное подозрение обожгло его на полпути: а что, если Елена пошла к озеру и утопилась? Она же вон как мечтала о почетном титуле, и вдруг такой удар!

Генчик остановился — будто сандалии приклеились к асфальту. А кругом было совсем темно — ни одного фонаря. Гром накатывал все ближе, вспыхивали зарницы. Именно при такой погоде кинулась в Волгу молодая женщина Катерина из пьесы «Гроза». Лена рассказывала про это дело Генчику, когда готовилась к экзамену по литературе. Генчик тогда сказал: «Ну и дура». А Ленка возразила со вздохом: «От большого горя чего не сделаешь...»

А вдруг правда?

Что делать-то?

Вдали горело неяркое окошко — в кривой будке телефона-автомата. Позвонить! Генчик помнил номер Ленкиной подруги Анжелы. Может, Прекрасная Елена сидит у нее, заливая беду слезами?

Генчик, будто камень из рогатки, метнулся вперед. Сандалия зацепилась за росший в щели асфальта ло-

пых. Генчик грянулся вперед носом и на животе ехал по бутристу тротуару до самой будки. Искры из глаз — как фейерверк на карнавале. И среди них — тоже как искра — мысль, что теперь можно будет пользоваться бинтами без всякого лукавства.

У будки Генчик приподнялся и сел. Со стонами. И вдруг заверещал. С отчаянного перепуга. Из бурьяна рядом с будкой высунул голову черт. Рогатый, бородатый!

— Ма-ма-а!!

Черт блеющим голосом сказал:

— Им-ме-ей соображение. Какая же я мама...

— Тьфу ты! Козимода!.. Шастаешь ночью, людей пугаешь...

— Ты, м-ме-жду прочим, тоже шастаешь...

Генчик с кряхтением встал. В локтях и коленках — будто по вколоченному гвоздю. И живот горел от царапин.

— Я сестру ищу. Елену. Домой не вернулась...

Слушай, а ты ее не видела?!

Козимода качнула бородой.

— Видела. Недавно. На этом м-ме-сте. Она шла к озеру с каким-то... джентль-ме-еном.

— Я ей покажу джентльмена! — Генчик опять проstonал и сжал зубы.

— Догоняй нем-ме-едля... Подожди! Тебе нужна м-ме-едицина... — Мокрым теплым языком Козимода облизала Генчику оба колена. Боль в них сразу поубавилась.

— Спасибо, Козимодушка. А можно еще локти? И вот тут!.. — Генчик задрал рубашку. Похихикал от щекотки...

— До утра заживет, — пообещала Козимода. — У меня верный м-ме-етод...

Генчик еще раз сказал спасибо и спешно заковылял вниз по Ромашкинскому переулку. Здесь на столбах горели фонари. При слабом их свете Генчик разглядел впереди две фигуры. «Джентльмен» — коренастый, в пиджаке с широкими плечами — был неизвестно кто. А его спутница — несомненно Елена.

Генчик снял сандалии и сунул за пояс. Двинулся по теплому асфальту бесшумными широкими шагами, догнал парочку. Ленка была уже не в конкурсных блестках, а в обычной кофточке и юбке «повышенной короткости». Она тихонько смеялась и что-то говорила «джентльмену» (ее голова у него на плече).

«Ну, подожди, красавица!»

Они Генчика так и не услышали. Он, приседая на ходу, достал из кармана резинку, которую подарил Карасик. Изо всех сил оттянул конец и хлестко вляпал им Ленке по юбке.

— Ай! Мама!.. Кто это?! Генка! Хулиган!

Генчик отскочил.

— Я хулиган?! А ты кто?! Родители уснуть не могут, а наша краса ненаглядная гуляет с кем-то всю ночь!.. Ой...

«Ой» — потому что спутник Прекрасной Елены тоже, конечно, оглянулся. Для защиты, с грозным видом. И близкий фонарь осветил его лицо.

— Петя...

Кубиков-Кубриков сразу утратил грозный вид.

— Ага... это я... А что, уже очень поздно, да? Лена, у вас будут неприятности?

То, что «джентль-м-ме-еном» оказался старший спасатель Кубриков, меняло, разумеется, дело. О таком поклоннике для Елены можно было только мечтать. Генчик мигом сообразил, какие великие выгоды сулит ему это обстоятельство. Как укрепится его дружба с будущим морским капитаном!

— Петя, ты здесь ни при чем! Но ей-то надо понимать, что дома беспокоятся!.. Вот вернешься, принцесса, будет тебе...

— А что ей будет? — виновато спросил Петя. Генчик опять вспомнил Козимоду:

— Папин рем-ме-ень...

— Не говори глупости, дурак! — взвизнула Елена. — Петя, не слушайте его... Генка, марш домой! И скажи, что никуда я не девалась.

— Да, Генчик, — заторопился Петя. — Ты там скажи... Я Лену скоро доставлю к самой вашей двери. Безопасность гарантируется...

— Ладно уж...

— Мы тебя проводим, — спохватилась Елена.

Генчик ехидно сказал:

— Я не из тех, кого провожают по ночам. — И бо-сиком помчался домой.

— Где тебя носит?! — напустилась мама. — Одна куда-то провалилась, и второй следом за ней! Вгоните нас с отцом в могилу!

Генчик спешно залез под одеяло, чтобы не успели разглядеть его ссадины. И уже из постели, через дверь, известил родителей:

— Никуда она не провалилась. Гуляет по улицам под ручку с одним юношей. Дело молодое... Скоро он приведет ее домой.

— Я вот покажу ей юношу, — с великим облегчением пообещала мама.

— Не надо! Он хороший человек, я его знаю. Будущий капитан дальнего плавания.. Глядишь, поженятся...

— Я им поженюсь, — в свою очередь пообещал отец. И судя по скрипу кровати, стал укладываться.

Елена появилась, когда за окном зашумел наконец ливень. В темноте прокралась к себе за перегородку. Отец с матерью ровно дышали, демонстрируя равнодушие.

Генчик задремал. Но Елене, видимо, не спалось. Она приоткрыла дверь, тихонько прошлепала к постели брата, села на краешек.

— Чего тебе? Ненормальная какая-то... — Гром за окном заворчал, соглашаясь с Генчиком.

Сестра щелкнула настольной лампой. Генчик сердито зажмурился. Потом приоткрыл один глаз. Елена была в длинной ночной рубашке, с распущенными волосами.

— Братик, я тебя так люблю! — Она сдернула с Генчика одеяло и простыню, рывком усадила его себе на колени, прижала. Как малыша...

Он сердито подергался и притих. Ленка была горячая. От нее пахло косметикой, волосами и шампунем.

— Не меня ты любишь, а... кого-то еще... — буркнул Генчик. И устроился поудобнее.

— Дурень... Ох, как ты ободрался! Где это?

— Искал кого-то в темноте...

— Ох и бука ты... Генчик! Я такая счастливая!

— Несмотря на шестое место? — не удержался он от ехидства.

— Ты уже знаешь! Ну и пусть... Сперва я чуть не заревела от горя. А потом... выхожу на улицу, а он ко мне... Говорит: «Здравствуйте, Лена. Вы меня не помните? Я так и думал... А можно мне с вами чуть-чуть поближе познакомиться?» Я говорю: «Какой смысл со мной знакомиться? У меня шестое место...»

— А он, — хихикнул Генчик, — тебе в ответ: «Это для глупой комиссии шестое, а для меня вы самая первая...»

— Ой! Откуда ты знаешь?

— Догадался. Что другое он мог сказать!

— Генчик, мы потом пошли, пошли./ Он про море рассказывал, про корабли./ Он такой славный...

— А про дуэль рассказывал?

— Про дуэль? Про какую?

— Ну, почему он здесь на практике оказался...

— Нет. А почему?

Генчик с удовольствием поведал историю Петинной дуэли. И добавил наставительно:

— Видишь, какой он рыцарь в душе.

— Я вижу...

Лена улыбалась и покачивала Генчика. Он так и уснул у нее на коленях. И не слышал, как сестра уложила его.

Генчику редко что-нибудь снилось, но на этот раз увидел сон. Будто он должен драться на дуэли с длинным черноволосым Бусей — хозяином Шкури-

ка. У Буси в секундантах вся его зловредная компания. А у Генчика — Федя Карасик (или Тима Ревчик) и Козимода. Появилась Зоя Ипполитовна — строгая и будто незнакомая. Дала Генчику и Бусе прямые блестящие сабли. И велела:

— Сходитесь.

Генчик бесстрашно пошел на Бусю. «Я не буду его убивать, а прижму к забору и заставлю извиняться». Но у Буси на рубашке зашевелился нагрудный карман, из него высунул морду Шкурик! У Генчика сразу ослабли колени. Он попятился.

— Не см-ме-ей! — потребовала Козимода. Генчик начал отмахиваться палашом — от Буси и от Шкурика. Попятился снова и спиной полетел в яму. В черную пустоту. Проснулся с колотящимся сердцем. Он тут же уснул опять и увидел еще какие-то сны, но не запомнил...

Мыльные пузыри капитана Сундуккера

1

Кривой приземистый дом Зои Ипполитовны стоял в глубине заросшего двора. Или сада — как хотите, так и называйте. Вокруг поднимались старые яблони, клены и рябины. А в дальнем углу двора вздымалась высоко в небо темная вековая ель.

Земля поросла высокой травой, которую культурные садоводы однозначно обозвали бы сорняками. Был здесь и репейник, и лиловый кипрей, и всякий чертополох. А между ними — густые одуванчики, подорожники и мелкая ромашка.

То, что в августе появлялось на яблонях, было мелкой кислятиной.

— Но зато цветут они восхитительно, — с мечтательной ноткой говорила Зоя Ипполитовна. — А клены осенью — чистое золото...

В траве были протоптаны тропинки: к поленнице, к водопроводному крану, к мусорному ящику и к будочке с окошком в виде бубнового туза на двери.

Все это хозяйство окружал забор. Когда-то был он сколочен из одинаковых, закругленных сверху досок, но потом не раз его чинили, заменяли доски всяким горбылем, тонкой коричневой вагонкой, кусками фанеры. Подпирали забор тут и там разными балками и жердями.

Снаружи забора тоже росли рябины, клены, а еще — мелкая ольха. Такая, что не продерешься. Чаща эта покрывала почти всю территорию, где располагалась «усадебка» Зои Ипполитовны Корягиной (урожденной Сундуковой).

Территория была треугольная и небольшая — полсотни шагов по каждому краю. С двух сторон ее границами служили насыпи — высокая и пониже. На высокой лежали рельсы для поездов, по другой тянулась Окуневская трамвайная линия. Неподалеку они пересекались. Красные трамваи резво проскакивали под решетчатыми конструкциями небольшого железнодорожного моста.

Еще два моста — каменный для трамваев и железный — для товарных и пассажирских составов — пересекали темный овражек. Он доверху зарос такой колючей и ядовитой зеленью, что трава двухвостка по сравнению с ней была, как ласковый котенок перед тигром. Генчик однажды сунулся туда, в глубину: посмотреть на ручей, журчащий в этих джунглях. И потом двое суток расчесывал руки-ноги.

Ручей бежал в Верх-Утятинское озеро. А овраг служил третьей границей этого замкнутого кусочка земли.

— Бермудский треугольник, — с удовольствием говорила Зоя Ипполитовна. — Почти недоступное и, главное, никому не нужное пространство.

В самом деле, крошечный треугольный участок поселковому начальству был ни к чему. Площадь крохотная, приличного здания здесь не выстроишь. Даже мусорную свалку (для которых всякие власти всегда ищут место) не оборудовать. Насыпи и овражек начисто исключали возможность подъезда всяких МАЗов, КРАЗов и прочих самосвалов. Через бетонный туннель под рельсовым полотном едва мог протиснуться лимузин-малютка вроде допотопного «Запорожца» Зои Ипполитовны.

Кстати, она сама этим «Запорожцем» накатала коротенькую дорогу от насыпи до своих ворот.

В общем, никто в «Бермудском треугольнике» хозяйку не беспокоил, дом снести не грозил, «оттяпать» участок не старался. Мало того! Лет двенадцать назад начальство речного порта хлопотало, чтобы сюда провели телефон. Как-никак, в ту пору бухгалтер Корягина была ценным специалистом. Потом протянули во двор и водопроводную трубу. А электричество здесь было еще с древних, «царских» времен.

Одно плохо, почтафоны сюда не добирались. За газетами, письмами и пенсией Зоя Ипполитовна ходила в ближнее отделение связи.

— Зато здесь у меня полный суверенитет. Тишь, гладь и Божья благодать.

Впрочем, «тишь» была так себе. Рано утром начинали дребезжать за забором трамваи. К десяти часам вечера они стихали, но тогда особенно тяжелым становился гул катившихся неподалеку поез-

дов. Они так сотрясали пространство, что звезды между черными листьями дрожали и метались, как испуганные жуки-светляки. И тревожно звенела в шкафу тонкая посуда.

Но Зоя Ипполитовна говорила, что этот шум и дрожание земли давно уже сделались для нее частью тишины.

— Если бы однажды поезда перестали ходить, я не смогла бы спать...

Генчик однажды не удержался, спросил:

— А вам не страшно по ночам одной?

— Страшно? Что за глупости! Бояться надо злых людей, а не одиночества. Это во-первых. А во-вторых... я не одна. Дух капитана Сундуккера незримо бродит по комнатам. — И очки ее заблестели насмешливо.

Генчик внутренне поежил.

— Я как раз про злых людей и говорю! Если появятся грабители, дух вам не поможет.

— Но ты же видел объявление на воротах!

— Думаете, воры ему поверят?

— Если не поверят, пусть зайдут и убедятся, что красть нечего.

— Ага, «ничего»! Такая куча редкостей!

— Голубчик мой! Эти редкости интересны только мне! И, может быть, тебе... А для остальных — это просто утиль!

— Ну уж, утиль! Это музейные ценности!

— Какие там ценности! Все считают, что в этом древнем доме живет сумасшедшая старуха, у которой за душой ничего, кроме всякой рухляди...

— Кто это так считает?! Будто вы... сумасшедшая? Сами они...

— Окрестное население. И не только. Даже мои родные дочери в глубине души разделяют это мнение.

— У вас есть дочери?!

— Здрассте! А ты, милый мой, полагал, что я всю жизнь была бесплодна, как сухая смоковница?... Я ведь говорила, что у меня был муж, он работал преподавателем истории в речном техникуме и умер пятнадцать лет назад. А обе дочери давно уже взрослые, одна в Новосибирске, другая в Москве. И у каждой по две своих дочери, мои внучки... Только вижу я их редко. Самой ездить в гости нынче накладно, да и дом надолго не оставишь... А мамыши своих дочек не склонны отпускать к ненормальной бабке. Да и что этим девочкам из музыкальных и английских школ делать на треугольном пустыре? Зачем им старое корабельное барахло и какой-то капитан Сундуккер?.. По правде говоря, мне хотелось, чтобы родился хоть один внук, мальчишка...

Разговор этот случился жарким июньским днем, на дворе. Генчик только что потанцевал под упругим садовым душем и теперь в одних плавках болтался на самодельных качелях, сушился. А Зоя Ипполитовна сидела на крыльчке и что-то рисовала в большом альбоме. При последних словах она быстро глянула из-за крышки альбома, поверх очков.

Генчику что сказать в ответ? Не виноват он, что нет у Зои Ипполитовны внуков. Он засопел, начал чесать друг о дружку изжаленные в овраге ноги. Качели завертелись. Это была все та же веревка с петлей беседочного узла, только в петле Генчик сделал сиденье из дощечки.

Сделав несколько оборотов, Генчик опять встретился взглядом с Зоей Ипполитовной.

— А что вы там рисуете?

— Гм... Признаться, я рисую тебя.

— Ой! — Он выпрыгнул из петли. — Можно посмотреть?

— Ну... если не будешь сильно критиковать.

Критиковать тут было нечего. Хотя Зоя Ипполитовна и жаловалась на больные пальцы, карандаш этим пальцам был послушен. Генчик на ватманском листе увидел себя, как в зеркале.

Похожие на стружки завитки волос, задорно сморщенный нос, улыбка до ушей. И криво растущий зуб (рядом с «совсем беззубой дыркой»). И даже родинка на подбородке.

И все же Генчик не удержался от замечания:

— Похоже. Только какой-то я слишком тут... жизнерадостный...

— Ты порой таким и бываешь. Я ухватила момент...

Генчик опять неловко засопел. Он хотел сказать другое: «слишком смелый». На карандашном наброске Зоя Ипполитовна ухитрилась даже сделать искорки в глазах. И в этих искорках горело веселое бесстрашие. Неужели она забыла, как он прятался от хулиганской компании? Правда, сейчас он этих типов уже не боится. Но это не от природной смелости, а... изменились условия, вот что.

От неловкости Генчик решил придраться к другому:

— Неужели я такой тощий?

— Ну, голубчик, тут уж ничего не поделаешь. Как говорится, нечего на зеркало пенять...

У «портретного» Генчика голова была вскинута на тоненькой, как стебель, шее, колюче торчало вздернутое плечо, остро выпирали из-под кожи ключицы.

— Потолстеешь еще. Ближе к пенсии, — утешила Зоя Ипполитовна.

— Не, я и тогда не буду... Зоя Ипполитовна, а это уже готовый портрет?

— Это пока проба. Потом сделаю эскиз аква-

релью. И если получится, то, может быть, возьмусь за настоящую работу. Масляными красками...

— Ух ты!.. Будет, как портрет капитана?

— Поменьше размером, большого холста у меня нет. А что касается художественного уровня, то это как получится...

— Хорошо получится! — Генчик подпрыгнул. — Зоя Ип-политовна. А когда настоящий портрет будет готов, вы этот вот... куда денете? Можете мне его подарить?

— Гм... Если вы, сударь, будете себя хорошо вести. И не станете то и дело скакать перед пожилой дамой в голом виде.

— Но я же не совсем же в голом!.. А в одетом виде я не могу все время залезать под душ. А не залезать тоже не могу, потому что расплавлюсь тогда, как пластилиновый...

И он опять ускакал под изогнутую трубу с медной «многодырчатой» тарелкой на конце. И пустил на себя упругий дождик. И радостно заверещал под струями. Запрыгал — тощий и блестящий, как чертенок, сделанный из коричневого стекла...

Зоя Ипполитовна с крыльца смотрела, как Генчик танцует среди множества маленьких радуг. И тупым концом карандаша подпирала нижнюю губу — придерживала улыбку. Она сидела на солнышке, ничуть не боясь «расплавиться». Горячие лучи для старых костей — одна радость.

...Но все это было уже потом, когда Генчик хорошо познакомился с хозяйкой «Бермудского треугольника» и стал в ее доме, можно сказать, своим человеком.

А в то утро, после ночных приключений с Прекрасной Еленой, Генчик впервые приехал к Зое Ипполитовне на трамвае. Искать Петю Кубрикова и снова просить его о плавании на тот берег он счел неудобным. Чего доброго, Петя решит, что Генчик использует его влюбленность в Елену.

Зоя Ипполитовна взад-вперед ходила у своих ворот. То ли прогуливалась, то ли поджидала Генчика. Сдержанно обрадовалась:

— О! Весьма приятно!.. А я сперва тебя и не узнала.

Генчик был в черной кепке-бейсболке с надписью NEVADA. В желтой футболке и разноцветных болоньевых шароварах. Потому что утром увидел: со вчерашними ссадинами на улице лучше не соваться. Все прохожие будут пялить глаза — кто с сочувствием, а кто и с ухмылкой. Это одна причина. А другая (и главная) та, что в прежнем наряде его опять могли углядеть недруги.

Осторожность оказалась не лишняя. На пересад-

ке, где рыночная площадка, Генчик снова заметил своих врагов: и Круглого, и Бусю, и двоих в свитерах, и насупленного лобастого Бычка. И Шкурика!

Судя по всему, компания работала. Давала представление для столпившихся зрителей.

Уповая на свою «маскировку» (и надев еще темные пластмассовые очки), Генчик пробрался поближе.

Главным артистом оказался... Шкурик. Мальчишки в свитерах держали натянутую веревку, а Шкурик на ней акробатничал. Ухватившись черными ручками, он вертелся на ней, как макака! А потом даже прогулялся по веревке на задних лапках. После этого он потанцевал на асфальте — под губную гармошку, на которой пиликал Буся.

Зрители аплодировали. Пятеро мальчишек деловито переключались. Из этой переключки Генчик узнал, что круглого так и зовут — Круглый. Тех, одинаковых в свитерах — Миха и Гоха. А насупленного — разумеется, Бычок.

Бычок один из всех был молчалив. Без слов обходился зрителей и протягивал перевернутую соломенную шляпу. Кое-кто бросал в нее бумажки и монетки.

— Дамы и господа, граждане и товарищи, мадамы и месье! — беззастенчиво голосил Буся. — Проявите щедрость и уделите немножко ваших дивидендов на пропитание талантливому шкыдленку! Он с малого возраста остался без мамы и папы и должен зарабатывать трудовой хлеб собственным артистическим трудом!

Одна пухлая дама дернула плечами и заявила на всю площадь:

— Фу, какая гадость! Крысиный цирк!

Дама была неприятна, однако со словами ее Генчик вполне согласился. И попятился за чужие спины, когда Буся оказался поблизости. При этом Генчик уронил очки и шарить под ногами толпы не решился. Наплевать. Все равно они старые, треснутые...

2

Это был третий день работы Генчика над моделью. Ванты на бригантине «Я больше не буду» почти все уже были со ступеньками — с выбленками. Оставалось совсем немного — на вантах у форбрам-стенги (Генчик уже знал, что это такое).

Можно было не торопиться. Генчик с удовольствием потоптался босыми ступнями на прохладных половицах, подошел к «той самой» двери.

— Можно, я еще немного посмотрю капитанские вещи?

— Сколько угодно! Смотри и трогай все, что хочешь!

Генчик взял с подоконника тяжелый пистолет.

— Зоя Ипполитовна! А можно я попробую выстрелить?

— Да ведь резинки-то нет!

— Я принес.

— Тогда стреляй на здоровье. Только не по экспонатам. И не по стеклам...

Генчик вытащил из кармана резинку — ту, что подарил вчера Карасик. Сделал из нее тугую петлю, надел на пистолет. Оттянул ударник, надавил спуск. Пистолет звонко и охотно щелкнул — будто был сделан лишь вчера, а не лежал без дела полторы сотни лет!

В кармане у Генчика была горсть сухого гороха, специально добытая из маминых припасов. Но оказалось, что трубка узкая, в нее входят лишь самые мелкие горошины. Генчик выбрал только с десятка подходящих.

Он вкатил одну горошину в ствол. Опять оттянул головку ударника. Направил пистолет в открытое окно. Там среди веток был виден верхний край поленицы. На ней стояла мятая консервная банка.

— Зоя Ипполитовна, можно я сшибу эту жестянку?

— Попробуй... Вообще-то из нее пьет Варвара, это бродячая кошка. Очень независимая особа, которая иногда заходит ко мне на двор, я ее подкармливаю... Генчик, если собьешь, поставь обратно. А ты надеешься попасть?

— Я постараюсь.

— Ну, постарайся... — Она, конечно, не верила, что Генчик попадет.

Он и сам не очень верил. Но вдруг получится?.. Генчик прицелился, положив длинный ствол на локоть левой руки.

Щелк! Банка со звоном улетела за поленья.

— О! Да ты прямо как Сильвио из повести «Выстрел»!

Генчик со скромной важностью дунул в ствол, хотя, конечно, там не было порохового дыма. И решил пока больше не стрелять. Второй раз едва ли так повезет, и портить впечатление не хотелось.

С видом знатока он сообщил:

— Меткая система. Потому что ствол длинный...

Да, оружие было такое замечательное, что Генчик не расстался с ним даже на время такелажной работы. Сидел у стола, а тяжелый пистолет держал на коленях. На всякий случай заряженный.

Генчик проворно вязал на верхних вантах выбенки, а хозяйка прибиралась в соседней комнате, где коллекция. То ли она случайно задела колокол, то ли качнула нарочно — он звякнул.

— Зоя Ипполитовна! Вы сперва говорили, что это

колокол с бригантины! — вспомнил Генчик. — А потом сказали, что его завела в доме мисс Кноп... перинг. Для воспитания...

— Все верно! — громко сообщила Зоя Ипполитовна в открытую дверь. — Сперва он висел у Фомушки в детской, а потом перекочевал на судно... Только это случилось не сразу... Прежде, чем у Томаса Сундуккера появился свой парусник, ему пришлось хлебнуть немало приключений...

— Расскажите! Ну пожалуйста...

— Ох. Если подробно рассказывать, на это не один день уйдет.

— Ну пусть не подробно! Хоть чуть-чуть...

— Получилось так, что, поплавав на английских судах, Фома нанялся матросом на американский пароход. Очень уж хотелось побывать в Новом Свете. Посмотреть прерии, индейцев, бизонов и Ниагарский водопад...

Но увидел он совсем другое. В то время в Америке была в разгаре гражданская война, северяне воевали с южанами, боролись за отмену рабства. Фома, конечно, тоже был против рабства и решил, что северянам надо помочь... Он побывал в разных переделках. Участвовал в нескольких сражениях, когда служил матросом на военном пароходе. Особенно крупной была битва с крейсерами южан — «Алабамай» и «Сэмтером». «Алабама» тогда чуть не пошла ко дну... Фома отличился тем, что спас мальчишку-негра. Это был маленький раб капитана «Алабамы». Во время боя он решил сбежать к северянам и бросился в воду, прихватив надутый мешок из просмоленной парусины. В мешок попала пуля, негренок стал тонуть недалеко от парохода северян. И Фома кинулся за борт — на выручку. Вытащил беднягу... Где-то у меня была вырезка из американской газеты тех времен. С рисунком: отважный молодой Томас Джон Сундуккер и спасенный им темнокожий мальчик... За это дело Фоме даже дали медаль...

А потом война кончилась, рабство отменили, и Фома вернулся в Россию. Для этого он попросился на русский корвет «Варяг». В то время в Нью-Йорк заходила российская эскадра — этакий политический демарш, чтобы поддержать северян в их справедливой войне. Офицеры «Варяга», услышав о приключениях юного земляка, взяли его на корабль, хотя это и противоречило уставу. И поплыл он на родину то ли пассажиром, то ли матросом-вольноопределяющимся. И по пути набирался новых морских знаний...

Конечно, Фома побывал дома, поудивлял отца, мисс Кнопперинг и старшего брата рассказами о своих похождениях, а затем уехал в Керчь и поступил там в мореходные классы. Под именем Томаса

Сундуккера. Потому что именно на это имя были у него все бумаги, которые подтверждали его матросский и штурманский опыт.

Окончив классы, получил Томас Сундуккер штурманское свидетельство и какое-то время ходил помощником капитана то на парходах, то на парусных судах. В том числе и на знаменитых чайных клиперах — в их дальних рейсах из Китая и Австралии в Европу.

И снова были в жизни Томаса Сундуккера всякие приключения. В том числе и такие, за которые могло ему крепко влететь от разных морских властей. Выручала его все та же привычка: жалобные слова «я больше не буду» и чистый взгляд голубых глаз... Что ты делаешь?!

А Генчик делал вот что. Вскинул пистолет и опять пальнул в открытое окно.

— Там кошка!

— Разве можно стрелять в живых существ!

— Но я же не прямо в существо! Я ей под лапы, чтобы напугать!

— А если бы ты случайно попал в бедное животное?

— А если бы животное сожрало воробья? Там на заборе воробья и воробьята! Эта шкыдла подбирается к ним!

— Серая и тощая?

— Да!

— Это Варвара. Совершенно беспардонная личность... Я пыталась ее воспитывать, но без малейшего результата. Конечно, ты прав, что пресек ее варварское намерение...

— Варварство Варвары... — хихикнул Генчик.

— Вот именно...

— А когда у капитана Сундуккера появилась бригантина?

— В тысяча восемьсот восемьдесят втором году. В ту пору Томас Сундуккер был уже закаленным морским волком и немало поплавал по всем океанам... Отец его к тому времени умер, и старший брат честно поделил с Фомой наследство. У капитана завелись наконец деньги для покупки собственного судна...

Он купил эту не новую, но крепкую бригантину у судовладельца Роберто Картахены в порту Нинья Бланка на Антильских островах. И торжественно повесил над носовой палубой тот самый колокол — он специально привез его с собой. На память о детских годах, о первых плаваниях по речке Внуковке и о родном доме.

— Надеюсь, он будет напоминать вам о том, что в любых ситуациях следует вести себя разумно. С

одной стороны, осмотрительно, с другой, благородно, — сказала Фоме Ивановичу на прощанье мисс Кнопперинг — уже старенькая, но по-прежнему строгая. Она продолжала оставаться в доме Сундуковых на правах члена семьи.

— Я больше не буду, — привычно отрапортовал Фома Иванович. — Ох, то есть наоборот, буду: осмотрительно и благородно...

В Нинье Бланке он и зарегистрировал свою бригантину. Вернее, зарегистрировал ее чиновник, появившийся на судне в отсутствие капитана.

Портовое начальство в тех местах было, прямо скажем, разгильдяйское. Чиновник пришел со своими бумагами после хорошей порции гаванского рома. Бригантина называлась «Эсмеральда», но этот представитель власти на борт с названием не взглянул. Узнав, что капитан в отлучке, чиновник направился прямо на полубак: он решил списать название судна с колокола. Потому что по морской традиции на колоколах обычно написано корабельное имя.

Увидав русские буквы, этот грамотей важно поморгал, потом кликнул вахтенного матроса и потребовал, чтобы тот прочитал надпись. По слогам, внятно. Матрос послушался. И чиновник, выдыхая ромовые пары, старательно вписал в судовые документы: «Ya bolshe nje budu».

Когда капитан Сундуккер попытался объяснить ошибку властям, в портовой конторе заупрямились. А потом сказали, что за переделку бумаг придется платить новый налог. При этом назвали такую сумму, что Фома Иванович махнул рукой и подумал, что, может быть, здесь вмешалась судьба. Подумаешь, «Эсмеральда»! Самое обычное имя. А в названии «Я больше не буду» можно было усмотреть особый смысл. И не спутаешь его ни с каким другим!..

Вот такая, мой друг, история...

— А дальше?

— Ну, дальше было много всего... Официально считалось, что капитан Сундуккер занимается торговлей и китобойным промыслом. Но торговля была лишь для того, чтобы хватило денег на жалованье матросам да на ремонт парусника. Матросов, кстати, капитан подбирал таких же, как он сам — искателей приключений и бродяг по натуре... А что касается китов, то капитан Сундуккер не подстрелил ни одного. Потому что считал это дело жестоким и бесовестным.

Патент китобоя и торговца нужен был капитану Сундуккеру только для официального представительства. А вообще-то он часто ходил из порта в порт без всякой коммерческой цели, собирал морс-

кие редкости и ввязывался во всякие истории. В те, после которых ему всякий раз приходилось обещать, что больше не будет. Имя капитана Сундуккера в конце девятнадцатого века было хорошо известно среди моряков. Так же, как имя его старшего приятеля капитана Румба... Этакие знаменитые капитаны-неудачники.

— Почему неудачники?

— Да так уж получилось... Семей капитан Сундуккер не обзавелся до конца жизни. Была у него в молодости сильная, но несчастная любовь, и после этого все свои силы он решил отдать морским открытиям... В открытиях ему, с одной стороны, везло, а с другой — никак...

— Что-то непонятно...

— Сейчас объясню... Гораздо раньше Нансена капитан Сундуккер сумел пройти Северо-Западным проходом, во льдах. Это проливы, которые вдоль северных берегов Америки соединяют Атлантику и Тихий океан. Пройти-то прошел, но доказать это не сумел. Ученых на паруснике не было, а капитану и его матросам не верили...

Потом капитан Сундуккер отыскал в Тихом океане таинственный остров Тагио-Пойо. Тот самый, который пытались найти многие мореплаватели, а наш знаменитый Крузенштерн доказал, что его вовсе нет... Остров, однако, был, и на нем жило мудрое племя пагуасов.

— Папуасов?

— Нет, па-гу-асов. Они подарили капитану Сундуккеру старинное базальтовое блюдо с таинственными знаками — это был древний календарь. Осколок от него сохранился, я тебе потом покажу... Но опять никто не хотел верить капитану Сундуккеру. А найти остров снова он уже не мог, хотя отлично знал координаты. И капитан пришел к выводу, что Тагио-Пойо появляется лишь изредка, а потом уплывает (или проваливается) в какой-то другой мир. Это была одна из первых догадок о параллельных пространствах, про которые сейчас очень много говорят...

— Это те пространства, откуда прилетают НЛО, да?

— Не исключено. Однако в те времена кто мог поверить рассказам о каких-то иных обитаемых мирах? И конечно, за капитаном Сундуккером все больше укреплялась репутация фантазера. В портовых тавернах и на кораблях говорили: «Он, по правде сказать, лихой моряк, но не может обойтись без всяких сказок...». А капитан Сундуккер никогда не врал...

Ох, нет! Один раз ему все-таки пришлось решиться на обман.

Это случилось на одном из тропических островов. Не помню точно его название. Что-то вроде Татуа-

Матуа. Туда зашел за водой и кокосами русский паровой клипер «Козерог», он совершал учебное кругосветное плавание. Местный князек, личность хитрая и вероломная, сперва принял моряков хорошо, наобещал, как говорится, золотые горы. Но потом обманом заманил на берег двух матросов и мичмана и заявил, что не отпустит их без выкупа. И потребовал в обмен на пленников вельбот красного дерева.

Разбазаривать казенное имущество командир клипера не имел права. А самое главное, не было никакой уверенности, что этот туземный король, получив вельбот, выполнит обещание.

Переговоры ни к чему ни привели.

Конечно, орудия клипера могли в несколько минут смешать хижины поселка с кораллами и песком. Но ведь и многих островитян — тоже. Очень уж не хотелось морякам так поступать. Да и матросы с мичманом могли пострадать при обстреле.

В это время зашла в бухту бригантина «Я больше не буду». Капитан Сундуккер был знаком с местным правителем. Вот и говорит: «Давайте я улажу это дело».

Взял он с собой кусок мыла и поехал к вождю. И стал перед ним надувать мыльные пузыри. В присутствии многих жителей. Надо сказать, что это занятие капитан любил еще в детстве. Пузыри у него получались большие и радужные, все соседские ребята глазели и даже взрослые...

Ну вот, надул Фома Иванович несколько пузырей и обратился к вождю:

«Великий правитель страны Татуа-Матуа! Я дам тебе кусок этого волшебного вещества. С его помощью ты сам сможешь надувать такие летучие шары. А когда ты сумеешь надуть шар величиной больше самой крупной тыквы аху-татаху, на тебя снизойдут великие удачи и процветание. На острове расплодится столько сытых свиней, что для пересчета не хватит пальцев на руках и ногах всех твоих подданных. А владыки соседних островов наконец убедятся в твоём богатстве, мудрости и силе и все разом признают тебя своим повелителем... Только нужно выполнить ряд условий. Во-первых, перед надуванием шаров следует с ног до головы обмазаться кокосовым маслом. Во-вторых, надувать их следует лишь тогда, когда над морем взойдет полная луна. Что же еще?.. Ах, да! Если у тебя на острове есть чужеземцы, ты должен отпустить их с миром. Присутствие посторонних нарушит колдовство...

Когда матросы и мичман живые-здоровые вернулись на клипер, капитан Сундуккер сказал их командиру:

— Конечно, нехорошо обманывать наивных дикарей. Но ведь не оставалось другого выхода... К тому же, я больше не буду.

И правда, он больше никогда не дурачил мыльными пузырями князька Татуа-Матуа. И даже не подходил к тому острову.

Эта история стала известна во многих портах. Моряки смеялись: «Капитан Томас верен себе. Он любит пускать мыльные пузыри...» — это они намекали на рассказы о его открытиях.

— И он никого не вызвал на дуэль?!

— Нет, конечно! Если бы он даже уложил двух-трех насмешников из пистолета, разве это было бы доказательство? Болтать стали бы меньше, но больше верить все равно не стали бы... А кроме того, тебе же известно, что капитан Сундуккер вовсе не был кровожаден...

— Да... А капитан Румб ему верил?

— Да, старый друг ему верил. Именно он посоветовал капитану Сундуккеру, как укрепить свой авторитет. «Открой, — говорит, — какой-нибудь географический полюс. И тогда уж никто не посмеет называть тебя фантазером...»

— Но он ведь так и не открыл, да? — вздохнул Генчик.

— Увы... Когда капитан Сундуккер готовил экспедицию на Северный полюс, стало известно об успехе Роберта Пири... Фома Иванович нацелился на Южный полюс, но его опередили Амундсен и Скотт. Капитан Сундуккер от досады дергал себя за рыжие бакенбарды. В них, кстати, было уже много седины. Иногда капитан даже плакал, запершись в каюте. Огорчали его не только собственные неудачи. Печально то, что никак не исчезала на Земле людская жестокость. На всем белом свете воевали: буры с англичанами, турки с греками, перуанцы с аргентинцами, племена нанда-кау с племенами кау-мамба. И так далее. А тут еще грянула на Дальнем Востоке война России и Японии.

Кстати, к этому времени относится одна из последних достоверных историй о капитане Сундуккере... Ты не устал слушать?

— Ничутьки!

— Обстоятельства сложились так, что капитан Сундуккер никогда не плавал под Российским флагом. Купив бригантину, он собирался сделаться русским капитаном не только по натуре, но и по документам, но не удалось. Когда он захотел вернуть себе российское подданство, вышел скандал. Какой-то чиновник паспортного ведомства (а они везде одинаковы) начал тянуть волюнку и запросил колоссальную взятку. У Фомы Ивановича лопнуло терпе-

ние. «Как мыльный пузырь», — говорил он потом. Капитан обошел с тыла чиновничий стол, снял со стены большой портрет государя-императора и аккуратно поставил его в угол. А хозяина стола повесил вместо портрета на крюк. Зацепил штанами...

Представляешь, какой поднялся крик?

Конечно, потом, в жандармском отделении, капитан Сундуккер говорил, что больше не будет. И разумеется, сдержал обещание. Хотя бы потому, что этот чиновник перестал быть чиновником: с перепугу он заболел и был отправлен на пенсию — с повышением в звании и правом ношения статского мундира...

— А капитана не посадили в тюрьму?

— Нет. Заклинание «Я больше не буду» помогло и на сей раз. Фома Иванович отделался штрафом и предписанием немедленно покинуть территориальные воды Российской империи...

Русского паспорта ему так никогда и не дали. Но в душе капитан оставался Фомой Сундуковым. И однажды душа эта очень возмутилась. Дело было во время русско-японской войны. Капитан с грузом скробяных изделий шел в Шанхай и вдруг увидел, что японский миноносец в нейтральных водах остановил русский госпитальный пароход. На белом пароходе были большие красные кресты и не было оружия. Но командир миноносца потребовал, чтобы экипаж врачи и раненые сошли в шлюпки и собирался пустить плавучий госпиталь на дно.

Капитан Сундуккер флажками сигнального свода запросил японцев: что, мол, за безобразие? С каких это пор международные правила позволяют топить суда с красными крестами?

Командир миноносца был поражен нахальством маленького парусника. Деревянная лоханка с двумя мачтами, под каким-то непонятным колониальным флагом (не то Французская Гвиана, не то Северное Британское Борнео), смеет вмешиваться в планы военного корабля его величества Императора Страны Восходящего Солнца!

Однако природная учтивость взяла в японцев верх, и он приказал передать, чтобы шхуна «Ya bolshe nje budu» шла своим путем. В порт назначения. Или куда подальше...

Капитан Сундуккер вскипел. Он терпеть не мог, когда его бригантину называли шхуной. Это разные типы судов. Бригантина, считал он, гораздо благороднее и красивее.

На бригантине были подняты на грот-стеннге новые флаги: «Требую прекратить пиратскую акцию. Иначе...» Не знаю уж, какими флагами обозначалось угрожающее многоточие...

Японцы для острастки пальнули из мелкого орудия — впереди по ходу сумасшедшего парусника.

Ветер был достаточно свежий. Бригантина сделала лихой поворот оверштаг, подошла ближе и подняла еще один сигнал: «Предупреждаю последний раз. Считаю до трех...» И затем вдоль фор-брам-стенги поползли очень красивые флаги. Сначала длинный треугольный вымпел с красными и белыми вертикальными полосками, а под ним — синий прямоугольный флаг с белым косым крестом...

— Как андреевский, только наоборот!

— Да. Вместе это означало: «Дальше идут числа...» Затем поднялся флаг с косицами, из белой и синей вертикальных половинок. В данном случае это была цифра «один» (все это по тогдашним, а не по нынешним правилам).

Через несколько секунд угрожающе пополз вверх еще один флаг, тоже с косицами. Совершенно красный. Это была цифра «два».

И наконец заполоскал на ветру белый с красным кружком посередине вымпел. Некоторые сухопутные люди могли бы решить, что этим вымпелом, похожим на японский государственный флаг, бригантина приветствует миноносец и просит прощения за дерзость. А на самом деле это была грозная цифра «три»...

Помощник капитана Сундуккера — громадный седой негр Боб Бобсон — в это время самолично заряжал гарпунную пушку.

Поскольку парусник Томаса Джона Сундуккера был приписан к разряду китобоев, крупная гарпунная пушка всегда стояла на полубаке бригантин, под колоколом. На первый взгляд, она годилась лишь для охоты на простодушных и миролюбивых морских животных, но никак не для сражений. Однако пустотелые, похожие на стальные бутылки наконечники гарпунов были наполнены новейшей мощной взрывчаткой с завода в городе Глазго. А вместо пробок в этих «бутылках» торчали американские контактные взрыватели компании «Куксон энд компани»...

Эти гарпуны не раз выручали капитана Сундуккера при встречах с наглыми и жестокими пиратами южно-китайских вод. И потом уже все пираты знали, что связываться с бригантиной «Я больше не буду» себе дороже.

Но японские военные моряки этого, увы, не знали...

Итак, Боб Бобсон вставил гарпун в пушку...

Кстати, этот капитанский помощник был никто иной, как негритянский мальчишка с «Алабамы» — тот, кого Фома Сундуккер спас во время давнего

сражения... Тогда они вскоре расстались, а потом случайно встретились опять — через много лет, когда Фома Иванович был уже капитаном. Оказалось, что дела у Боба идут скверно. Северяне победили, рабство по закону было отменено, однако неграм жилось все равно несладко. Боб мыкался кочегаром на разных пароходах, ходивших по Миссисипи.

Капитан Сундуккер по старой дружбе взял Боба в свой экипаж. С той поры они были неразлучны... Ох, я отвлеклась!

Ну вот, Боб Бобсон стоял у заряженной пушки, вымпел цифры «три» трепетал на ветру, а японский миноносец, конечно, не думал убираться.

Капитан Сундуккер вздохнул. Не был он любителем бранных утех.

— Стреляй, Бобби, делать нечего...

По сравнению с бригантиной миноносец был, разумеется, великая сила. Но по военным понятиям — не слишком грозная боевая единица. Даже без всякой брони под ватерлинией. А именно туда, ниже уровня воды, угодил гарпун.

Мало того, что дыра во-от таких размеров! Еще и паропровод перебило, горячий пар не давал спуститься к рёбине...

Миноносец под белым с красным круглым солнцем флагом лег на борт и загудел, как раненный слон. Матросы флота его императорского величества посыпались с палубы в воду, как горох с наклонившегося стола. И поплыли к русским шлюпкам. Уже не ради захвата, а лишь бы не потонуть. Потом наш пароход-госпиталь доставил спасшихся в нейтральный порт...

Кое-кто из офицеров тоже оказался в воде. Но большинство из них, в том числе и командир миноносца, не выдержали такого скандала — поражения от деревянной посуды. Прямо на мостике гибнущего корабля гордые самураи сделали себе хакари... Знаешь, что это такое?

— Знаю, — вздохнул Генчик. — Все-таки их немножко жаль...

— Да. Капитан Сундуккер тоже жалел их, когда узнал о таком конце... Он так и сказал, когда дело разбиралось в американском консульстве.

— Где разбиралось?

— В американском консульстве, в Шанхае. Дело в том, что американцы тогда сочувствовали японцам, хотя открыто в войну не вмешивались. Капитана Сундуккера задержали в Шанхае и обвинили в незаконном вмешательстве в дела воюющих держав. Назвали его поступок пиратством... Уж не знаю, имел ли право американский консул устраивать такую разборку, но факт есть факт. Впрочем, Штаты

всегда не очень-то считались с международными правами...

В общем, проводили капитана Сундуккера в консульство, чтобы учинить допрос и расправу... Но тут ему опять повезло: консулом оказался старый знакомый капитана — они вместе служили на крейсерском пароходе «Пума» во время войны северян и южан.

— Томас, старый хрыч, это ты?! Седой уже, а все еще безобразничаешь, как мальчишка! Японцы рассказывают, что ты утопил их миноносец с помощью какой-то секретной торпеды!

— Китобойный гарпун!..

Капитан Сундуккер поведал, как все было. И чем больше говорил, тем недоверчивее качал головой его приятель.

Под конец капитан сказал, разумеется, что больше не будет.

— Знаю, знаю я это твое любимое обещание!

— Но честное же слово, Билли, я больше не буду... Посуди сам! Как я могу снова пустить под воду самурайское корыто, которое и без того на дне морском?

— Ты неисправим, Томми... Никому больше не рассказывай эту историю. Все равно никто не поверит, что можно потопить военный корабль плевком из гарпунной пушки. Опять будут говорить, что «капитан Сундуккер надувает свои мыльные пузыри»...

Вот так и кончилась эта история.

— А дальше что было?

— Дальше... еще много всего. Но капитана постоянно мучили две мысли. Одна — по поводу всего человечества: почему людей на Земле никак мир не берет? А вторая — о собственной судьбе: отчего он такой неудачник? Самое обидное, что не сумел открыть ни одного полюса...

И вот однажды в португальской таверне «Потроха барракуды» Фома Иванович в компании знакомых капитанов поклялся, что он все-таки найдет на нашей планете свой полюс. Никому еще не известный. И не какой-нибудь там магнитный или полюс холода, или, наоборот, жары, а совершенно особенный.

— Если, конечно, на это хватит моей жизни, — добавил он с осторожным вздохом.

С той поры больше никто не видел капитана Сундуккера и его бригантину. Какое-то время ходили о ней всякие слухи, но потом и они позабылись. Людям было не до того: Первая мировая война, революция в России, по всей планете дым коромыс-

лом. Кому какое дело до старого чудака-капитана, который известен был только всякими своими фантазиями. Этаким капитан Врунгель начала двадцатого века...

— Жалко...

— Да. Но, может быть, это и правильно, когда старые капитаны не умирают на пенсионной постели, а вот так уходят в неизвестность... Как ты думаешь?

— Не знаю... Наверно, правильно. Только плохо, что мы не знаем: открыл он свой полюс или нет?

— Да, это огорчительно, — покивала Зоя Ипполитовна и подхватила очки. — О! Да ты уже кончил всю работу!

— Я уже давно кончил. Просто сижу и слушаю.

— Ты молодчина, Бубенчик! Просто не знаю, как тебя отблагодарить. От денег ты в тот раз отказался...

— Этого еще не хватало!

— Да... Но награду ты все-таки заслужил. От меня и... от капитана Сундуккера. Может быть, ты выберешь какую-нибудь вещь из капитанской коллекции? А? Конечно, если это не портрет...

Генчик неловко повздыхал, поцарапал босой пяткой половицу. И не выдержал:

— Я бы, наверно, выбрал.. Только это, наверно, очень ценный... экспонат... Конечно, его нельзя...

— Скажи, о чем речь?

— О... пистолете...

— Господи Боже ты мой! — обрадовалась Зоя Ипполитовна. — Разумеется, я тебе его подарю! С величайшим удовольствием!.. Да, это памятная для меня вещь, Фомушкина игрушка, но... ты ведь тоже теперь не совсем равнодушен к капитану Сундуккеру! А?

— Еще бы!

— Только обещай исполнить два условия...

— Хоть тыщу!

— Во-первых, ты никогда не будешь стрелять ни по воробьям, ни по кошкам, ни... вообще ни по кому живому...

— Само собой! — Генчик даже слегка обиделся.

— А второе условие?

— Ты будешь иногда заходить ко мне в гости.

— Я и сам хотел попросить! Вы же не все еще рассказали про капитана! А я не всю коллекцию разглядел!.. Хотите, я в ней генеральную уборку сделаю? Все рамки на фото почию, все медяшки надраю... И надо ведь еще паруса привязать! Я помогу!

— Договорились!

Ведущий рубрики Максим ШИШКИН

Галина ФЕДОРОВА

ТАИНСТВА ЖИЗНИ ПОЗНАВШИЙ

Евгений Ефимович Березиков выделялся в толпе пассажиров, прилетевших из Ташкента, как Пик Победы среди его родных Памирских гор. Большой, высокий, на голову выше остальных.

Мы с ним не виделись прежде. Была переписка, телефонные звонки в связи с тем, что наше издательство «ЭКО Энроф», где я в ту пору была и директором, и редактором, выпускало книгу Евгения Ефимовича «Мистический прогноз на III тысячелетие». Книгу мы выпустили под громким названием «Новый Нострадамус» — которое я придумала без согласия автора, на свой страх и риск. Автор великодушно простил мне эту самодеятельность: кто знает, быть может, в этом названии есть немалая доля истины.

И вот предсказатель прилетает. Не все идет гладко. Я вижу, что тому, кого я принимаю за своего гостя, пришлось вступить в какие-то объяснения с таможенниками. Да, конечно, ведь Ташкент теперь — столица другого государства. И русский человек, внук алтайской шаманки Березиков должен отметить в декларации, что везет с собой и православные иконы, и статуэтку Будды, и иудейский подсвечник... Кажется, Коран, которому 200 лет, в декларации занесен не был. Эти предметы культа помогают Березикову в его молитвах и духовных трудах, — но пока из-за них и вся морока... Да, я не ошиблась, это именно он, наш именитый автор — рослый, широкий в плечах бородач. Нет, не зря он мне сказал накануне прилета по телефону:

— Вы сразу меня узнаете по бороде.

Узнала.

Потом будет второй визит, за ним третий. 1995 год для писателя, художника, духовного лидера Березикова стал годом поездок по стране: Алтай, Казань, Москва, — но Урал занял на карте его маршрутов совершенно особое место.

— Я привез вам уникальную информацию, — говорил он, когда мы ехали из аэропорта. — Екатеринбург — поднебесная столица России.

Через несколько дней это его сообщение было опубликовано в газете «Вечерний Екатеринбург» — и народ валом повалил на встречи с человеком, для которого открыто будущее, для которого тонкий мир — совершенно реальный мир, его обитателей он рисует, и сокровенные тайны открываются перед ним. Впрочем, народ шел не для того только, чтобы увидеть воочию прорицателя и послушать, что же нового он скажет о судьбе России... И

не оттого только, что встречи бесплатные. Приходили узнать о его методике очищения, оздоровления — кому же не хочется стать здоровее!.. И все больше появлялось на встречах желающих понять, каков он, этот тонкий план, какова там роль человека, конкретно его, Пети, Васи, Машеньки, например...

За рулем инвалидской «Оки», которая везет Евгения Ефимовича в поднебесную столицу России, — Володя Вышинский, Владимир Борисович, человек не случайный в нашей компании. В свое время я с ним познакомилась на рериховских встречах около Чебаркуля, и с тех пор мы встречались постоянно, хоть и не очень часто — захаживал он на занятия нашего теософского клуба «Дискос» (клуба ЮНЕСКО при эколого-культурном центре «ЭКО Энроф»), бывал и у «Землян», и на концертах-медитациях Дмитрия Максина, и на воскресных занятиях нашего общественного движения «Братство вер» в Доме науки и техники. Душа такая у человека беспокойная, зовет его все время на новые места, на новые дела. То он для инвалидов грибы собирает, то праздники устраивает... Кстати, сейчас, когда я пишу эти строки, Владимир Борисович в Индии, уехал в ашрам к Сатья Саи.

А когда мы встречали Березикова, Вышинский только что вернулся из Иерусалима, из паломничества. Оказалось, что и Евгений Ефимович недавно побывал в святой земле. Березиков — путешественник со стажем: Египет, Индия, Иерусалим... И потом, вечером, мы рассматривали его фотографии, сделанные у Гроба Господня. Одна из этих фотографий впоследствии будет опубликована в книге «Очищение плоти и духа». На ней над головой паломника Березикова — голубое сияние. «Что-то с пленкой», — скажет скептик. Но такое же сияние неоднократно я видела на фотографиях, сделанных за эти три визита Евгения Ефимовича на Урал.

Более всего нас поразило сияние, возникшее на видеоленте. Владимир снимал Евгения Ефимовича в его второй приезд, так же по дороге из аэропорта, когда мы завернули в церковь Святого Пантелеймона-целителя. Тут наш гость после посещения действующего храма по просьбе служителей пошел на поляну, где планируется строить новую большую церковь. Весь кусок ленты, где Евгений Ефимович совершает обряд освящения места для строительства, сияет голубым. Когда мы смотрели эту ленту в первый раз, все изумились и закричали: «Что с лентой?!»

А буквально вчера, когда мы с друзьями просмат-

ривали видеокассету с записью встречи Березикова с группой ближайших сподвижников Дмитрия Максина, работающей по системе знаковой медитации «Любви и сердца беспредельности», — это сияние уже не казалось нам чем-то необычным. Оно вспыхивало на иконах, на листах с нарисованными знаками, оно освещало лица Березикова и его собеседников... А встреча эта была далеко не простой... Очень различными путями идут к истине Березиков и Дмитрий Максин. Однако и Дмитрий Павлович, и Евгений Ефимович сумели оценить и признать правомерность и значительность Пути и достижений друг друга.

Но пока я говорю о том, что современная видео- и фотоаппаратура, оказывается, способна показать человеку то, что наши органы чувств не воспринимают. По крайней мере, большинство людей не видят ауру человека, НЛО, обитателей иных миров или энергетические потоки. И потому особое значение приобретают встречи с такими уникальными личностями, как Березиков. Который не только сам видит, но и может рассказать другим. Запечатлеть свои астральные опыты на картинах. Написать дневники. Книги, которые разлетаются по всему миру огромными тиражами. И главное, дать в руки людям ту ниточку, методику, следуя которой, вы сами можете открыть для себя что-то новое в себе, прорастить зерно Духа. Сами сможете пойти по Пути развития своих способностей — непременно с именем Господа в сердце. Так как этот путь — опасен, если встать на него без могучей защиты родного эгрегора — православного, или исламского, или иудейского...

В тот зимний день нашей первой встречи по дороге из аэропорта мы заехали на Уктусские горы, поднялись на самую вершину, с которой ухают вниз слаломисты, встали неподалеку от трамплина, где совершают прыжки летающие лыжники... И тогда Евгений Ефимович попросил Солнце выглянуть. С нашим светилом у Березикова свои, особые отношения. И солнце откликнулось, вышло из-за облаков. Впервые я увидела, услышала полуденную молитву Березикова. Его обращение к Солнцу:

— Господь миров! Великий создатель! Мировой Разум! Ты сотворил всех нас в единой купели...

Слова скорее угадывались, чем слышались. Некая мистерия вершилась над Уральскими горами.

— В животворный ток мироздания

Подключаю свою энергетику:

Пусть от сердца она потечет прямо к Господу!

И замкнет эту цепь на века вечные!

Потом будут поездки в Алапаевск, на могилу царственных убиенных, посещения всех церквей Екатеринбурга, круги вокруг каменного столба — знака «Европа-Азия», но эта первая встреча Евгения Ефимовича с Уралом и молитва на Уктусе останется, как увертюра, добрый зачин духовной работы Березикова в поднебесной столице.

Нам еще только предстоит познакомиться. Хотя, кажется, я знаю о нем много. Читала его «Этюды о непознанном», его «Репортажи из параллельных миров». Со-

бственно, с «Этюдов» все и началось. Я тогда работала директором Свердловского Дома природы, и сенсы и философы, уфологи и эниологи, неиссякаемым ручьем перетекавшие через залы Дома природы, очень заботились о моем просвещении. Несли мне литературу, которую прочесть совершенно необходимо, чтобы разобраться, как устроен человек и все Мироздание. Тогда мне принесли и «Этюды»... И я, недолго думая, написала письмо автору с предложением напечатать его книгу... Я знала, что он рос в детском доме, скитался мальчишкой по поездкам, сидел в колонии. Наверное, это — детский дом, сиротство — было первым, что располагало к человеку, сумевшему выдержать это испытание, повернуть колесо судьбы. Я уже встречала таких людей в своей жизни. Евгений стал кандидатом юридических наук, начальником уголовного розыска Ташкента. Это была высокая номер один, которую он взял.

А впереди его ожидали другие высоты. Он понял, что владеет даром слова. Он писал стихи, которые становились песнями. И песни эти пелись по всей стране, и признавались лучшими на всесоюзных конкурсах... Песни о БАМе, о чайхане, о городе Шахрисабзе... Сейчас он не очень любит вспоминать о этих как будто несерьезных своих увлечениях и победах. Но это были победы, на мой взгляд, очень серьезные.

Стали появляться его романы, повести... Мы не знаем этих его книг, как-то так получилось, но романы «Красная Бухара», «Звезда Тимура», жизнеописание исламских святых, книги о тайнах Востока — на Востоке широко известны...

Мы сидим в одной из екатеринбургских квартир и смотрим видеofilm, заснятый Владимиром Борисовичем Вышинским, когда мы с несколькими членами нашего клуба ездили в Челябинскую область, в Аркаим, уникальный город кольцевой структуры, построенный нашими пращурами, ариями, в III тысячелетии до нашей эры — во времена египетских пирамид. Ученые предполагают, что среди захоронений, найденных археологами, могла быть и могила великого Зороастра, основоположника религии огнепоклонников — зороастризма.

Березиков, обычно очень разговорчивый, привыкший всегда быть в центре внимания, смотрит молча, сосредоточенно. Потом произносит:

— Я написал повесть о Зороастре...

Писатель, член Союза писателей — это еще одна высота, которую он взял...

А еще он стал художником. Неожиданно для себя он стал зарисовывать то, что открывалось ему в тонких мирах. Его выставки видели в Индии, где знают про параллельные миры, может быть, побольше, чем в России... И это — третья высота.

Второй секретарь Самаркандского обкома партии — это вершина его партийной карьеры. В сущности, для всех, и для него самого в то время, в минувшие десятилетия, казалось, что именно это и есть его основная, главная жизнь — партийная работа. Теперь ясно, что это была только школа — школа работы с людьми, школа, которая

помогает ему сейчас, когда шкала ценностей перевернулась...

Жизнь делает порой удивительные зигзаги. Он учился прислушиваться к тому, что требовало от него его высшее «Я». Он приехал к нам как духовный лидер, Посвященный. Но между его последним днем на посту секретаря обкома партии и днем, когда он впервые ощутил, что может и должен передать людям некую Истину — о приходе на Землю новой, шестой расы людей, о духовном Пути, — пролегли три года.

Три года отшельничества.

Он жил в юрте у реки, один, и только волки проходили рядом по звериной тропе на водопой. С ним были книги. И с ним были его мысли. Вся жизнь проходила перед ним в звездные темные ночи в горном ущелье. Прикосновение духа бабушки-шаманки Ойи, когда он был еще ребенком; ночевка с беспризорниками в мавзолее великого мусульманского святого Ахмета Ясави, где носились летучие мыши и где двенадцатилетнему мальчишке явился дух Ахмета Ясави...

Это было как бы смещение во времени — со временем у Евгения Ефимовича так же, как и с Солнцем — тоже особые отношения. Банк данных Вселенной — хроники Акаши, как их принято называть — раскрывают свои страницы перед этим человеком.

Затем, в двадцать два года, перед ним впервые распахнулось небо. Он тогда после армии работал машинистом экскаватора — не до Космоса было, и не до чудес. Но Космос требовал работы другой... Подвига духовного.

Нужно было прожить шестьдесят лет (в августе 1995 года Березикову стукнуло шестьдесят), чтобы понять, какой же работы от него ждали, к чему его готовило Небо... Почему его провели через столько жизненных коллизий, испытаний, болезней...

Но и сегодня нельзя сказать, что вот она — Истина — на ладони. Он по-прежнему Ищущий, так как мы живем только до той поры, пока мы развиваемся, пока мы эволюционируем сами и помогаем великой эволюции человека и планеты...

Евгений Ефимович приезжал в Екатеринбург во второй раз в мае — уже не тем человеком, каким он приезжал зимой. И Березиков, каким мы увидели его в октябре — это снова несколько другой Березиков. Хотя, казалось бы, что такое несколько месяцев одного года...

Итак, в начале 1995 года, зимой мне только предстояло с ним познакомиться. Чтобы лишний раз убедиться, что тот человек, который рисует картины и пишет книги, и тот, который вел партийную работу и теперь выступает перед людьми, — это вовсе не один и тот же. Да простят мне Бог и господин Березиков эту дерзость. То есть каким-то образом эти два человека изредка совмещаются, накладываются друг на друга — проглядывают один в другом... Да и весь наш путь совершенствования — это путь роста внутреннего человека и его реализации в человеке внешнем. Г-н Березиков счастливее многих иных — ему дана не только огромная внутренняя сила и возможность реализовывать своего внутреннего человека в

слове, в красках и рисунке, но и возможность осмыслить и показать другим сам этот процесс.

Понять Евгения Ефимовича невозможно, пока вы не поймете его книги и картины, а понять — или даже не понять, а лишь приблизиться к их пониманию — возможно, если вы сами встанете на путь очищения, развития, трансформации. Иначе это будет лишь поверхностное понимание: вот жизненные вехи, вот книги, вот методики... А что за ними?..

Попробуем разгадать хотя бы несколько его картин. «Наблюдающая»: ящерка-саламандра, дух огня. Если учесть, что каждый человек живет под знаком той или иной стихии (хотя в нас есть они все пять: земля, вода, огонь, воздух, эфир), то становится ясно, что художник изобразил СВОЮ саламандру, так как он по своему внутреннему устройству человек Огня.

Другой вопрос — достиг ли он этой стадии развития своей внутренней работой в этой жизни или в предыдущих... На стадии Земли он бы рисовал гномов, на стадии Воды — ундинов... Но он рисует саламандру.

«Ранение цветком» — тут мы видим розового человека и человека зеленого, как будто бы мужчину и женщину. А может быть, это то самое разделение человека на Пурушу и Пракрити, дух и материю, на две составные части, о котором пишет Ауробиндо. Одна из ступенек подъема по лестнице в Небо...

«Говорящая собака», и та же собака рядом с мальчиком на картине «На пороге жизни»... Я вспоминаю повесть Саймака «Оборотень», где в одном человеке живут трое: он сам — человек, затем волк — его астральный двойник, тело чувств, и третий — Мыслитель, существующий в форме пирамиды... Иначе — Тело, Душа и Дух. Волк у Саймака, собака у Березикова — возможно, это наше тело чувств, астральное тело в одном из параллельных миров?..

На обложке «Этюдов о непознанном» нарисован человек в шляпе, выломившийся из яйца и держащий в руке яблоко с листиком. Синий фон — небо. Ветка, с которой сорвано яблоко. Возможно, тут изображен человек, прорывающийся в следующее измерение, проломивший яйцо нашего мира и увидевший мир иной?

Не случайно же в наших школьных учебниках нарисован монах, прорвавший карту звездного неба над Землей и выглядывающий вовне. Что же там? Монахи кое-что знали о сокровенных тайнах миров. Это мы смеялись над ними, не понимая, над чем смеемся.

Кое-кто смеется и над господином Березиковым. Мы были в редакции одной екатеринбургской газеты, долго разговаривали с сотрудницей, но она не слышала слов Евгения Ефимовича, она слышала только себя: «Это модно сейчас — прорицатели, экстрасенсы. То, что вы говорите — просто бред. Чем вы докажете? Вы можете совершить чудо?» Газета материала о Березикове не дала.

На радио «Студия «Город» интервью с Евгением Ефимовичем выпустили в эфир, но с таким комментарием насчет нынешней деятельности бывших партаппаратчи-

ков, что хоть стой, хоть падай. «Прости их, Господь», — говорит в таких случаях Березиков.

Тайны «Этюдов», «Прогноза», а еще более книги «Очищение плоти и духа», как и тайны его картин, могут открыться человеку не сразу, постепенно, по мере его подготовки к таким откровениям Космоса.

И в новых картинах: Евгений Ефимович, возможно, привезет на Урал выставку своих работ. И в новых его книгах: Ольга Исакова, издатель газеты «Братство вер», берется выпустить следующую его книгу — «Видение отшельника»...

Так что знакомство уральцев с Евгением Ефимовичем Березиковым будет продолжаться... Что ж, как писал Е. Березиков: «Таинство жизни — в таинстве общения»...

Прогноз на 1996 год из книги Евгения (Березикова) «Очищение плоти и духа»

Это будет год великих битв в Космосе. Темные силы не захотят, чтобы люди и Земля ушли из-под их влияния. На этот год придется несколько серьезных природных потрясений. По Земле прокатятся волны землетрясений, проливные дожди вызовут наводнения. Но процесс исхода людей из пятой расы в шестую ускорится. Страдания подвигнут людей к очищению. Они станут больше времени проводить в храмах, больше молиться, чаще обращаться к Богу за советом и помощью. В духовном борении с темными силами на стороне людей всегда будет архангел Гавриил, ведущий иерарх Космоса. Люди станут добрее по отношению к братьям своим меньшим. Уменьшится забота о скоте, уменьшатся и потоки энергии страха, выделяемой животными при забое. Эти, несомненно, положительные изменения на энергетическом уровне сократят число стихийных и иных бедствий. Свою лепту в успокоение Земли внесет ее спутник Луна, которая в иные годы в колоссальных объемах вампиризирует чистую энергию Земли, ослабляя людей. Но в 1996 году Луна станет щитом на пути отрицательной энергии, устремляющейся к Земле. Так произойдет потому, что темные иерархи Земли, лишённые подпитки, не смогут дальше диктовать свою волю душам людей и, таким образом, освободят энергоформу Земли от своих оков. На Земле начнет затухать деятельность оккультных течений и сект. Это будет год интенсивного очищения грешников.

Методика очищения плоти и духа

1. В пятницу (или в иной удобный день) перед вхождением в тридцатишестичасовой пост, исключая употребление пищи и воды, попросить благословление перед сном: «Господи, благослови на очищение!»

2. Утром, в субботу, при умывании не чистить зубы и

не полоскать рот; во время поста не курить, не заниматься любовью.

3. Весь день вести обычный образ жизни. Это может быть, в частности, работа и отдых дома, прогулки на природе, купание в проточных водах, но не в бане. В очищение не разрешается входить в состоянии беременности, месячных и при диабете.

4. Чтение молитв, священных писаний, литературы в соответствии со своей верой.

5. Во время поста в организме под воздействием божественной энергии происходит, на биологическом уровне, перерождение тканей, на энергетическом — преобразование тонких энергий. Очищаются и открываются энергоцентры, усиливается приток свободных энергий из Космоса.

6. Происходит активное расщепление жиров. Может возникнуть отрицательное состояние, что указывает на отторжение больших клеток здоровыми. Если возникают отрицательные ощущения, их можно снять легкими водными процедурами, в крайних случаях — медикаментозно.

Выход из очищения

1. В субботу приобрести свежую капусту, свеклу красную. Свеклу вечером почистить, нашинковать и сварить, в расчете 200 граммов на одного человека. Варить в эмалированной посуде, удаляя пену, не солить. Оставить в этой посуде до утра.

2. Утром в воскресенье принять душ, почистить зубы, надеть чистое белье.

3. Готовить пищу каждый постящийся должен сам. Утром в литр кипящей воды опустить три столовых ложки манной крупы, неполную ложку сахара, щепотку соли. Нарезать капусту, налить в стакан отвара свеклы. В готовую манную кашу (можно — гречневую, овсяную, пшеничную, можно и жиденькую лапшу приготовить) положить немного сливочного или постного масла. Прием пищи начинать с капусты, затем перейти к каше, отвару свеклы. Можно выпить стакан чая, не больше. Обед — обычный, как для всех членов семьи. Но тем, кто употребляет в пищу мясо, следует воздержаться от его употребления.

Между очищениями

Всю неделю готовить себя к вхождению в следующий пост. Проводить очищение не чаще одного раза в неделю. После трех месяцев очищения сделать перерыв в месяц. Через три месяца вновь сделать перерыв. После 20-25 тридцатишестичасовых очищений можно пойти на трехсуточное очищение. Оно проводится по той же схеме, что и тридцатишестичасовое. Трехсуточный пост следует проводить не чаще одного раза в месяц. Очищение по методике шестой расы людей полностью прочищает энергоцентры, делает человека духовно благостным, освобождает от недугов.

Егор БЕЛОГЛАЗОВ

ФОРМУЛА ГОРИЗОНТА

Фантастическая повесть

Рисунки Натальи ЕРМОЛАЕВОЙ

Глава семнадцатая

Андреан Михай знал, что времени на обстоятельный подбор средства поиска у него нет. Он взял первое, что предложили ему на «Мицаре» — мощный атмосферник марки «Фрегат». Начал Андреан со станции «Колор» и нашел ее законсервированной. От станции он полетел по предполагаемому пути Третьяковича и Лессо Лорме — к горам. При подлете к огромной соляной пустыне Андреан засек пару далеких вспышек. Он обнаружил обломки странного механизма, но и только. Потом он попал в грозу, и в борьбе с ней его здорово отнесло к югу.

Пустыня осталась за хвостом, а он пока так ничего и не обнаружил. Попытки вызвать Артура по радиации успеха не имели. Монотонно гудел двигатель старо-

(29) го шумного атмосферника, извивалась внизу лесная, с маленькими речушками, местность.

— Ну, Артур, куда ты забрался?

Уже близко, в полутора километрах, намечались горы. Серые, частью бесформенные, частью острокопеченные громады, лишённые зелени. Михай, несмотря на возраст, редко бывал на планетах земного типа. Последние годы, как умерла Харриет, он вообще жил в замкнутом мире своей транзит-станции. Хотя много раз пытался уговорить Ларису перебраться поближе к людям, к свету солнца — неважно какого, но настоящего. Но дочь проявила своенравие и, как это ни удивительно, почти ни разу не выглянула за шлюз. Ее больше привлекали цветы на овалах станционных окон. Она приучила их расти без подсветки, только на свете далеких звезд. Мало кто знал, что у Андреана Михая есть дочь.

Он наклонил машину, и «Фрегат» лег на боковой поток, восходящий с отрогов. Струи качнули атмосфер-

Продолжение. Начало в № 1, 1996

ник; Андриан снизился еще. Теперь горы были видны совершенно отчетливо. «Фрегат» завис над ними на гравитаторах. Михай внимательно осмотрел экраны радаров. Кольцевой был тих и безмятежен, лишь далеко на юге мелькали всплески молний агонизирующего урагана. Космическая связь не регистрировала ничего, кроме ионосферы. Только на нижней секции экранов, где отражалась работа локаторов днища, было немного неладно. Похоже, что радиационный фон, присутствующий глубинным горным породам, был здесь малость выше нормы.

Раза в три-четыре...

Андриан присвистнул. Залежи урановой руды? Тогда фон был бы еще выше. Руки автоматом включили радиационную защиту. А голова со скрипом выкапывала старые знания о геологии, правилах поведения на планетах, максимальной безопасной дозе облучения... На этом атмосфернике защита, конечно, надежная, но для поисков Кима и Артура придется выходить.

Пока же он просто медленно крейсировал в пятидесяти метрах над камнями. Внезапно открылась трещина, она уходила вниз и, вроде, расширялась там, внизу, в подобие естественного каменного кулыка. В тот момент, когда машина проходила над провалом, приборы на пульте у Михая забеспокоились. Пульт безмолвно кричал, что там, в этой бездне, радиация сорвана с привязи, и в случае выхода гарантировала ему семь-восемь норм поглощенной дозы.

— Черт подери! — Андриан крутнул «Фрегат» на месте, подобрался почти к самой расщелине. — Да что там такое?

Будь у Андриана робот-зонд, можно было бы пустить его посмотреть. Но атмосферник зондами оборудован не был. Андриан вновь чертыхнулся. Скоро начнет темнеть, а результаты пока нулевые. Трещина, между тем, любопытная. Если это не последствия ядерного взрыва, то что-то похлеще. Что?.. Любопытство пока еще не повод для лучевой болезни. Михай уже взялся за гашетки тяг, и никто не помешал бы ему рвануть с этого подозрительного местечка...

Но замигал радиовывоз.

— Алло! — крикнул Михай. — Кто на связи?! Артур, ты?! Алло!..

— ...Включите видео... Включите видео... Включите видео...

Андриан был сбит с толку. Голос напоминал запись на ленте, которую протягивают, постоянно варьируя скорость. Звук менялся от баса до сопрано, и слышалось это примерно так:

— ...В-ы-у-к-л-ч-и-и-те в-д-е-и-о...

— Настройте звук! Кто на связи?!

На короткие мгновения все стихло. Андриан почувствовал вдруг мощное головокружение, боль, словно после сотрясения. И тут же голос сказал ясно и чисто:

— Пожалуйста, включите радиосвязь, Андриан. Это Артур Третьякович. Я в расщелине под вами.

— Ты в порядке? А Ким Лессо? — Андриан был рад. — Вы можете вылезти?

— Включите видео!

— Но для чего? Мы же друг друга слышим. Тем более, видеосвязи здесь нет.

На пульте машины что-то заискрило. Михай отшатнулся, вывалился из кресла — половина приборов замкнулась на массу и сгорела в одной вспышке.

— О господи!.. — Атмосферник был неуправляем. — Артур!..

«Фрегат» медленно, словно в вязкой среде, принял крен на правый борт. Минуту блок безопасности безуспешно боролся за равновесие, и машина, окончательно разладившись, скользнула в провал.

...Перед глазами маячил рубильник аварийных систем. Маячил, так как в глазах все плыло и все менялось. Михай, с трудом сфокусировав непослушные зрачки, зафиксировал взгляд на этом оранжевом штырьке. Потом постарался дотянуться до него из этого неудобного в общем-то положения — лежа на собственной сломанной правой руке. Не дотянулся. Какой-то паршивый метр. Андриан зарычал, надавив случайно на руку. Осторожно, словно касаясь женщины, открыл ящичек под пультом, взял оттуда дозиметр. Шкала прибора засветилась, радиация в кабине была всего на три десятых больше нормы. Угрозы не было. Михай удовлетворенно кивнул и метнул прибор, хорошенько нацелившись. «Аварийные системы действуют» — замигало табло. Искаленный пульт вспыхнул уцелевшими огнями. Зашипела кишка кислородного аппарата, обвеяв пилота озонированной струей.

Но куда же делся Артур, чей голос Михай слышал перед падением?

Наконец, подтянувшись на левой, он встал, рухнул в кресло. И обежал глазами панораму снаружи.

Атмосферник, накренившись под углом в семь-восемь градусов, лежал на дне радиоактивного каменного мешка. Каким-то чудом сюда проникал свет, и Андриан видел уступы, поднимающиеся вверх, остроконечные клинья осыпей. Скалы, базальт серого оттенка, были чуть тронуты кое-где рыжим. Михай догадался, что именно этот ржавый налет излучает букет "приятных эмоций" в виде потока радиации.

Михай, рассеянно глядя на скалы, начал размышлять. В запаснике «Фрегата», наверное, можно найти трос, крюки или нечто еще пригодное для восхождения наверх. Но это, если бы не сломанная рука и не радиация. Забавно. А еще забавней то, что мышеловка была совершенно пуста, и Артура в ней не было. Именно мышеловка. Поздравляю, подумал Андриан, поздравляю с назначением на роль мыши. Довольно удачно сыграно.

Потом он задумался о финале этой пьесы. Финал был неизвестен, но безрадостен. Пока же, склонившись над изувеченным пультом, Михай перевязал руку, сунул ее в шины; перекусил, вытащив из холодильника пакет завтрака. Потом только снова взглянул за окном.

Взглянул — и замер, ошеломленный. Прямо перед

носом «Фрегата» в камнях зиял неведомо откуда взявшийся круглый тоннель.

Это был ровный провал, уходящий в темноту, и только полный идиот мог сомневаться в искусственном его происхождении. Андриан не был полным идиотом, но в глазах у него закружилось. Значит, пьеса продолжается? Правда, роль мыши ему претит — и пилот, облизав высохшие от напряжения губы, мягко вынул из чехла табельный пистолет. Что ни говори, а к тем, кто способен дистанционно посадить атмосферник, стоило отнестись серьезней. Андриан вытер лоб (шрам напомнил о себе ноющим импульсом), включил оружие на непрерывный огонь и в следующий момент увидел, что из тоннеля выходит — нет, не человек, а гуманоид с серо-сизой кожей и треугольными глазами.

Сперва Михая пронзила боязнь. Он боялся, что придется вступить в бой, стрелять, убивать или быть убитым. Он давно не держал в руке — тем более в левой — лазер и был уверен в полном фиаско своих боевых качеств. Но инопланетянин остановился в нескольких метрах от капота машины. В его пятипалых руках не было заметно оружия, он был одет в зелено-черный костюм. Он совершенно спокойно переносил бешеную радиацию.

Минуты четыре человек и нечеловек пронизывали друг друга взглядами.

«Фрегат» вздрогнул. Андриан быстро обернулся — с двух сторон к машине подползали два похожих на механических бегемотов механизма. Потом полыхнуло синим, и все переднее обзорное стекло вывалилось наружу. На Михая пахло свежим воздухом. Андриан закричал, пряча лицо от смертельного излучения скал; но он уже знал, что от такой дозы спасения нет. Гуманоид сказал что-то звучным низким голосом.

Пилот в ярости обернулся, сжав пистолет, но вдруг удивленно замер. Дозиметр молчал. Радиации снаружи не было. Лазер выпал из ослабевших пальцев. Один из роботов поднял его и передал гуманоиду.

Михай понял, что удивляться бесполезно.

Глава восемнадцатая

Где-то там, в манжете левого рукава серебристой куртки часы показывали пятнадцать сорок по общегалактическому. На Арктуре-7 было раннее утро.

Заря блеснула по плоскости пустыни, вскинулся красивый серп Крокета, быстро тускнеющий в свете дня. Зашелестели кристаллики соли; они отшелушивались от плоскости и за несколько недель вполне могли набрать прежний слой в полтора-два метра.

Ферзь лениво открыл глаза. Сразу же в зрачки кинулось серо-синее утреннее, не жаркое еще небо. Сколько еще им осталось наблюдать его? Они лежали совсем рядом, светлая прядь назла перемешалась со смоляным локоном Артура. Они не спали. Закрыв глаза, они всю ночь пытались побороть жажду. И в этой борьбе, начавшейся сорок семь

часов назад, жажда выиграла. Вчера, в полдень, они сели отдохнуть, но встать не смогли оба. Потом легли. И лежали весь вечер и всю ночь, чувствуя, как уходят из тела последние капли. Теперь Артур открыл глаза, и это движение было единственным не утомляющим действием. Лессо Лорме рядом что-то прошептал.

— Что? — беззвучно спросил Третьякович.

— У тебя в левой руке что-то пищит.

Разумеется, подумал Артур, чего бы ему не пищать, зуммеру тревоги. "Аш два о" ему маловато в системе. Вслух сказал:

— Не обращай внимания. Он напоминает, что мы проспали восход.

— И просним следующий, — Ким сделал попытку засмеяться, закашлялся. — Слушай, а нас найдут потом, после контрольного срока? — спросил он без всякой связи. — Я имею в виду — будет что находить?

— Плюнь и перекрестись.

— Легко сказать — плюнь... — наэл вновь засмеялся-закашлялся.

Артур тоже засмеялся, на боку шевельнулся пистолет. Уже который час мысль о «нидлрзе» терзала его. Теперь он благодарил пустыню, что до пистолета ему не дотянуться. Ферзь снова дал мысленно слово, что в случае возвращения серьезно займется психикой. Он был поражен, наблюдая, сколько гнусных и сумасшедших мыслей кружатся в мозгу. Самоубийство — это мелочь. Страх, что Ким Лессо вдруг поднимется и уйдет в даль, в сверкающую перспективу. Боль, когда среди пляшущих на небе миражей он разглядел цветущий каштан. Потом пришло лицо Светланы — и ему стало дико и страшно завидно, что она жива, она там — а о себе Артур давно уже думал, как о мертвом. Он почти возненавидел ее. Потом понял, что дошел до точки, когда все возможно. Сколько же дряни, подумал Ферзь, всплывает в человеке в смертельные минуты. Подумал отстраненно.

— Ким... Эй, ты как там?..

— Физзарядкой занимаюсь, не видишь, что ли? — Наэл зажмурился. Вставал диск Артура.

— Слышь, Ким. У тебя дружка есть?

— Один ты, и тот — напарник, — непонятно, почему, но в Лессо перед концом проснулся юморист.

— Мой заклятый друг, закадычный враг... — эта строчка какой-то старой песни Артуру нравилась. — А еще? Неужто никого?

— Ларри... Был, пока не улетел.

— А-а. Ну, ничего. А девчонки?

— Так нулевой, — констатировал Лессо, — и провocationsные вопросы. Спроси что полегче...

— Или вообще помолчи, — закончил Артур. — Так? Нет, просто скучно, — он вздохнул.

Ким с огромным трудом положил руку на горячие пальцы землянина.

— Держись, Ферзь. Просто временные трудности. Знал бы ты, сколько я уже пакости в своих мыслях раскопал... И насчет заколоться мечом, и насчет...

(32)

Артур улыбнулся.

— Знал бы ты... Надеждой жив человек. Кстати, к наэлам это тоже относится.

Надежда хороша, когда есть на что надеяться. Ферзь стал думать об Андриане Михеае. Что-что, а формулу этого горизонта он уже успел почувствовать на губах. Отвратительная, надо сказать, формула у поваренной соли.

— Все, — сказал Артур вслух, — чтоб я еще что-то в жизни посолил...

Ким расхохотался. Переждал приступ кашля.

— В какой жизни?

— Такт нулевой, — буркнул Третьякович — Ему за здоровье, он за упокой.

Внезапно Ким Лессо часто задышал, его рука на руке Артура дрогнула.

— Что, Ким?

— Да... так, Ферзь... Что-то немножко... прохватило морозом. Думал, конец. А это пока начало. Начало конца, правда.

— Ким, друг! — заорал Артур, срывая сухие связки, пытаюсь встать. — Наэл! Оболтус ты этакий, ты пре-кращай! Как же я к горам пойду?! Ты...

— К каким горам, Артур?

— К каким? — разозлился Ферзь. — Трус! Это чтобы ты проснулся.

— Я не сплю, — спокойно проговорил наэл, — но я не хочу строить иллюзий больше, чем требуется. Через три-четыре часа нас занесет солью, и мы этого уже не почувствуем.

Артур... но здесь нечего описывать, лишь одно слово — ярость. Она закипела, заходила в нем ходунном. Ярость бессильная, она не могла шевельнуть даже пальцем этого полумертвого тела. Потом, после ярости, пришла тихая тоска.

Захотелось, чтобы кто-то там, в другой системе, на благополучной планете, встрепенулся, услыша весть. Чтобы слезами наполнились глаза, чтобы кто-то стал безумно дорог, и чтобы он сам был бы дорог кому-то безумно. И чтобы кто-то сорвался со всех орбит и не спал, глядя на экраны космокатера. И он представил, что — как божественно бы это было! — сейчас вверху режет это отвратно-синее небо стилет реактивного выхлопа, и беззвучная башенка металла тронет песок. И кто-то, плача, положит ему голову на колени — плача от счастья и боли.

О господи, Артур! Это невозможно! Тебе захотелось любви.

Это было впервые и навсегда. Артуру Третьяковичу захотелось любить, любить просто, по-земному. Элементарно. Жаль, что желание это пришло поздно. Жаль. А как бы я любил Ее, подумал Ферзь, именно Ее, с большой буквы, неизвестную, далекую, никогда не существовавшую, — как бы я Ее любил!.. Но Ким, конечно, прав — через час-два эти, да и все другие мысли исчезнут, уступят место забвению, затем — пустоте.

Их было всего два теперь в его сознании — безус-

ходность и яростное желание тепла; всего два, и одно могло уменьшаться лишь за счет другого. И пока надежда на любовь росла, тоска и безысходность рушились.

— Дойду-у!.. — захрипел человек, корчась на белом соляном песке. — Чтоб вас всех так... Ким, вставай, нас там ждут... Чего-то мы на привале засиделись, чуть не задремали... А-а-а...

Лессо Лорме глядел в ужасе, как Артур пытается встать на ноги, бессвязно бормочет и улыбается.

— Ким, ты ноги отлежишь, пошли... Если рюкзак тяжелый, брось... Поставь каракули, чтоб не украли, и пойдем, нам в горы нужно. — Артур говорил это, почти повернувшись на правый бок. Его усилий хватило именно на это. Теперь лицо его было обращено к другу.

— Каракули... — Ким произнес это без всякого выражения. — Ты сходишь с ума, Ферзь.

Потом Ким Лессо Лорме Онн часто-часто задышал.

— А я сошел с ума гораздо раньше. Ты еще жив, землянин? Если в тебе есть кровь, и она текуча, ты жив. Как ты думаешь, если я соберу силы со всего тела в правую руку, она сможет двигаться?

— Конечно-конечно, — подбадривал его Третьякович, — встань, отнеси меня к горам. Ты же у нас дикарь.

Ким не отвечал. Он выполнял эту любопытную задачу — наливал силой правую руку, готовил ее к работе.

— Есть, — сказал Лессо минут через семь. — Ферзь, погляди.

Артур, лежащий к нему лицом, открыл глаза, и в ту же секунду жестокий удар правого кулака наэла откинул его голову назад.

Ким скосил глаза. По разбитым губам друга текли щедрые струйки крови. Что и требовалось. Ким глядел, преодолевая понемногу призыв тела напиться этой жидкости. Потом правая рука вновь задвигалась, Лессо провел пальцем по лицу Артура и этим же пальцем, окрашенным в алое, что-то нарисовал на распахнутой поле куртки.

Над причудливым знаком воздух потемнел. Небольшой сквозняк дунул по лицам. Ким Лессо медленно закрыл глаза и осторожно опустил руку. Что-то заблестело вокруг ярко-алого иероглифа. Ким не видел, но знал, что это вода...

Четыре часа подряд они по очереди слизывали конденсирующиеся вокруг ГАСа капли. Они наполнили водой всю найденную посуду. Когда посуда кончилась, они выпили все, что набрали, и набрали вновь.

— Чтоб тебе раньше сказать про каракули, — наэл сплюнул, — я бы раньше этот символ вспомнил. А так — столько мороки. Ну да ничего, до свадьбы заживет.

Артур заулыбался распухшими от страшного удара и соли губами. Что-то, а в чем-то эта морока ему помогла. По крайней мере, Михаю он задаст трепку за эти «формулы»... И еще он обрел такую мелочь, как цель в жизни — но это пустяк.

Через три часа они смогли встать. До ночи они вновь пили, до потери сознания. Проспав ночь, подкрепились консервами. Утром по слою кристалликов протянулся четкий двойной след. Он вел к горам.

Глава девятнадцатая

Горы вставали впереди четким драконьим позвоночником.

— Поэтично, — сказал Ким Лессо, услыша это артурово сравнение, — представь только, что это в самом деле дракон...

— Гм... поэтично, — Артура передернуло. — Кстати, топать нам еще часа два-два с половиной. Пора подумать, кажется мне, о предстоящих действиях. Объявляю наш пассив: с неработающим микрокомпьютером у нас накрылись локаторы, запись, разные ценные данные, перевод, калькулятор...

Ким, возможно, не понял слова «пассив», но интонацию уловил. Артур продолжал:

— Наш актив: полный боезапас моего пистолета, два ножа — мой и твой, хорошей стали, твой меч, арбалет, четыре руки, две головы... — Артур, возможно, продолжал бы и дальше, но Ким прервал его:

— Я думаю, интереснее будет угадать ИХ актив.

— Пожалуйста, — пожал плечами Артур, — неизвестность, неожиданность и сила — устраивает?

— Нет.

— Меня тоже.

— Да, что у тебя было в рюкзаке? Кроме фляги.

— Разные пустяки — рация, сигнальные ракеты, допинг, палатка, аккумуляторы...

— Не продолжай, — взмолился Лессо, — а то выяснится, что там было и все остальное. Теперь мой рюкзак. В нем мы тащим карты, канистру с водой, одежду, консервы, кинокамеру...

— Чего-чего? — не понял Ферзь.

— Что «чего»? Кинокамеру. Что, ни разу не слышал?

— Слышать-то слышал. Видеть не приходилось. Они сколько десятков лет назад использовались?

— Не знаю, — Ким пожал плечами, взглянув оранжевым взором на Артура, а сине-зеленым на друга, — я ее сам склепал, еще в Центре, когда проходили фотоэффект. На всякий случай взял с собой.

— Ну ты даешь, — поразился Третьякович. — Выходит, все-таки видеозапись у нас есть. Ближе к горам ты ее вытащи, самое интересное заснимем.

— Ты что-то говорил о предстоящих действиях...

— Да, надо бы уяснить некий план. Здесь метод челночного поиска не годится; судя по мощности их боевых машин, мы рискуем. Уже сейчас, на подходе, нас без зазрения совести могут неправильно понять...

— Ну, — усмехнулся Лессо, — раз ты начал говорить полузагадками, значит что-то замышляешь.

— Ты прав. Во мне просыпается кладоискатель — я хочу до чего-нибудь докопаться. — Тут Артур взглянул на наэла; меч Кима был в боевом положении, рукояткой на левом бедре. — А тебе, я вижу, хочется когонибудь закопать...

— Ты прав. Мы довольно хорошо узнали друг друга, а?

— Это случается, когда ползаешь по планеткам вроде этой.

— Когда ползать еще дней сорок...

— Точно. То есть около тридцати здешних. Если быть точным — двадцать четыре.

За разговором горы придвигались и придвигались. Слой соли под ногами заметно бугрился. Впереди различался крутой, высотой в добрый десяток метров соляной вал, образованный тайфуном. Он был гладок и почти вертикален. Артур преодолел соблазн вырезать проход при помощи пистолета и снял с пояса нечто вроде рулетки. Это была кассета прочной, свитой из мономеров веревки. К ее концу Третьякович привязал нож.

— Мне нужно лишь немного трения, — сказал он, раскручивая эту странную "кошку".

Нож взлетел, на полпути веревка перегнулась через вал и по дуге с силой вонзила клинок на той стороне. Артур выдвинул из кроссовок шипы, подергал трос.

— Нож не выдержит, но часть веса примут шипы.

Через пять минут он уже кричал из-за вала:

— Лезь, я держу!

Ким, два раза подтянувшись, оказался на верхушке.

— Оп! — наел мягко приземлился рядом с землянином.

— Кстати, — улыбнулся Артур, сматывая трос, — мог свернуть шею. Высоко.

— Кстати, — почти в тон ответил Ким Лессо Лорме, — а ты не заметил, что нас ждут?

Ферзь, не торопясь, обернулся.

Горы были совсем близко — не дальше семисот метров темнели камни. Но эти семисот были еще покрыты тонким и неровным слоем соляных кристаллов. И по этому искристому пространству к человеку и наэлу двигалась машина, формой и размерами напоминавшая шестиногий танк. Двигалась не так уж и медленно.

Артур, улыбаясь, разминал пальцы манипулятора. Лессо собрал арбалет.

— Он же броню не бьет, — заметил Третьякович.

Ким кивнул и меланхолично навинтил на гарпун граненую черную боеголовку.

— Если выстрелю — глаза зажмурь, — сказал он. — Тут термитная начинка.

Артур вновь улыбнулся. Или, скорей — я не знаю, как это назвать — качнул углами губ, близко к усмешке, не обнажая зубов. С неких давних пор эта полуулыбка стала у него ответом на самые разнообразные раздражители. Это бесило преподавателей, они не знали, что это является признаком абсолютной сосредоточенности — когда воля мобилизовала все тело, и лишь углы рта, словно автоколебания мышц, дают оценку происходящему.

Ферзь стоял к приближающейся машине вполоборота. Наэл положил оружие на сгиб левого локтя.

— Надеюсь, они проявят чисто арктурянское гостеприимство, — пробормотал он.

Механизм двигался почти бесшумно, шесть коротких, как у гусеницы, ножек ритмично ходили под днищем. В полусотне метров он замер — тяжелый свет-

ло-серый овоид, без окон и антенн — явно неземная система; Артур в очередной раз подумал, что его миссия выполнена — цивилизация с достаточно высоким уровнем развития найдена. Пусть Третьякович не был экспертом по неземной технике, но знал достаточно, чтобы понять — ни одной из известных цивилизаций эта машина не принадлежит.

Они были неподвижны, как статуи — двое, стоящие чуть боком, и металлическая глыба. Каждый, видимо, выжидал.

— Как ты считаешь, где у них оружие? — одними губами спросил Артур.

— Хороший вопрос. Вообще, дула целесообразно ставить повыше...

— На Земле или на дельте Ориона?

— Везде.

— Умник. Теперь дай мне арбалет, сними рюкзак и достань кинокамеру. Я тебя тихо и спокойно прикрываю, а ты тихо и спокойно снимаешь. Ясно?

Ким Лессо польхнул глазами, снял рюкзак и, держа арбалет в левой руке, вынул причудливого вида аппарат. Аппарат зажужжал.

— Тут звук есть?

Лессо кивнул.

— О'кей. Даю комментарии экспертам. На исходе шестого дня с начала поисков мы пересекли соляную пустыню. Машина в кадре — вероятно, изделие здешних цивилизоидов... Ким, дай панораму гор. Ага. Стоп. Убирай камеру. Они, вроде, зашевелились.

Наэл уже стоял в исходной позиции. Его четырехплечевой арбалет в руках походил на зонтик без ткани. А в точке, куда был направлен прицел этого «зонтика», меж тем произошло движение.

Открылся участок корпуса, обнажив провал люка. Фигура в черном выскользнула оттуда и зашагала к ним. Не замедляя шагов, инопланетянин чуть развел в сторону руки — жестом, отрицающим оружие. До него было уже метров тридцать, и различалось лицо — нечеловеческое, но вполне разумное. Серые пятипалые ладони были раскрыты.

Ким положил оружие на плечо.

— Он мирный, — разочарованно протянул он. Артур улыбнулся. Инопланетянин беззвучно застыл перед ними.

— Здравствуйте, — Лессо начал со здешнего языка. — Мы рады встрече с вашей могущественной цивилизацией... э-э...

Чужак, как видно, не понимал. Он вновь развел руками.

— Артур, как ему объяснить?!

Ферзь вдруг прищурился.

— Кому? — спросил он, и Ким пораженно уставился на друга. — Кому? Ты взгляни — за ним на соли ни одного отпечатка, как и за машиной. Нас опять надули. Тьфу!.. — Третьякович зло сплюнул, вскинул рюкзак Кима на плечо и устало зашагал к камням гор, пройдя сквозь стоящую перед ним фигуру, как сквозь клоч дыма.

Ким Лессо Лорме Онн пнул холмик соли и зашагал следом, на ходу складывая арбалет.

...Наэл швырнул штормовку на плоский каменный уступ, улегся. Рядом устроился Артур, сунул Киму банку «конденсата», взял одну себе, дернул чеку. Пока содержимое согрелось, шипя, он тоскующим взглядом обвел пустыню, что виделась отсюда, как море с побережья. Ох, черт, где осталось это море! Эту громаду расстояния можно осознать только на фоне такой вот пустыни. Ферзь отхлебнул горячее месиво. Тьфу! Пищевой концентрат являл собой болтушку различных веществ на мясном бульоне, вкус имел довольно посредственный и в курсантских кругах не уважался, за что прозывался «конденсатом» или вообще «кондеем».

Лессо тронул напарника за плечо.

— Слышишь, ветер в камнях поет. У нас дома так шумит сезонник.

— Сезонник?

— Сезонный дождь. Он тянется двадцать три земных дня без перерыва. У вас сказали бы "моросит" — падает и падает, шумит, поет в листьях.

— Ах да, у вас же деревья звенят...

— Да, как железные пластины. Стволы завиты спиралью.

Артур блаженно откинулся на уступ. Какой красивый мир! На черта сдалась ему эта Земля! Сколько в космосе колоний или вот таких запущенных миров, как эта седьмая! Он вновь глотнул из банки, допил, одним движением пальцев смял тонкий металл, выкинул. Эти пальцы — тонкие и одновременно сильные, как сталь манипулятора, достались ему в наследство от отца. Больше тот ничего не успел передать, если даже и хотел — падая в горящем «Лемуре» в Атлантику, он не смог пробиться к передатчику. И вот пальцы — его, профессионального хирурга Василия Третьяковича. А от матери... Наверное, темные волосы. А глаза его, серо-зеленоватые, яркие вблизи и темные, почти черные издали — скорее всего, от всех переживаний. Потому что когда-то мама говорила, что сначала у ее сыночка глаза были голубые... Третьякович не жалел своего семейного детства. Повторяю — он свободен от привязанностей, и одиночеству своему был вполне рад. До известного времени, правда.

Пока он философствовал таким безобидным образом, Ким Лессо молча следил за солнцем, опускающимся слева. В глазах его отражалась разноцветная равнина. Наэл сосредоточенно перебирал в памяти дни, прожитые на этой планете. Точнее, анализировал. Готовился к предстоящему и определял степень кары врагам — по ранжиру, кому как. Он вовсе не был жесток, как могло бы показаться ненаблюдательному наблюдателю — характер Кима Лессо Лорме Онн представлял собой смесь дикого любопытства, кипучей, строго направленной энергии и горячности: Он умел выбирать цель, умел держать чувства в плену у воли, но вот останавливаться на пути к цели — тут уж, извините, вы обратились не по тому адресу.

— Слышь, — Артур закинул руки за голову, встряхнулся; соляные песчинки посыпались из волос. — Сейчас хотя бы пару минут развлечемся — поговорим о деле. Что ты думаешь об этой ходячей голограмме?

— Что мой меч ей не опасен.

— Хорошо. Еще.

— Что твой пистолет тоже.

— Тьфу, а еще?

— Что мой арбалет...

— Господи, — вздохнул Артур, — я про другое.

— Ладно, я понял. Во-первых, эта голограмма расчитана в какой-то мере повторять облик хозяев. Во-вторых, джентльмен из машины ужасно похож на абонента диска.

— Ну! — землянин даже привстал. — Я вижу, задатки гениальности пустили ростки! Теперь мои наблюдения. Для голограммы нужны минимум два генератора. Потом, существует предел расстояния для рисующего лазера — на определенном рубеже он гасится самофокусировкой.

— Что-то я такое слышал, — сказал Ким.

— Так. Здесь воздух пронизан соляной пылью, ветер, восходящие потоки со скал. Луч должен фокусироваться очень близко — не дальше двухсот метров.

— Ну?

— А где спрятаны камеры-генераторы? Не в соль же закопаны. До гор далеко.

Ким Лессо, соображая, рассеянно переводил взгляд с Артура на две темные фигуры на фоне пустыни — существо и машину, застывшие в тех позах, в которых они их покинули.

— Ты мне объяснишь, к чему ты клонишь?! — заорал наэл, выйдя из задумчивости. — Или...

— Объясню! — в свою очередь распалился Ферзь. — Ты прошел сквозь призрак, но не сквозь машину! Я только сейчас понял — она и есть источник! Она настоящая!

Глава двадцатая

Через полторы секунды наэл уже собирал арбалет.

— Она стоит и ждет, — буркнул Артур, застегивая куртку. — Сейчас мы проверим, чего она там ждет.

— Айда, — бросил Ким.

Они спустились на равнину и зашагали к металлическому овоиду.

— Моторы — гравитация. Потому и следов нет. Кстати, надо бы заснять на кинокамеру, да ладно. Руки другим займутся.

Вблизи механизм выглядел тяжело и массивно. Он висел на высоте в полметра над солью.

Артур с глубоким удовлетворением хлопнул левой рукой по борту, и металл загудел под металлом.

Лессо Лорме заглянул в проем люка.

— Вроде пусто. Автомат. Пальнуть в него термитной, и класс. А?

— Запчасти, — серьезно пошутил Ферзь.

Они осторожно вошли.

— Ч-чертова техника, — сказал Артур, когда сзади проем закрылся, — теперь вырезай его!

— Не стоит. Не выйдет.

— Чего? — обернулся Артур к другу.

— Я думал, это ты сказал, — Ким неожиданно умолк. Через секунду щелкнул его фонарик, озарив тесное помещение.

— Кто сказал, что не выйдет?

— Не я.

Третьякович коснулся пульта на рукаве, и вокруг его головы сомкнулся шлем.

— Интересно...

— Повторяю: желание вырезать проход лишено смысла, — прошелестел вежливо голос ниоткуда. — Я, автомат охраны территориальной границы, нейтрализую вас прежде, чем вы совершите акт воздействия.

— А хорошо по-нашему чешет, а? — поразился Ферзь, методично оглядывая внутреннее устройство машины. — Только не мешало бы тебе усвоить, милейший, что прежде, чем ты начнешь нас нейтрализовать, я из тебя наделаю фольги для экранирования от радаров. Пока же просто рассказывай.

Лессо Лорме знаком предложил Артуру присаживаться, и они, в ярком свете фонарика, удобно устроились на квадратном выступе стены.

— Ну давай, рассказывай.

— Выразите мысль яснее. Мой логический аппарат не вполне адаптирован к вам.

— Кто твой изготовитель?

— Информация засекречена ключом.

— Границу чего ты охраняешь?

— Информация засекречена ключом.

Артур чертыхнулся.

— Тебе известно, кто мы?

— Вы — неидентифицированные объекты. К вам была применена тактика завлечения.

— Как попасть к твоим изготовителям?

— Информация засекречена ключом.

— Как сообщить им о нас?

— Информация засекречена ключом.

— Тьфу!

Ким вырубил фонарик. Артур вздохнул.

И вдруг... засмеялся.

Ферзь смеялся все громче и громче, пока смех его не перешел в хохот.

— Ты чего это? — осведомился деликатный наэл.

— Я... вспомнил... это... анекдот... из древних-древних времен. Там человек подходит к охраняемой территории. Ему кричат: «Стой, говори пароль!» «Пароль». «А, ну проходи...»

Ким Лессо от смеха чуть не выронил оружие.

— Стой, — проговорил Ферзь, отдышавшись, — а это забавно. Эй, автомат! Как звучит ключ к секретной информации на нашем языке?

Минуту висело гробовое молчание. Потом раздался шелестящий голос:

— Два, пять, ноль, семнадцать, одиннадцать.

...Землянин вытер капли пота и повернулся к наэлу.

(36)

— Ким, я все больше и больше убеждаюсь, что мы влипли в серьезное дело.

— Да? — Лессо подошел и склонился над распечаткой.

Который час они изучали содержимое памяти кибермозга машины. Давно уже опустилась ночь, сияли низкие луны — Крокет и Ларри, освещая унылый скальный пейзаж. Пустыня угадывалась сбоку по шороху свободного ветра. Лунный свет отражался от глади ее, но из-за стены соляного вала великолепие это друзья не видели.

Овальный механизм с открытыми панелями тихо гудел, принтер выдавал новые и новые пластины со строчками под свет переноски.

— Так что удалось узнать?

Ферзь устало потер виски.

— Понимаешь... Эту жестянку мы вскрыли, нам повезло, что она автономна. Но это шестерка, охранник. Дальше — системы посерьезней. Информации хватает. Слушай основное: мы попали точно в момент столкновения двух мощных враждующих цивилизаций.

— М-да...

— Да. Та, с которой мы пытаемся завязать контакт — из района Гончих Псов. Точных данных нет, но известно, что их оттуда выжили, и вот теперь нашествие продолжается.

— Это эти...

— Информанты. Вторая цивилизация. Негуманодная и более того — небιологическая. Разумно организованная информация, рекурсивная, замкнутая, своего рода компьютерный вирус, перезаписывающий сам себя в каждой свободной ячейке. Бред какой-то! Но это так. И оно — или она — способна влиять на мир. Убивать, например.

— Как?! Каким образом?!

— Я сам не совсем понял. В общем, они записывают свою матрицу на место твоей. Информация о тебе исчезает из нашего континуума, и твоим пустым телом может, если хочет, завладеть информант. Они могут также базироваться в машинах, компьютерах, животных... Везде, где возможно пребывание информации.

— Господи, — прошептал наэл, — и что же? Надеюсь, их можно уничтожить?

— Только уничтожить все — ВСЕ до одной базы. Тогда матриц не останется. Но пока хоть один информант жив, он способен размножить себя вновь. Собственно — зря я назвал их цивилизацией. Именно вирус. Очень тонко организованная самовоспроизводящая программа со слепой целью — множиться.

— Итак, — задумчиво произнес Лессо, — все базы до конца... Все живые существа, все машины, ведомые вирусом... Достойная задача.

— Еще бы! — усмехнулся Артур. — Так я не договорил. Сейчас информанты, в поисках дальнейших путей экспансии, нащупали и след сбегавших от них, скажем, гуманоидов; нащупали и устремились по следу. И сейчас готовится большое наступление.

— Тоже ничего, — в голосе наэла прозвенели

странные интонации, а глаза — в неверном свете двух лун — заискрились так, что Артуру стало не по себе. — И что ты предлагаешь?

— А что тут предлагать! — Третьякович чуть разозлился, что выразилось шевелением пальцев левой руки. — Здесь, в этих листах, вполне ясный путь к базе гуманоидов, скрытой в этих горах. Добраться до них и войти в контакт — нет ничего проще.

— Кстати, на твоей Земле ничего не знают об информантах.

— Кстати, я об этом думал. Ким, друг, нужно думать — продолжить ли путь, или бежать на станцию, радировать всем об опасности.

— Умник, — констатировал Ким Лессо Лорме Онн, и как всегда в минуту добродушного сарказма, глаза его запылали изумрудным огнем. — Ты, может, думаешь, что у этих «серых» нет раций? Или до станции чуть ближе?

Артур вздохнул и покачал головой.

— Ким, — сказал он грустно, — ты никогда не лечился от гениальности?..

— Кстати, как отличить информанта от неинформанта? — спросил Лессо, когда они уже преодолели часть перевала. — Как мы будем их различать?

— Ну, во-первых, всякая информационная система излучает. На особой волне. А мой микрокомпьютер легко различит...

— А твой микрокомпьютер без кристалла молчит в тряпочку, — поправил наэл.

— Фу, как грубо. Тогда я вытащу кристалл из руки.

— Тогда я тебе...

— А ну-ка...

— Я серьезно, Артур. Не вздумай. Без руки ты вдвое слабее.

— Знаю. А что делать?

— Может быть, до встречи с гуманоидами информантов мы не встретим.

Они сделали последний рывок и оказались на скальном гребне. Тихо-тихо скользил над пейзажем ветер. Светило еще не взошло, но половина неба сияла, наливалась муаром и багрянцем. Ларри и Крокет свалились за горизонт, небосвод был чист, и день обещал быть ясным.

— Видишь гору с раздвоенной вершиной? — Ферзь указал вперед, на угрюмые серые, уходящие в даль отроги, неприятно голые в сравнении с туманными перспективами Земли. — Этот конус скрывает стотысячный город — военную базу. До него пять километров. Скоро, наверное, нас заметят следящие системы.

— Ага, — сказал Ким, поправляя на плече сумку, — заметят, примут за информантов, потом...

— Ну, у них-то должны быть датчики излучения вируса.

— Интересно будет проверить, — Ким усмехнулся и начал спускаться в неоглядную долину, прыгая с валуна на валун. Его штормовка, порядком уже потрепанная, взлетала плащом.

Артур представил, как выглядит он сам в своей из-

мазанной кровью и солью, исцарапанной камнями се-ребристо-зеленой металлической куртке. Волосы... Он провел по ним рукой и пожалел, что в рюкзаке осталась расческа. Посмотрела бы Света сейчас в это хмурое, загоревшее лицо с парой заживающих царапин, с розовым остатком шрама от удара наэловского кулака...

Ферзь мотнул головой, проверил крепление пистолета и поспешил за другом.

Светлело.

Несколько раз они сверялись со сведениями о до-ступе в подземный город. Они шли, спускались в ма-ленькие ущелья и перелезали через завалы камней. Завалов этих было порядочно, и Артур погрузился в монотонные, под стать пути, мысли о сейсмике плане-ты, сдвиге платформенных плит и прочих вопросах, упущенных в отчетах Ларри Клейна. По первым при-кидкам, планета давно прекратила активность, всякое горообразование здесь было абсурдом. Но эти скалы, эти гигантские осыпи и ущелья — неужели в этом месте еще бывают землетрясения?

Невдалеке, метрах в пятидесяти, из-за валунов высочило светлое животное, похожее на земную ко-сулю. Оно без стеснения оглядело косменов ярко-си-рENEвыми фасеточными глазами, повертело угловатой головой. Застрекотало что-то.

— Куть-куть!.. — Ферзь присел на корточки, подзы-вая существо. «Косуля» оказалась не из пугливых и в несколько прыжков приблизилась. Угловатая, с жест-кими гранями, словно у насекомого, голова доверчиво потянулась к человеку.

— Брось ты, — улыбнулся Ким, трогая друга за пле-чо. — Пошли. Нашел забаву...

— Сейчас, поглажу, — Артур почти коснулся живот-ного.

Где-то сбоку хлопнул разряд самофокусировки, ха-рактерный для мощных лазеров, и в полуметре от пальцев Артура, чуть не опалив их, полыхнули мгно-венно сгорающие в луче ткани — черное облачко пере-режженного пепла еще оседало, а Ферзь уже искал взглядом. Ким что-то зашипел рассерженно.

С промежутком в полусотню шагов вокруг них рас-положилось кольцо темных фигур с оружием в руках.

Третьякович медленно встал, разминая пальцы. Один из окруживших поднял руку.

— Мы не нападаем на вас, — раздался металли-зированный репродуктором голос. — Вы неосторожны. Это была база вируса. Информант. Теперь мы отве-дем вас в Город.

Глава двадцать первая

Андриана провели сквозь скальный тоннель, сте-ны которого, впрочем, были железными и усыпанны-ми приборами. Механические бегемоты топали поза-ди и, судя по шуму, за ними проход смыкался. Михай, осторожно неся на перевязи большую руку, шагал вслед за зелено-черным существом. Под ногами шуршал зер-

кальный пол, в котором отражалась цепочка белых слепящих люстр.

Они остановились в большом зале. Гуманоид подвел Андриана к квадратному столу и знаком предложил сесть в странного вида кресло. Потом вполне четко заговорил по-русски:

— Вы подвергались опасности.

— Искренне верю, — урюмо сказал Михай. — Только вот какой и от кого — не пойму. Вы-то кто, собственно? Где мы?

— Одна из наземных баз слежения. Таких, как я, тут сто пятьдесят четыре. А вы?

— Ищу нашу исследовательскую экспедицию. Нашел вас, вот. Зовут меня Андриан.

— Меня — Ксор. Опасность была такая: информанты пытались захватить вашу матрицу.

— Э-э... информанты — это?..

— Это цивилизация информационных вирусов, с которой мы в данный момент активно воюем. Вы — ваш народ — зря ввяжетесь в это дело, если недостаточно развиты. Информанты угрожают всему живому. Но если вы готовы — можете помочь.

— Ну, я думаю, Совет Планеты решит. Сейчас мне важнее найти моих друзей.

— Сначала займемся вашей рукой.

Через пару минут сломанная рука Андриана была заключена в оболочку какого-то прибора. С костями и тканями что-то активно делалось, сквозь мощный наркоз Андриан чувствовал прикосновения. Он вновь обернулся к гуманоиду.

— Наша физиология, видимо, сходна?

— Очень, — кивнул тот. — Через короткое время все заживет. Будет пару дней болеть.

— Вы знакомы с нашей системой счета времени?

— Способ тот же, каким информанты узнали ваш язык и стали просить включить видеосвязь для передачи своей матрицы. Информация получается напрямую из мозга. Там, — существо указало наверх, — перед падением не было неприятных ощущений в голове?

— Да, были. Боль. Кружило.

— Вот-вот. У них и у нас — контактность на высоком уровне.

— Но кто они?

— Обитают в базах — существах или машинах, замесив сознание хозяина своей программой-матрицей. То есть практически любое существо или машина могут быть информантом.

— Хорошо, об этом позже. Сейчас о моих друзьях. На планете двое гуманоидов моего типа. Как я могу отыскать их? Вы можете или просто доставите меня наверх, и я продолжу поиски сам?

— Ни то, ни другое.

Гуманоид развернулся к приборам. Над столом вспыхнула голографическая рамка экрана. Изображение на экране, по-видимому, было картой.

— Мы, — сказал инопланетянин, ткнув в зеленый треугольник, — база слежения. Таких баз восемь, и они

38) окружают город. Вверху, на орбите — город-спутник. Там основной военный флот. Разумеется, я не вправе показывать вам секреты дислокации, но набросаем общую схему поиска. Биоизлучение вашей расы мы уже знаем — остается лишь считать показания датчиков. Не хотелось бы, чтобы контакт с другой цивилизацией — надеюсь, дружественной — начинался с потери одного из гостей. Я запрашиваю станции слежения.

Он увлекся аппаратурой, а Андриан мысленно проклял все на свете. Черт бы все это! Прямо звездные войны тут развели. Как в фильме. Только из него, Андриана, суперкосмона не выйдет. Из Артура с заклинившей рукой, пожалуй, тоже. Дернуло ж эту «формулу»...

Гуманоид шумно и хрипло вздохнул.

— Пять станций из восьми дали отрицательный ответ. В радиусе полутора километров от них, и от нашей в том числе, такого излучения не зарегистрировано. Три станции молчат. Или испорчена связь, или хуже — они захвачены информантами.

— А спутник? — спросил Андриан, медленно холодея.

— Единственное, что еще отсюда можно сделать — запросить катера, находящиеся в рейдах у повержности.

— Запросите. Черт, где же они?

— Ну, планета большая.

Ксор о чем-то разговаривал с экраном. Михай молчал и осматривал пустой зал. Нагромождение невесть какой техники. Станция слежения. Форпост.

— Пока ноль, Андриан. Но я приказал нескольким катерам вести специальный поиск. Остальные вступили в бой. В районе восточного материка несколько групп информантов напали на звено наших кораблей. К сожалению, с города-спутника биоизлучение не засечь. Но есть рискованный ход.

— Я слушаю.

— Три молчащие станции. Полететь и задействовать их. Катер с группой уже собирается стартовать, выяснить, что там произошло. Останетесь здесь или летите?

— Странный вопрос. Лечу. Их надо найти.

— Кстати, освободим вашу руку.

Андриан с удивлением пощупал плечо и предплечье, залитые прозрачным пластиком. Рука стала монолитной.

— Через пять-шесть часов можно будет снимать, — сказал Ксор, и голос его даже сквозь косноязычие лингвокомпьютера был теплым. — Сейчас вы нуждаетесь в пище, воде, отдыхе?

— Вода есть тут, — Андриан хлопнул себя по легкому полетному скафандру, — а пища и отдых позже.

— Катер готов. Идемте, только возьмите свое оружие, — Ксор протянул лазер. — Может, дать что мощней?

— Не надо. Управляюсь.

Шагая по одному из, видимо, многих скальных коридоров, он сунул пистолет в глубокий карман на бедре

и снова подумал, что стреляет весьма посредственно. Впрочем, скорее всего, стрелять и не придется. Андриан сердито захлопнул шлем.

Катер, обводами похожий на гладильную доску, был невелик. Кроме Андриана летели еще пятеро. Молчаливые серые фигуры поздоровались из ложементов. Рядом с каждым лежали черные угловатые трубы тяжелых ручных излучателей.

— Счастливо, Андриан, — последним движением Ксор пристегнул к воротнику Михая компьютер-переводчик.

Люк задвинулся, и глухо завывли движки.

Сначала, судя по экрану над головой, дающему одновременно, разделенные линией, передний и задний обзоры, они шли над горами. Внизу петлял хребет, мелькали речушки. Шли на средней высоте, около километра.

— Станция слева. Подлетаем, — сказал пилот.

— Излучение? — спросил кто-то из группы.

— Пока ничего. Садимся?

— Садимся.

Андриан сжал толстые подлокотники. Катер, накренившись, пошел вниз. Андриан вскользь подумал, что пилот, судя по угловатым маневрам, немного нервничает, но тут днище царапнуло гравием, и машина замерла.

— Ксор, — сказал пилот в передатчик, — мы сидим у входа. База молчит, излучения нет. Попробуем внутрь.

— Хорошо, — ответил из пульта голос Ксора, и пилот обернулся к сидящим сзади:

— На выход.

Перед ними мягко скользнула в сторону часть скальной стены, открыв тоннель. Группа двинулась туда осторожным шагом.

Андриан шел в середине второй тройки. Закованная в пластик рука не болела, но неприятно сковывала движения. Пистолет зыбко лежал в левой. У пилотов хорошее зрение, поэтому движение впереди он заметил первым.

Это открылись двери в зал — точно такой же, как на станции Ксора. Кресла, опрокинутые ножками вверх, крошево приборов — это было чуть неожиданно. Словно короткий взрыв навел здесь художественный беспорядок.

Еще были трупы — девять серых гуманоидов, в разных позах застывшие на полу и у пультов.

— Биоизлучения нет, — проговорил командир группы. — Мертвы, матрицы списаны. Информанты, видимо, ушли. Их излучения нет.

Андриан осмотрел одного. Зажав в правой руке тонкую стальную планку (замахнувшись ею перед ударом), другой рукой касаясь приборов, гуманоид безжизненно свисал из кресла. Подошел командир.

— Умер, не успев включить радиосирену тревоги. Ладно, сейчас сообщу Ксору. Бедные ребята.

Он сдвинул с клавиатуры руку убитого и нажал несколько клавиш.

— Станция, ответь! Ксор? Это Лодог. Мы в центральном зале. Наши все «списаны». Девять. Информантов нет. А там у вас как? — он за разговором повернулся, не заметив рядом странного шевеления.

— Тут радостная весть, — ответил Ксор глухо. — Нашлись двое инопланетян Андриана Михая. Они в Гордо.

— Да?.. — медленно сказал Лодог. — ...А нас тут информанты нашли... — Он судорожно схватил конец пробившей его насквозь металлической планки, захрипел и рухнул на пол.

Один из девяти оживших выдернул оружие из упавшего и повернулся к Андриану.

Глава двадцать вторая

— ...Ясно, — обреченно проронил кто-то, — таймерные матрицы. Вирус спит до какого-то преде...

— К бою! — заорал Андриан, стреляя.

— Не вздумайте их касаться! Не смотреть в лицо!

Перестрелка быстро перешла в свалку. Выстрелы землянина были неэффективны — дымящееся в нескольких местах существо наступало столь же стремительно. Сложно было уклоняться одновременно от взгляда и железяки, но Андриан пока держался. Рядом пылали кострами три информанта, задетых первыми выстрелами излучателей. Теперь их было шесть на пятых. Нет, семь! Покачнувшись, скользя на собственной крови встал превращенный в базу вируса командир Лодог — встал и бросился на Андриана слева.

Выстрел. Поворот, случайное касание взглядами, прыжок — выстрел. Не задеть бы своих. Каждый раз, на долю секунды задевая взгляды информантов, Михай чувствовал обжигающий нервы удар.

Удачным импульсом Лодога удалось свалить. Схватившись за лицо, он упал на спину, попытался встать, вновь упал. Кол бы тебе осиновый, тоскливо подумал Андриан. Вот ведь переплет. Пилот экстра-класса Михай на службе у неизвестных инопланетян вдребезги разносит полк зомби... Каково? Тьфу!..

Еле уклоняясь, он двигался по заметно пустеющему, залитому дымом залу. На одной из стен уже плясал розовый огонь.

— Отступаем в коридор! Сгорим!

Андриана ослепило яростью. Наотмашь рубанув «гипсовой» рукой, он впечатал противника в полотнище горящего пластика, вскинул лазер и не отпустил, пока на пятой позиции табло энергозапаса не замелькали нули.

Информант, влипший в пузырящееся месиво, не двигался.

Землянин судорожно огляделся.

По залу портьерами висел густой серый дым, сквозь его потоки виднелись фигуры на полу. И все. Похоже, он остался один. И даже, похоже, жив.

Андриан осторожно прошел по замусоренному полу. От прохода донесся слабый стон. Кто-то еще. Кто?

— Эй! Кто тут?

— Инопланетянин, как тебя там? Это я, Скелл. Свой. Я ранен.

Сквозь дым землянин разглядел сидящую в дверях фигуру. Кажется, пилот их катера. А если уже «база»?

— Ты не информант? — глупый, конечно, вопрос, но придумывать умнее некогда. Андриан стоял в пяти шагах, держа пистолет.

— Посмотри в глаза, убедись. Заодно меня убедись.

Только тут Андриан заметил глядящий ему в живот ствол. Будь прокляты, подумал он, те, кто заставляет подозревать друг друга. Заставил себя на секунду скрестить взгляды со Скеллом. Вдохнул от облегчения.

— Подойди, — устало сказал Скелл, — помоги мне встать.

У него было сломано несколько ребер справа и прострелено бедро. Держась за Андриана, он дышал хрипло и тяжело.

— В катер?

— Нет, что ты, — Скелл показал на разбитые пульта. — Мы же прилетели отбить станцию и заменить собой персонал. Вот и заменим. Вдвоем.

— Ты прав. Но тут все разбито!

— Задействуем уцелевшее. Эта станция, как и другие, охраняет подступы к Городу. Я обязан вновь включить ее в систему обороны! Мы охраняем Город!

В этом существе, полуискалеченном и уставшем, жило твердое намерение. Андриан его вполне понимал.

— Где аппарат, который у вас лечит? Или, хотя бы, аптечка?

— Потом, инопланетянин. Сперва — станция.

Андриан оглядел зал.

— Что включить?

— Подведи меня к тому креслу. Этот пульт — обзор и телеметрия.

Через полчаса картина была ясна. Станция слежения полностью оглохла и почти ослепла. Все радиоприборы, включая связь, были сожжены и исковерканы. Из видео осталась лишь вращающаяся камера, замаскированная в валунах наверху. Она давала обзор окрестностей, но и только. Простая видеокамера. На экране медленно сменялся скальный пейзаж.

— Негусто, — Андриан качнул головой.

— Вокруг пока чисто.

— Надолго ли?

— Кто его знает.

— Вооружение станции? Что уцелело?

— Три лучевые установки, контролируют сектор градусов в сто пятьдесят.

— Тогда реальнее всего тандем с катером. Зафиксировать камеру на сектор установок, а один из нас на катере висит на контроле остального.

— На катере! — Скелл изобразил нечто вроде иронии. — Из меня сейчас пилот экстра-класса...

— Ну, я, в принципе, тоже кое-что водил.

— Чужой пульт.

— Разберусь.

Скелл секунд пять смотрел на землянина.

— Ты пилот? Нет времени, твой вариант, пожалуй, единственный. Иди в катер. Взлетай. Там два лазера и соляноидная пушка. Справишься — хорошо. Нет — нет. Сейчас я налажу связь с катером. До Города не достать — мощность не та. Иди.

Андриан кивнул, глянул на табло своего пистолета, плюнул, подобрал с пола чей-то лазер и пошел в проход.

— Счастливо.

— Счастливо.

Катер открыл люк. Землянин сел в кресло и уверенно вдавил пару клавиш.

Существа похожего строения создадут похожую технику. Андриан разобрался в основных деталях управления за десять минут.

Он был пилотом. Он ощущал этот катер, как большое спящее существо, которое следует разбудить.

— Как? — раздалось из динамика. — Это Скелл.

— Более-менее. До Города, видимо, самостоятельно не дозвонюсь, но лететь смогу.

— Тогда старт. Виси в пятидесяти метрах над отрогами. Держи связь.

— Да, еще... Скелл, как мне снять с руки шину?

— Сильный электроразряд. Вырви из пульта кабель освещения кабины — это слева внизу — и пропусти ток по заливке.

— Принято, — Михай рванул гибкий шнур, прижал искрящийся конец к «гипсу», и прозрачная масса опала белыми кусками. — Все, я готов.

— Счастливо, — глухо ответил Скелл. — Держись.

Рука была несколько онемевшей, но не болела. Андриан вдавил пару клавиш, и двигатели чужого аппарата мягко взревели. Немного осторожничая на первых порах, он поднялся на полсотню метров. Машина была послушна.

Круговой обзор. В обе стороны расстились серые скалы. Далеко впереди блистала в лучах Арктика пустыня. Чистый горизонт, и чистое без облачка, небо.

Когда Андриан Михай впервые сел в пилотский локоток, небо тоже было безоблачным. Это было давно и на Земле. Одноместный учебный «Чибис» был разболтан и помят, наверняка, не одним поколением курсантов. Андриану он повиновался с трудом, а подбадривания друзей из динамика только мешали — в общем, на одной из стратосферных петель машина завалилась вбок, силовая установка неожиданно почти «погасла», и молодому пилоту надолго запомнилось чувство обреченности. Несколько минут, пока он падал, закованный в механический гроб «Чибиса», чуть не окончился серьезным нервным срывом. Потом моторы ожили, Андриан вышел из пике, посадил машину, вылез, охваченный бледностью, а все решили, что это было нарочным лихачеством. На неделю отстранили от одиночных полетов. Но лихачом он не был никогда.

И сейчас, нахмутив брови над непривычными приборами, он был аккуратен донельзя. Так же дотошно он

изучил вооружение. Два мощных газодинамических излучателя вращались по бокам на шаровых турелях. Небольшая электромагнитная пушка находилась на крыше. Михай высветил на обзоре квадрат прицела, запустил разогрев обмоток и позволил себе откинуться в кресло.

Покой оказался непродолжительным.

— Эй, наверху! — сообщил Скелл. — В моем секторе два объекта. Воздушные, быстро приближаются. У тебя как?

Землянин взгляделся в горизонт. Закусил губу.

— У меня побогаче — четыре. И...

— И?

— И тоже приближаются.

Глава двадцать третья

— Благоденствие! — сказал Ким Лессо Лорме Онн, развалившись в пушистом, пусть и не совсем человеческом кресле и делая большой глоток из кружки. — А они неплохо живут.

— Пожалуй, — Артур осмотрел зал, в котором они находились. — Это, по-видимому, центр управления. Война в разгаре.

— Война или нет, но пару минут отдыха мы заслужили.

— Тоже верно, — засмеялся Третьякович.

Распросив их и ответив на все вопросы, гуманоиды на некоторое время оставили разведчиков. Артур и Ким воспользовались этим и устроили нехитрый ужин.

— Никак не пойму, — сказал наэл, механически гладя рукоять меча, — что нам следует делать. Следить или участвовать?

— В первую очередь — сообщить на Землю об открытии сразу двух высокотехнических рас. И что одна из них смертельно опасна.

По глазам Лессо пробежали золотые искры азарта. Артур понял.

— Слушай, друг, у тебя по глазам можно читать, как в книге. Тянет в свалку?

Ким тепло улыбнулся.

— Спасибо за «друга», во-первых. Ну, и... конечно, тянет.

— Думаешь, на Земле нас поймут?

— До Земли далеко...

Третьякович вздохнул, пожал плечами: Подумалось неожиданно, что ему, в отличие от наэла, недоступна такая яркость желаний. Подобный азарт в Артуре возбуждал, пожалуй, лишь мрак пространства, когда стоишь с ним один на один. И решимость становится глухой, как броневая стена.

Киму же хватало граненой тяжести клинка в руке.

— Артур, мы не простим себе! Там идет бой, мы точно знаем, кто враг...

— Так ли точно?

Лессо Лорме сказал что-то на языке своей планеты, но настолько красноречиво, что перевод был бы излишен. Землянин усмехнулся.

— Не горячись. Нам не удастся остаться наблюдателями. Слышишь взрывы? Бой все ближе. Гуманоиды проигрывают.

Надо было видеть, как озарилось лицо Кима при этих невеселых словах.

Через несколько минут к ним подошел один из обитателей Города.

— Послушайте. — Артур и Ким вскинули взгляды.

— На одной из станций слежения объявился пришелец, похожий на вас.

— Кто?

— Наверное, абориген.

— Нет. Вы узнаете это изображение?

Артур посмотрел на одноцветный стереоснимок и опешил.

— Господи, Михай! Но он-то здесь откуда?!

— Догадываюсь, что ищет встречи с вами, — сказал гуманоид. — У нас две цели. Увести вас из района боевых действий и попросить помощи у вашей цивилизации.

— Рацию, — сказал Артур, отходя от удивления, — нужен аппарат сверхдальней связи. Такие есть?

Гуманоид качнул головой.

— Здесь нет. Мы переправим вас на орбитальный город Атэкс.

— А он? — Третьякович ткнул в снимок. — Сначала нам нужно встретиться.

Даже чужая мимика чужого лица выдала грусть и вину.

— К сожалению, ваш друг вылетел на поиски к станции периметра, и с тех пор известий не было.

...Молчание длилось не больше пяти секунд. Потом Артур заговорил медленно, четко и размеренно, словно бросая гири на весы.

— Вы немедленно даете нам средство передвижения и показываете путь к этой станции. Если машины нет — мы идем пешком. Занесите в свои списки двух неплохих бойцов, пока мы ходим.

Ой, милый, залетел ты со своей формулой, подумал он тоскливо.

Глаза наэла налились муаром.

Электромагнитная пушка стреляла, по-видимому, термитно-кумулятивными снарядами, так как действие ее было ужасно. Первый же боевой корабль информантов, плоский, нелогично угловатый, окрасился нестерпимо яркой вспышкой, струя испаряющегося металла брызнула из него фантастической радугой, и машина рассыпалась, догорая. Три оставшихся были умнее. Андриан ушел от перекрестия их выстрелов, бросив катер в кабрирование. В сотне метров луч Скелла настиг другую цель. Перегрузки были сумасшедшими, но терпимыми, и Андриан, завершая кабрирование петлей, задел третьего врага. Но лишь задел.

Разворот по широкой дуге. И вновь атака. Разряд излучателя, пройдя рядом, почти ослепил землянина, Михай выстрелил наугад и проклял тех, кто отменил в космошколах обязательный боевой тре-

нинг. Мазал он беспардонно. Но через минуту отчаянных виражей полыхнула зарница, и информантов осталось трое.

— Андриан, — буркнул Скелл невозмутимо, — ты просто ас!

«Ас» закусил губу и ушел от лобовой атаки. Катер внезапно пробило мелкой дрожью.

— У тебя стабилизаторы срезали, — сообщил Скелл, — добавь скорость. Выведи их в мой сектор.

Три плоские машины выстроились цугом, открывая бортовой огонь, но Михай нырнул за скальный гребень, и лучи раздробили базальт. Заговорили орудия станции, превратив двух нападающих в пылающее сито.

Андриан взмыл над третьим, наводя прицел точнее, и краем глаза увидел еще пять точек, растущих в небе.

— Скелл, еще пятеро!

— Хорошо — не тысяча, — прозвучал динамик.

Последний информант первой партии стал обломками и пошел вниз.

— Держись, Скелл, уже близко.

— Кстати, Андриан, их не пять. Их девять. Только четыре отвернули к Городу. Мой приказ — перехвати их. Я уничтожу пятерых.

Михай сплюнул натекший на губы обильный пот.

— Но у тебя же лишь половина обзора!

— А Город?!!

— Но...

— Приказываю.

Андриан закричал от бессилия и бросил катер вперед.

— Я быстро, Скелл, я вернусь!! Жди!

Навстречу рванулись отроги. Впрессованный в кресло перегрузками, Михай выжимал форсаж.

Четыре корабля не успели ничего сообразить, когда он метеором, изливая поток огня, прошел их строй. Двое взорвались сразу.

Еще одного Андриан попросту вынудил врезаться в землю.

Кружась вокруг последнего, скользя в частокле лучей, он услышал спокойный и очень усталый голос Скелла:

— ...Андриан... Не подлетай ни в коем случае. Они зашли сзади и сели. Теперь рвутся в станцию.

— Скелл!!! — заорал Михай. — Держись, я иду! Держись, одну секунду!

— Они бегут по коридорам. Я взрываю станцию. Я...

Горизонт вспучился огненным куполом. Через секунду дошла ударная волна, катер Михая качнуло, информант не удержал свою машину и размазался по отвесной стене ущелья.

Лететь туда, где величаво вздымался теперь ядерный гриб, было бессмысленно.

У этого горизонта была, оказывается, еще одна формула — формула цепной реакции.

...Увидев перед собой черную громаду гравойла, Михай разжал губы:

— Кто на борту?

— Ну, Андриан, вы даете, — выдохнул Третьякович в шлемофон. — А еще гражданский пилот. Здравствуйте!

— Подите к черту все военные! — в сердцах бросил Михай. — Здравствуй, мальчик мой. Открой шлюз, стыкуюсь.

Встреча была не бурной, но искренне теплой.

— Формулы разные, — сказал Артур, пожимая ему руку. — Я тут, по вашему совету, взялся искать свою. Эти ребята, — он указал на команду гравойла, — добьют нас до Атэкса. Там свяжемся с Землей.

— Добро, — произнес пилот и потер шрам на лбу, мокром еще от напряжения. — А это, как я понимаю, Ким э-э...

— Ким Лессо Лорме Онн, — на открытом лице наэла засияла улыбка, а взор стал лимонным. — Приятно познакомиться.

— Как биопротез? — спросил Андриан.

— Во, — левая рука Третьяковича сложила внушительный кулак. — Как видите. В пустыне, правда, она преподнесла мне сюрприз, но...

— Кристалл...

— Уже в курсе. Я заменил кристаллом микрокомпьютера.

— Умно. В Центре всполошились, послали меня.

— Я не думаю, что вы здесь лишний, — тихо сказал юноша, и их взгляды встретились.

...Орбитальный город-спутник Атэкс оказался Крокетом. Или наоборот — Крокет, известный дотоле как естественный спутник, представлял собой хорошо закамуфлированную сферическую конструкцию. Когда гравойл, снижая скорость, шел по сводчатым шахтам, Артур наклонился к одному из гуманоидов.

— И все спутники такие?

— Нет, только два кроме этого.

По описанию стало ясно, что глыба камня Малыш на самом деле грандиозный космический корабль, а Фавн — энергетическая база. И лишь Ларри и Санта-Анна являлись настоящими лунами.

Гравойл причалил.

Они ступили на темный пол чужого города.

Но война продолжалась. Плечо к плечу стоя у обзорных экранов, двое землян и наэл выслушали неутешительные сведения.

Силы наземного сопротивления разбиты. Нижний Город эвакуируется на Атэкс. Информанты двигаются дальше. Три космических крепости-звездолета, пораженные информационным вирусом, находятся в часе пути до планеты. Сколько выстоит Атэкс — неизвестно.

— Единственное, что я хорошо знаю, — хмуро сказал Артур, сжимая плечи друзей, — это то, что в подобной заварушке мы еще не бывали. Звездные войны!

— Это наполняет тебя энтузиазмом? — удивился Михай.

А Ким Лессо возбужденно раздувал ноздри.

Прогнозисты Атэкса немного ошиблись. Первый корабль информантов прибыл через тридцать четыре минуты.

Единственное, что успел передать Артур в прибор субпространственной связи, это сигнал о помощи и координаты.

Потом станцию пронзило первым ударом. Мощный луч пробил силовые поля и нарушил броню одной из секций Атэкса. На экранах было видно, как титаническая туша звездолета поворачивается для нового выстрела. Его предупредила ответная лавина ядерных ракет. Защита корабля перебила их на полпути, и второй залп зажег на боку города лишай огня.

Артура, Кима и Андриана в продолжение перестрелки швыряло на пол не раз и не два, но люди вскакивали и бросались к экранам вновь.

Третьякович, забыв об опасности, расширенными глазами смотрел на зрелище, которое никогда не увидят его товарищи по институту, никто на Земле.

Поминутно выли сирены, сообщая о новых повреждениях.

Неожиданно в бой вступил Малыш, точнее, то, чем он являлся.

Пучок смерти из его рентгеновского лазера нарисовал на борту корабля информантов аккуратный круг. Из разреза ударило пламя.

— Попал! — заорал Ким.

Тут же мощный залп превратил Малыша в оплавленную картофелину, и по лицам на Атэксе прошла тень ужаса: на горизонте, сияя, дефилировал второй информант. Через минуту пришел третий.

Три безмолвные громады висели вокруг маленького орбитального мирка.

Взгляды Артура и Лессо встретились. Обернулся Михай.

— А дела-то невеселые, — сказал он.

Артур сжал губы в линию. В голове его неотвязно билась картина близкой звезды — Артура, каким показал его Михай перед высадкой. Почему — Артур не знал, но видение моря огня заполняло его.

— Ну что, милые, — произнес Третьякович, — красивая смерть, правда?

Лессо что-то шептал.

— Что, Ким? Друг...

— Я говорю — еще не смерть. Один корабль хочет пристыковаться. Им не надо нас уничтожать. Они нас...

Артур понял. И увидел. Действительно, один из кораблей степенно приближался. Все верно. Абордаж, короткий бой, и ты — информант.

Короткий?!

Артур качнул уголками губ, его гибкое стройное тело выпрямилось. Биопротез зашевелил пальцами. Насчет короткого — это еще не факт.

Табло «нидлрзя» обещало много. И Третьякович, вынув пистолет, снял его с предохранителя.

— Внимание, — объявил, отчаянно хрипя помехами, динамик внутренней связи. — Готовится десант информантов. Население Атэкса единодушно решило взорвать город. Внимание. Пришельцам с Земли дается средство передвижения. Бегите. Это — дело Атэкса.

Артур засмеялся. Смех, похожий на тот смех-кашель в пустыне. Андриан и Ким сцепили руки на его плече.

— Мы тоже сражались за Атэкс. Мы остаемся.

...Ах, черт, как жаль, не успел осуществить то, что тогда, в пустыне...

До корабля оставались километр и пять минут, когда, хлестко вспыхнув сиреневым, треснуло само пространство. Длинной ломаной молнией.

Эхо этой молнии еще горело на сетчатке глаз, а непослушные, словно чужие, губы шептали пораженно: — «Мицар»!..

Полуторакилометровая сверкающая игла космического суперкрейсера «Мицар», вынырнув из подпространства, замерла на мгновение.

Капитану Альфреду Битте не надо было дополнительных фактов.

Ни единая душа в мире не видела еще этого, разве что на испытаниях. «Мицар» применил дестройбонд.

Это было просто, и долго еще снилось свидетелям той титанической битвы. Туманно мерцающее веретено вихревых полей вытянулось через космос, коснувшись ближайшего корабля информантов. Он подернулся дымкой, и так же, как дымка, растаял, открыв звезды. Веретено лизнуло второй звездолет, и он тоже исчез, развезанный на нейтроны.

Третий, почти коснувшийся Атэкса, попытался ответить. Его лучи ореолом разбились о защитное поле крейсера. На этот раз дестройбонд задел бы и город, и «Мицар» не стал рисковать. Ударили гравипушки, разрывая внутренности корабля информантов гравитационными искажениями.

Разбитый корабль замолк, по инерции приближаясь все-таки к Атэксу. «Мицар» тоже затих.

В полной тишине заговорила рация на поясе Артура.

— Суперкрейсер «Мицар» вызывает Андриана Михая и Артура Третьяковича. Ответьте. Здесь Альфред Битте.

— Здесь Артур Третьякович, — медленно, словно просыпаясь, заговорил Ферзь. — Поздравляю, капитан, блестящий бой. Спасибо.

— Вы в порядке?

— Да, и Андриан тоже. И Лессо Лорме. Теперь нужно освободить планету. Они и там.

— Вы справитесь, если на последнем корабле не все в порядке?

— О да! — сказал Артур.

— Спускаемся на планету, — сказал Битте.

На экране крейсер, чуть помедлив, зажег дюзы и погрузился в атмосферу, скрывшись из глаз.

Но новые впечатления не успели нахлынуть в полном объеме. Сильнейший удар потряс Атэкс. Разби-

тый корабль ткнулся в оболочку, и сотни уцелевших информантов хлынули на борт.

Они, втроем, сжимая оружие, бросились в коридоры.

Этого боя Артуру не забыть тоже. Его быстро оттеснили от Андриана и Кима, и Ферзь бился в одиночку. Луч его «нидрэя» плясал то тут, то там, взлетала и была черная перчатка. Уголки губ качались в странной улыбке, а тело плясало неистовый скользящий танец посреди тысячи смертей. Гибкий, как кошка, с феноменальной реакцией, он был неуязвим. Смоляные локоны залепляли сумасшедшие, горящие азартом глаза.

Где-то в отдалении периодически шипел арбалет Лессо.

То, что бой велся не с живыми существами, а с мертвой вирусной программой, снимало все тормоза. Это было все равно, что крушить манекен. И безжалостность побеждала.

Наконец, выбивая информантов из проходов, Артур очутился в вакуум-створе, шлюзовом отсеке размером с конференц-зал. Синхронно в створ влетел Андриан.

Михай грузно и устало отмахивался от восьминогго робота. В руках пилота летала стальная балка. Третьякович, с удивлением обнаружив, что пистолета в руках нет, решил помочь так.

Он подскочил, выхватил у Андриана балку и нанес один мощный удар. Робот-информант гулко взорвался. Ярчайшая фиолетовая вспышка. Артур успел зажмуриться — такая вспышка могла перебросить матрицу через глаза.

Наступила тишина.

Ферзь и Андриан застыли в напряженных позах. Каждый боялся поднять взгляд на другого и проверить, остался ли тот, другой, человеком. Боялся не опасности, а горя от возможной потери. Потери друга.

Наконец они сделали это. Серо-зеленые глаза Третьяковича и карие Михая скользнули взглядами друг по другу и не ощутили характерного нервного удара.

— Ну, слава богу, — выдохнул Андриан, вытирая лоб, — а я уж испугался...

Они оба успели улыбнуться. И оба, повернув на звук голову, увидели Кима.

Ким Лессо Лорме Онн — им казалось, что он делает это медленно, как во сне — поднимал взведенный арбалет, и глаза его были тускло-серыми, хранящими отсвет фиолетовой вспышки.

Артур долго искал потом другой ответ и просто клял себя за то, что тренировка на активную среду не дает времени думать.

Когда детонатор термитного наконечника гарпуна устался в их сомкнутые плечи, а палец Кима лег на гашетку, Артур вскинул правую руку, сжал в кулак и резко согнул кисть.

Лазер в манжете куртки, разумеется, сработал. Янтарный луч прошел центр груди наэла, выбросил фонтан искр из спины и ушел в стену. Металл сте-

ны еще пузырился, а Ким уже падал, выпустив арбалет, подломив колени. Третьякович успел подхватить его за плечи, заглянуть в лицо. Лицо было мертво, как и тело. Но на прощанье, освободившись от матрицы, взгляд Лессо стал янтарно-желтым и больше не менялся.

По Атэксу звенел крик победы.

Эпилог

...Уютно гудели маршевые гравитаторы. «Мицар», затерянный в изгибах подпространства, преодолевал последний прыжок к транзит-станции «Лимб».

— Я договорился, Артур, — уютный, как и гудение, голос Андриана почти усыплял его, — Хэмфри разрешает тебе погостить недельку-другую у меня. А? Ты как?

— Конечно, конечно, Андриан... — Третьякович выходил из забытья. — О чем разговор? Коль мешать не буду... Хотя какая сейчас разница...

— Что ты, какое мешать! Да ты спишь... Ну, не горюй.

— Что ты, о чем. Такое повидали! Но черт!..

Потом и всегда Ферзь будет винить себя в смерти Кима. Это будет всплывать ниоткуда и бить из-за угла.

Но пока Артур все-таки окончательно проснулся, потрянул головой и глянул на часы.

— Внимание, — объявил репродуктор над дверью, — выход из скачка. Внимание.

Крейсер вздрогнул, зажглись за бортом звезды. Колесо «Лимба» приветственно раскрыло стыковочный узел.

Третьякович кинул на плечо сумку, встал. Они прошли по гулким переходникам, пересекли шлюз.

— Счастливо, — сказал Альфред Битте.

— Вам наше, — улыбнулся Артур. — До встречи.

Зашипела заслонка. Они были на «Лимбе».

Матово светились мягкая отделка стен, ворсистый ковер пола. Издалека доносились переливы музыки.

— Итак, друг мой, — Михай вдруг остановился и поднял палец, как в назидание. — Формула — ты нашел ее?

— Формулу горизонта? Да уж, спасибо, — хмыкнул Артур. — А что?

— Да так. Люблю таких. Что ж, входи, познакомься, моя дочурка Лариса.

Ушла в стену дверь, Артур шагнул в кают-компанию. Остановился.

Месяц назад Ларисе Михай исполнилось девятнадцать. И Артур медленно вспомнил, что ему двадцать один.

Конец первой части.

Вторая часть будет опубликована во 2-м полугодии 1996 г.

КРИК БОГА

Входная дверь со скрипом отворилась, и в дом ввалился Валдон Хруст — здоровенный и сильный, как медведь, старейшина земледельцев Колонии. Подойдя к столу, возле которого младший жрец Кирак Жетляга творил вечернюю молитву, Хруст упер в столешницу свои задубевшие ладони и пророкотал:

— Кирак... Отцы Колонии говорят, что этим летом урожая опять не будет...

Жетляга молча шевелил губами, уставившись в изображенного на ветхой бумаге клыкастого Бога Эдо. Жутковатый портрет Великого и Беспощадного висел на стене, как раз над бочонком, в котором — Хруст это знал — находилась крепкая брага.

«Сволочь, — думал про жреца Хруст. — Пьянь толстопузая. Детям в Колонии есть нечего, а эта скотина из последней нашей свеклы брагу гонит... Великий Эдо, каким же образом с Жетлягой мог договариваться мой предшественник, Метал Торм?! Трудно, ой трудно быть на его месте! Рано ты от нас ушел, старый Метал...»

Жрец закончил читать молитву, по-прежнему сидя за столом, чего не полагалось делать никому, даже Отцам, и повернулся к Хрусту:

— Ну, чего надо-то?

— Дай мне встретиться с Верховным Жрецом.

— Верховный Жрец Болл Джубокс ежечасно творит за всех нас молитвы, — заученно начал нудить Жетляга. — Его труды и тревоги...

Хруст шарахнул кулачищем по столу.

— Ты пойми, Кирак: если урожая не будет и в это лето, зимой Колония умрет. И ты умрешь, между прочим, тоже.

До Жетляги стало доходить.

— Хорошо, Валдон. Только скажи, о чем ты будешь просить Верховного Жреца.

— Ты об этом и сам мог бы догадаться. Я хочу просить разрешения на встречу с...

— С кем? — тихо спросил Жетляга, хотя уже понял, о ком идет речь.

— С Великим Кракором. С Великим Богом Трех Стихий — Земли, Воды и Огня, — негромко, но торжественно произнес Хруст.

Жетляга задумался. Конечно, сходить к Боллу Джубоксу нетрудно, передать ему просьбу Хруста еще проще, но вот какотреагирует жрец? А он может приказать высечь Жетлягу... Или отобрать одну из жен, — тут даже Отцы ничего не сделают... Эхе-хе, грехи наши...

В глубине души Жетляга сомневался в могуществе Великого Кракора, но в этом он боялся признаться

даже самому себе. За подобные кощунственные мысли в Колонии раньше могли и казнить... Так и бывало, пока Отцы не наложили запрет на казни. Слишком мало людей осталось в Колонии. Слишком много умирает, слишком мало рождается. И рождаются сейчас сплошь одни девчонки, да и те все хилые да худосочные... Жетляге еще повезло — у него от четырех жен два сына, и оба здоровые...

— Иди, Валдон, — произнес, глядя в стол, Жетляга. — Я поговорю с Верховным Жрецом.

Валдон вышел из жреческих ворот и направился по пыльной дороге вниз, к домам земледельцев. Тяжело было на душе у Хруста. Буквально на днях старейшина охотников, Шерман Кот, поделился с ним страшной новостью: в лесах исчезает дичь. Конечно, жители Колонии как-то могут сводить концы с концами, питаются рыбой, но если будет неурожай, начнется голод. А голод означает смерть.

Валдон остановился возле покосившейся глиняной стены своей хибары и посмотрел на небо. Чистейшее, по-вечернему темно синего цвета, оно обещало еще много, много дней без дождя.

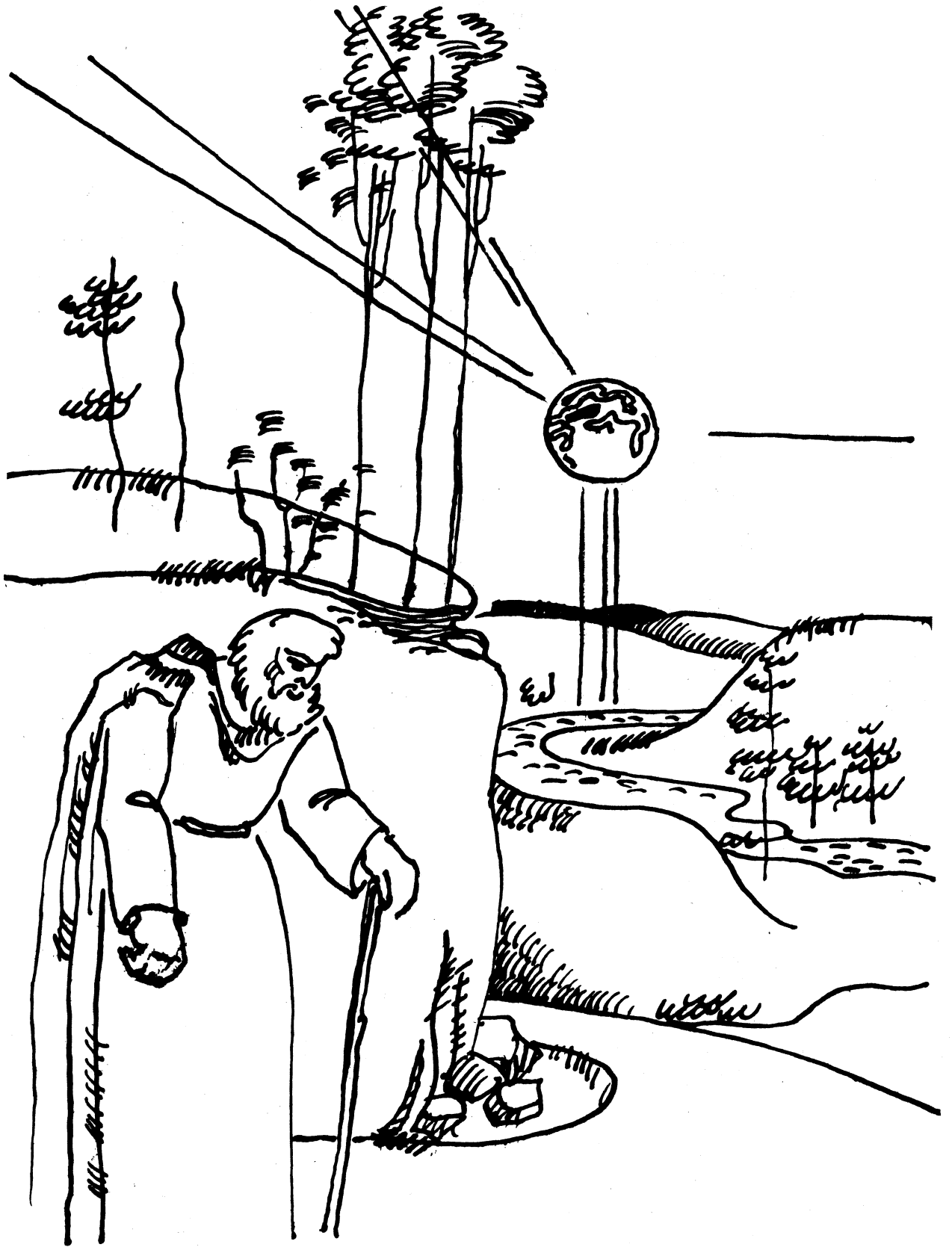
«И звезды загораются раньше обычного, — озабоченно думал Валдон. — Жаркое будет лето. К концу его начнутся пыльные бури, а вот вслед за ними и ударят дожди. Но будут уже совсем ни к чему... Интересно, вернутся ли люди после смерти на одну из тех далеких звезд, откуда, как говорит Верховный Жрец, спустилась на твердь земную Колония?.. Нет, наверное. Хотя, всякое может быть. У Верховного Жреца много старинных ученых книг, какие сейчас никто не умеет делать... Одна есть потолще — с крестом, другая потоньше — с изображением Великого Кракора... Там много такого, в чем только Верховный Жрец может разобраться. И главное, там сказано, как нужно обращаться к Великому Кракору, чтобы он дал людям урожай...»

— Ну что, старейшина, задумался? — хриплый голос Кота прервал размышления Валдона. — Что сказал тебе Жетляга?

— Обещал помочь... Главное — чтобы Верховный все понял.

— Он должен понять, — сказал Кот. — Хоть он и совсем уже старик, но, думаю, догадывается, что так плохо в Колонии еще, наверное, никогда не было... Ладно, как станет известно, зови меня. Вместе к Верховному пойдём. Может быть, и охота наладится... Счастливо, старейшина. До завтра.

Шерман Кот отправился к себе домой. Двигался он быстро и неслышно, как и полагается охотнику. На

плече он нес короткое копьё, а на поясе его висел большой металлический нож — предмет жгучей зависти колонистов. Глядя на блеск этого ножа, Валдон думал о том, что целая уйма металла, дороже которого нет ничего на свете, без толку валяется в святилище Великого Кракора. Сколько ножей и копий можно было бы из него сделать! Может быть, стоит об этом наметнуть Верховному?... Нет, в другой раз. И только после того, как он заручится поддержкой Отцов и охотников.

Хруст еще раз взглянул на быстро темнеющее небо, прочитал одну из молитв, после чего тоже направился восвояси, не подозревая о том, что в святилище Великого Бога Трех Стихий говорят о том же, о чем он только что думал.

— И не смей больше возвращаться к этому, — говорил высокий седой мужчина — Верховный Жрец Джубокс. — Все эти вещи, — он обвел рукой помещение, — принадлежат Великому Кракору... — Жрец поклонился в сторону громады стоящего рядом Бога. — И только здесь, рядом с Ним, они могут обладать частью той великой силы, которой обладает Он...

Собеседник Джубокса, послушник по имени Вилли Клетч, молчал, кивая головой, но про себя возмущался. Он уже несколько раз перечитал книгу о Великом Кракоре, но нигде не обнаружил даже упоминания о том, что утварь святилища должна всегда находиться при Нем.

— ...Надеюсь, с этим ты спорить не станешь, — закончил свою речь Джубокс.

— Да, учитель, — произнес Вилли Клетч. — Но меня смущает еще вот что...

— Говори, Вилли.

— Я не могу понять, как Великий Кракор, находясь здесь, может помогать земледельцам, если они даже не видят Его. И потом, когда я читал книгу, я понял, что Великий Кракор раньше мог сам выходить отсюда на помощь людям...

Верховный Жрец скрипуче рассмеялся. Потом спохватился, глубоко поклонился Богу и снова обратился к своему ученику:

— Да простит тебе Великий Кракор эти слова. Очень неумно с твоей стороны говорить такое... Может быть, ты и прочитал книгу о Нем, но не все в ней правильно понял. Эту книгу очень трудно толковать. Так же трудно, как и ту, с крестом, что повествует о жизни наших предков на далеких звездах. Ты подойди поближе к Великому Кракору, посмотри на Него. Как Он, по-твоему, может выйти? Разве у него есть ноги?... Прости, о Великий Бог Трех Стихий... Вилли, ты станешь мудрым человеком, потому что не боишься задавать странные вопросы. Но ты им станешь не скоро, потому что задаешь эти вопросы слишком часто... Все, Вилли. Оставайся здесь и бди возле Великого Кракора. Тебе выпала большая честь — в течение трех ночей находиться рядом с Ним. А я пойду. Думаю, скоро ко мне придут Отцы и старейшины, чтобы просить о встрече

с Великим Богом Трех Стихий... Следи за Ним, Вилли.

Старый жрец покинул святилище, и Вилли остался один на один с Богом. Благоговейно и с трепетом в душе послушник приблизился к Нему. Великий Кракор был холоден и безмолвен. Верховный Жрец говорил, что Бог никогда не спит, и постоянно помогает людям своей скрытой внутри неведомой силой. Наверняка Великий Кракор очень силен. И, наверное, Он действительно никогда не спит — ведь Он никогда не закрывает свои глаза...

Вилли отошел от Бога, открыл книгу о Нем и стал читать о правилах приношения ему жертв. В отличие от Великого и Беспощадного Эдо Он не требовал живых жертв; Бог Трех Стихий довольствовался меньшим: в день, когда Его торжественно будут просить о помощи, земледельцы должны возжечь перед Его глазами огонь — первую стихию, дать Ему воды — второй стихии, и жгучей земной крови — третьей стихии. Только тогда можно будет произвести разные обряды в святилище и вознести Ему молитву...

В назначенный день ворота святилища открылись, и перед взорами колонистов появился во всем своем неповторимом облике Великий Кракор. Колонисты встали на колени, некоторые женщины даже упали без чувств. Только Валдон Хруст стоял прямо, как и было положено просителю. В одной руке он держал мех с чистой ключевой водой, в другой — такой же мех с земной кровью, которую почти по капле собирали охотники... Передвигаясь на негнущихся ногах, он вошел в святилище и приблизился к Богу почти вплотную. Передав меха взволнованному Клетчу, Валдон принял из рук надутого от торжественности Жетляги кресало и дважды высек огонь перед глазами Великого Кракора, дабы привлечь Его внимание. После этого земледelec с облегчением опустился на колени и заговорил молитву, долгую и сложную, согласно событию. Он не видел, как суетился с мехами Клетч, как совершал разные непонятные окружающим пассы Жетляга, и не слышал, как Джубокс громко произносил странные слова из священной книги... Наконец обряд закончился.

Мокрый, как мышь, Валдон поднялся. Жетляга и Клетч закрывали ворота, а Верховный Жрец громко-ласно объявил колонистам:

— Дети Колонии! Великий Кракор, Бог Трех Стихий, внял вашим просьбам! Он поможет вам! Его сила перейдет в поля, и осенью вы соберете хороший урожай! Слава Великому Кракору!

— Слава Великому Кракору! — нестройно, но с душой откликнулись колонисты, давно уже поднявшиеся с колен и начавшие расходиться, не дожидаясь окончания речи Джубокса: жители Колонии шли работать и не хотели терять времени.

Последними маленькую площадь перед святилищем покинули Хруст и Кот. Валдон был угрюм, и Шерман никак не мог понять, почему.

Ночью этого дня Вилли Клетч во второй раз неотлучно находился при Великом Кракоре. Послушника тоже, как и Хруста, мучили сомнения в успехе сегодняшнего обряда. Скорчившись возле чадящего светильника, Вилли тарашил глаза и шевелил губами, неизвестно в какой раз перечитывая священную книгу.

Книга была старинной и очень ветхой. Если бы многие поколения послушников не относились к ней, как к святыне, она, конечно, давно бы уже превратилась в труху... Вилли читал, и книга пробуждала в голове послушника крамольные мысли.

«Все забыли о том, что Великий Кракор раньше сам выходил из святилища помогать земледельцам, — думал Клетч. — А ведь так было. Вот тут нарисован Бог, а тут — Верховный Жрец... Земледельцев не видно, но это и так понятно, где они находятся...

Крамольные мысли породили крамольные действия. Вилли приблизился к громаде Бога. Было немного страшно, но ведь Клетчу не впервые приходилось забираться на Его плечи, чтобы умащивать Великого Кракора земной кровью.

Послушник устроился почти под самым потолком святилища и открыл книгу. Все правильно, сейчас он точно на том самом месте, где должен находиться Верховный Жрец... Не наказал бы его Бог за гордыню...

Вилли, прислушиваясь к уханью своего сердца, совершил несколько действий, строго сверяясь с велениями книги, и через несколько секунд произошло нечто ужасное: глаза Великого Кракора ярко загорелись страшным огнем, и Бог громко закричал, так, что Клетч моментально оглох.

Вилли заткнул уши, но жуткий вопль лез внутрь его тела, сотрясал его, разрывал на части, а глаза Великого Кракора по-прежнему сияли, заливая святилище ярчайшим светом.

Клетч не видел и не слышал, как в помещение вбежали оба жреца. Превозмогая ужас, они стащили послушника с плеч Бога. Верховный что-то сделал торопливо в голове Бога, и Великий Кракор замолчал. Его глаза погасли.

В суматохе никто не заметил, что кто-то свалил один из предметов, стоящих на алтаре. Предмет этот не был отображен в священной книге, а значит не имел никакого отношения к Великому Кракору, но был принесен в святилище, потому что блестел металлом, как Бог. Предмет упал на пол, ударившись панелью с кнопками. Удар по кнопке был недостаточно силен, чтобы аппарат заработал, но достаточен, чтобы обрывок стандартного сигнала бедствия вырвался из гравизащитного блока и, проламывая пространство, помчался в безбрежные глубины Вселенной.

Космический патруль — дело довольно скучное и утомительное, как бы журналисты ни утверждали обратное. Впрочем, в секторе GX-17C давно уже не было

ни одного журналиста, по той причине, что им здесь попросту нечего было делать.

Командир патрульного катера Виктор Фурье заканчивал очередной доклад на Базу о том, что происшествий нет, и как всегда, с трудом удерживался, чтобы не спросить, какие происшествия вообще могут быть в этом секторе.

— Командир, — послышался голос инженера Игоря Костецкого, — кто-то сигналит.

— Брось шутить, — зевнул Вик.

— Я серьезно. — Тем не менее, голос Игоря был так же немного ленив, словно бы он сам себе не верил, что здесь кто-то может подавать сигналы.

— Что там?

— Да обрывок чего-то. Не могу понять, почему сразу же замолчали.

— «СОС» или «Мэйдэй»? — Вик все еще был уверен, что Игорь шутит.

— Похоже, «СОС».

— Ты с ума сошел?! — командир поднялся со своего места и подошел к Игорю.

— Да правду я говорю... Это где-то рядом. Вот тут, кажется.

— Ну-ка... Система С9245-G5, пятая планета... Сейчас посмотрим.

Информатор моментально выдал все данные о планете. Вик и Игорь озадаченно переглянулись.

— Это может означать только одно, — произнес инженер. — Там гибнет незарегистрированная частная экспедиция.

— Но как она проникла в этот медвежий угол? — удивился командир. — Своим ходом звездолету сюда добираться лет двести.

— А трансфилатор незарегистрированную экспедицию не пропустит, это точно... Значит...

— Затерянная колония, — сказал Вик. — Слушай, похоже, нам здорово повезло.

— Еще бы! Докладывай на Базу и — вперед!

Заработали главные двигатели, патрульный катер помчался к системе С9245-G5. Недаром радовался экипаж — за такие находки в далеком космосе счастливички получали очень и очень солидные премии. Кроме того, любому человеку всегда приятно выступить в роли спасителя...

А на пятой планете тем временем шел суд. Колония судила послушника Вилли Клетча. За кощунство, которое могло привести к страшным последствиям.

Заседание строилось по древней схеме, новость как сохранившейся в Колонии. Верховный Жрец, разумеется, исполнял обязанности судьи, обвинял послушника Жетляга, защищать же Вилли пригласили Шермана Кота. Шестеро самых старейших и уважаемых мужчин Колонии — Отцов — находились в роли присяжных. На суд допускались все, но пришли немногие

— у всех были дела. Валдон Хруст тоже не пришел: как старший земледелец, он постоянно находился в полях, да и потом — он боялся, что не выдержит и собственноручно убьет Клетча, не дожидаясь конца судебного заседания.

Колонисты были людьми деятельными, не любящими переливать из пустого в порожнее, и поэтому каждый знал, что суд будет скорый, никаких перерывов не состоится, и что через час-другой судьба обвиняемого будет решена.

Кирак Жетляга встал, выпятил свое круглое брюхо и повел речь:

— Всем известно, что произошло сегодня ночью. Послушник Клетч во время ночного бдения в святилище Великого Кракора своими кощунственными действиями оскорбил Бога Трех Стихий и, может быть, даже причинил Ему боль — не зря же он так кричал. Я очень сильно опасаясь гнева Великого Кракора, того, что из-за гнусного поступка одного колониста Великий Кракор может лишиться Колонии урожая, о котором только вчера мы так искренне Его просили. Я знаю, что наши мудрые Отцы запретили смертную казнь, но сейчас, в порядке исключения, я требую смерти для святотатца.

Жетляга откашлялся, сурово посмотрел на подсудимого и сел на землю возле Верховного Жреца. Тот обратился к Клетчу:

— Так ли это было, подсудимый?

— Я не оскорблял Великого Кракора, учитель, — заявил послушник. — И не совершал никаких кощунственных действий. Я делал все точно так, как было написано в священной книге. И признаю свою вину лишь только в том смысле, что ни с кем не посоветовался и принял решение сам...

— Понятно, — произнес судья. — Что скажет защитник?

— Конечно, мой подзащитный виноват, — начал хитрый Кот. — Но конечно же, не в кощунстве, а всего лишь в том, что по молодости лет не нажил еще ума. И в том, пожалуй, что слишком подвержен гордыне. По моему, он просто не годится в послушники.

— В послушниках он и так не останется ни минуты, — заявил Верховный Жрец. — Но я думаю, что это недостаточное наказание.

— Конечно, — вернулся Жетляга. — Пусть защитник считает, что подсудимый совершил святотатство по недомыслию. Великому Кракору от этого все равно не легче. Как не легче будет и все нам от Его гнева.

— Как бы там ни было, будет величайшей глупостью казнить этого парня, — заявил Кот. — Какой прок Колонии от его смерти? Есть же другие способы искупления вины.

— Какие? — спросил судья. — Тюрьма? Кто будет его, единственного, сторожить и кормить?

— Пусть он отправляется на рыбный промысел, — сказал Кот. — Я возьму его к своим головорезам.

Некоторое время все молчали. Рыбный промысел был очень тяжелым и опасным ремеслом, и ему обучали с малых лет, но никто из присутствующих не знал, что Клетч до того, как стать послушником, несколько раз выезжал вместе с Котом на бой большой рыбы.

— Ну что ж, — сказал Болл Джубокс. — Пусть теперь скажут свое слово самые мудрые.

Мнения Отцов разделились. Трое предлагали в порядке исключения казнить подсудимого, трое склонялись к предложению Кота. Тогда снова заговорил Верховный Жрец.

— Мое слово оказывается решающим, — начал он. — Пусть будет так...

Кот взглянул на Вилли Клетча. По лицу бывшего послушника текли крупные капли пота. Джубокс открыл рот, чтобы произнести роковую либо спасительную для Клетча фразу, как вдруг раздалось низкое гудение, будто снова закричал Великий Кракор. Но этот звук шел с неба, и когда люди подняли головы, то увидели рассекающую небо белую полосу. Звук постепенно начал стихать, полоса расширилась... Все молчали. Ни Верховный Жрец, ни даже Отцы не знали, что это такое. Первым начал соображать Кот.

— Это знамение, — проговорил он. — Великие Боги не советуют нам торопиться... Выслушай меня, Верховный Жрец! Может быть, стоит обратиться к священным книгам, которые, без всякого сомнения, точно скажут, как нам поступить?

Старый жрец долго думал. Конечно, этого охотника следовало бы поставить на место, но ведь он, к сожалению, прав... Или к счастью?.. Во всяком случае, спешить действительно не стоит.

— Слушайте все, — произнес Джубокс. — Вы все видели это знамение. Если мы сейчас примем неправильное решение, Великий Кракор разгневется непременно... Кот! Подсудимого я оставляю под твой присмотр, и горе тебе, если с ним что-нибудь случится. А мы с тобой, Жетляга, пойдем думать, что может означать для всех нас это невиданное знамение...

Вик и Игорь шли по опустевшим улицам эвакуированной Колонии и не уставали поражаться тому, что в таких кошмарных условиях могли жить люди. Впрочем, не жить, а скорее, существовать.

— Повезло им, — говорил Игорь. — Они уже доживали последние годы. Еще немного, и их бы докнало вырождение.

— Нет, — покачал головой Вик. — Они бы умерли от голода раньше. Планета почти безводна, и они истощили почву на этом пятачке, потому что не могли кочевать... Подумать только, они даже не догадывались ее как следует перепаживать.

— Откуда у тебя такие познания в агрономии? — спросил Игорь.

— Я ведь тоже бывший колонист. Правда, я быстро понял, что это дело не для меня...

Патрульные вошли в одно из сооружений, которое они даже в мыслях не могли бы назвать домом, хотя оно было одним из лучших в Колонии — это было жилище Кирака Жетляги.

— Похоже, тут пьяницы жили, — заметил Вик, открыв бочонок.

— Ты гляди, что у него на стене висит!

— Ого! Старинный календарь!

— Бумажный, обрати внимание, — сказал Игорь.

— Может, в музей на Марсе его отдать?

Вик некоторое время любовался изображенной на календаре клыкастой мордой гориллы.

— У них там таких хватает, — сказал он. — Пусть висит. Может, и здесь когда-нибудь будет музей... Пойдем дальше, тут вроде одна более-менее приличная хибара есть...

Командир и инженер подошли к святилищу.

— Смотри! Стальные ворота! — воскликнул Вик.

— Черт знает что! А охотятся чуть ли не каменными топорами... Ух ты! Даже не заржавело!

— Нефтью смазывают... И еще чем-то...

(52)

Патрульные открыли ворота и остановились от неожиданности.

— Потрясающе... — только и смог сказать Игорь.

Командир прошел внутрь и стал внимательно оглядывать стоящую посреди помещения громаду. Инженер обогнал Вика, тронул ее руками.

— Как сохранился... Как сохранился... — восторженно повторял он.

— Уникально, — сказал Вик. — Вот ему точно место в музее. И даже не в марсианском. На Земле с руками оторвут. Двадцать первый век, не позже.

— Здорово, — наконец оторвался от созерцания Игорь. — Они его лелеяли, как ребенка. И, похоже, ни разу не использовали. Непонятно, почему.

— Да, тем более, что даже «Руководство по эксплуатации» сохранилось.

— Ладно, Вик, пошли. Надо с Базой договориться, чтобы помогли нам его отсюда вывезти.

Патрульные покинули гараж и направились к стоящему на окраине колонии катеру. Ворота они закрыть не стали, и скоро ветер впервые за многие годы покрыл тонким слоем пыли капот огромного гусеничного трактора...

Ведущий рубрики Сергей КАЗАНЦЕВ

Евгений ГАРКУШЕВ

ТОМАС МЭЛОРИ И ЕГО ДЕЛО

Давным-давно, в пятнадцатом веке, жил сэр Томас Мэлори, собравший, отфильтровавший и опубликовавший цикл рыцарских легенд, получивших впоследствии название «Смерть Артура». Кто не слышал о рыцарях Круглого стола, об Артуре и Ланселоте? В то же время — кто читал «Смерть Артура» Мэлори?

Книга Мэлори подтолкнула многих писателей к интерпретации рыцарских преданий и к упоминанию в своих произведениях их персонажей. Широко известен «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» Марка Твена, недавно вышел в свет перевод на русский язык «Короля былого и грядущего» Т.Х.Уайта.

Ссылки на Мэлори есть и в детской книге «Король Артур и рыцари Круглого стола». Автор этого пересказа не указан. Последняя книга не лишена привлекательности, хотя поражает своей наивностью еще больше, чем простодушные тексты Мэлори. В этом пересказе меня удивило описание подвигов Персиваля — в подлинных легендах рыцаря славного и почти святого. Крайне неправдоподобный рассказ о детстве Персиваля завершает следующая сцена: Персиваль видит двух сражающихся рыцарей, Красного и Зеленого.

«Персиваль с удивлением смотрел на невиданное зрелище: ему показалось, что Зеленый рыцарь слабее Красного и уже поддается под ударами Красного. В гневе Персиваль схватил один из эпизодиков и бросил его в Красного рыцаря. Дротик попал ему в затылок, и он замертво упал с коня».

По-моему, это навет на Персиваля: недостойно было бы напасть из-за угла на незнакомого рыцаря и убить его. Зеленый рыцарь, правда, позже объясняет Персивалю: «Он был злой рыцарь и заслужил смерть за свои многочисленные злодеяния и притеснение сирот и беззащитных вдов». Но Персиваль-то этого не знал! Известно, что простота хуже воровства.

Но не стоит судить о книге Мэлори по таким пересказам, хотя и там встречаются иногда места, заставляющие понять ироничный тон Уайта и Твена в описании некоторых эпизодов. Так,

многие заявления рыцарей начинаются с выражения: «Как я есть верный рыцарь...» Это смешно, но неплохо было бы и нам если не говорить, то думать нечто подобное, прежде чем начинать новое дело.

Как следует из комментариев к книге Мэлори, автор писал ее большей частью в тюрьме, куда попал за неблаговидные поступки и буйный нрав. Тем не менее, рыцарские истории демонстрируют подлинное благородство и высокую нравственность. Или историки наговаривают на Мэлори, или тогда преступники были более порядочными людьми, чем мы сейчас?

Наиболее интересной из всех книг о рыцарях Круглого стола, кроме произведения Мэлори, являющегося подлинной классикой, показалась мне тетралогия Т.Х.Уайта «Король былого и грядущего». Особенно любопытно сравнивать некоторые параллельные места у Мэлори и Уайта.

Сцена встречи Ланселота с четырьмя королевами у Мэлори патетическая:

«— Итак, выбирай, которая из нас четверых будет твоей возлюбленной, иначе же умрешь в этой темнице.

— Да, это трудный выбор, — сказал сэр Ланселот, — либо умереть мне, либо избрать одну из вас. Но я предпочту с честью умереть в этой темнице, чем против воли моей взять кого-нибудь из вас себе в возлюбленные. И, стало быть, вот вам мой ответ: ни одну из вас я не возьму, ибо вы — коварные колдуньи. Что же до госпожи моей леди Гвиневеры, то, будь я сейчас, как прежде, на свободе, я бы с оружием в руках доказал, что на свете ни одна дама не сохраняет твердость своему супругу и господину.

— Что ж, — спросили королевы,

— значит таков ваш ответ и вы нас отвергаете?

— Да, клянусь жизнью, — сказал сэр Ланселот, — я отвергаю вас.

С тем они ушли и оставили его там одного в горькой печали».

Уайт описывает почти то же самое, но впечатление совсем другое:

«— Ну что же, — сказала Моргана ле Фэй, — нам ведомо, кто ты такой, а потому не тешь себя мыслью, что мы ничего о тебе не знаем. Ты сэр Ланселот Дюлак, и у тебя любовь с Королевой Гвиневерой. О тебе говорят, что ты лучший рыцарь на свете, и по этой причине всякая дама к тебе благосклонна. Впрочем, теперь прости с их благосклонностью. Мы все королевы, ты в нашей власти, и тебе следует выбрать, какая из нас станет твоей возлюбленной. Заставить тебя мы, очевидно, не можем, пока ты сам не сделаешь выбор, — но одну из нас ты выбрать обязан. Итак, которую?»

Ланселот сказал:

— Как же я могу ответить на подобный вопрос?

— Да уж как-то ответить придется.

— Прежде всего, — произнес он, — то, что сказали вы обо мне и супруге Короля Британии — ложь. Будь я сейчас на свободе или имел, как прежде, оружие, я доказал бы это, сразившись с любым воином, какого вам было б угодно выставить. Что же до прочего, я, безусловно, ни одну из вас в возлюбленные не возьму. Простите, если это невежливо, но больше мне нечего вам сказать.

— Вот как! — сказала Моргана ле Фэй.

— Вот так, — сказал Ланселот.

— И это все?

— Все.

Четыре королевы поклонились с холодным достоинством и строем вышли из комнаты».

Интересен взгляд авторов на взаимоотношения Ланселота и Королевы Гвиневеры, жены Артура. Если Мэлори упоминает о любви Королевы и Ланселота, он делает это стыдливо, сожалея, что герои его не вполне идеальны. В упомянутой раньше детской книге этот момент полностью пропущен, что вполне понятно, но это лишает книгу большей части смысла

вой нагрузки. Уайт же обсуждает эту тему на протяжении всей книги, делая попытки психоанализа:

«Трудно объяснить поведение Гвиневеры, если только не согласиться с тем, что можно любить двоих сразу. Вероятно, одинаково любить двух людей невозможно, но ведь любовь бывает разная. Женщина в одно и то же время любит и детей своих, и мужа, да и мужчиной, сердце которого без остатка принадлежит одной, нередко овладевают похотливые помыслы относительно другой. Что-то похожее случилось и с Гвиневерой, полюбившей Француза и не утратившей любовной привязанности к Артуру».

Тут же дается предполагаемое объяснение возникновению чувств Королевы:

«Королева, едва перешагнувшая двадцатилетний рубеж, зардевшись, сидит на троне, а перед ней — залитый светом зал, наполненный благородными рыцарями, и каждый стоит, опустившись на одно колено. «Чей вы пленник?» — «Я пленник Королевы, присланный сэром Ланселотом, дабы Королева решила, жить мне или умереть» — «А вы чей пленник?» — «Королевы, а сразил меня Ланселот». Имя сэра Ланселота — у всех на устах, он — первый из рыцарей мира, изысканный, милосердный, уродливый, неодолимый; и всех этих рыцарей он посылает к ней. Словно в день рождения — столько подарков. Такое только в книгах бывает».

Поиски Святого Грааля у Мэлори описываются торжественно и с почтением. Демократичный Уайт не упускает случая посмотреть на события с точки зрения современного человека. Раздраженный сэра Гавейн в книге Уайта рассказывает о Галахаде, лич-

ности у Мэлори достославной, так:

«— Этот парнюга, — продолжал сэра Гавейн, понемногу разогреваясь, — этот лилейный вьюнош — самый законченный катамит, какой когда-либо отравлял своим зловонием Божий свет и какого мне, на мою беду, довелось нюхнуть — вот кто он таков, и тут даже спорить не о чем!

Он, видите ли, вегетарианец и спиртного в рот не берет и уверяет всех, будто он девственник».

Искушение Персиваля, полностью серьезное и даже трагичное у Мэлори, Т.Х.Уайтом окрашивается в комичные тона:

«Затем явилась ему другая дама, чрезвычайно обольстительная и благородная и при полном походном снаряжении, и эта дама пригласила Перси отобедать. Он же к тому времени оголодал — кругом-то все же пустыня, да и к вину он за всю жизнь так и не смог привыкнуть, а потому вечерок у них удался на славу. Боюсь, его малость разобрало, ибо он слишком много смеялся, а под конец распалился и попросил даму — ну, сами понимаете. Дама-то была согласна на все, и все бы у них пошло, как по маслу, да Перси, по счастливому случаю, увидел вдруг крест на рукояти своего валавшегося на земле меча. Он осенил себя крестным знамением, и шатер дамы тут же перевернулся кверху ногами, а дама удрала на стоявший неподалеку корабль, крича и ругаясь, и уплыла, и вода за ее кораблем горела».

Несмотря на многие недостатки, Ланселот, Тристрам, Гвиневера, Изольда, Гарет, Борс и их отношения кажутся недостижимым идеалом. Так оно, собственно, и есть.

Общество наше практически лишено идеалов, рыцарские и даже

просто благородные поступки не находят понимания. Неплохо было бы нам прислушаться к словам короля Артура, в интерпретации Т.Х.Уайта обращенным непосредственно к пажу, юному Тому Мэлори:

«Когда король взшел на английский трон, он обнаружил, что все короли и бароны дерутся друг с другом, как сумасшедшие, и, поскольку им были по карману дорогие доспехи, не существовало практически ничего, способного помешать им поступать как вздумается. Они творили много дурного, ибо жили, полагаясь на силу. И вот королю пришла в голову мысль, что силу должно использовать, если ею вообще стоит пользоваться, ради справедливости, а не ради самой силы. Он думал, что если ему удастся заставить баронов сражаться за правду, помогать слабым, исправлять злые дела, то все их драки могут оказаться не столь дурными, какими они некогда были. И он собрал всех честных и добрых людей, каких только знал, и произвел их в рыцари, и усадил их за Круглый стол. В те счастливые дни их было сто пятьдесят человек, и Король Артур всем сердцем любил Круглый стол. Он гордился им больше, чем своей любимой женой, и новые рыцари его многие годы убивали страшных великанов, питавшихся человеческой, и спасали девиц, и выручали несчастных из заточения, и старались настаивать мир на праведный путь».

У Короля Артура получилось не все, и Стол его распался, и рыцари были убиты. Но он завещал потомкам мысль о рыцарстве — свечу на ветру, которая все норовит погаснуть. Сохраним ли мы ее — ведает один Бог. Но пока Дело Мэлори, его стремление к совершенству живет, хотя бы в книгах...

Ответы на кроссворд «АЭЛИТА» (№ 1-96 г.)

1. Голос (в авт.сб.: Стальная змея. — М.: Знание, 1991).
2. Сталкер. 3. Роби (в сб.: Талисман: — Л.: ДЛ, 1973).
4. Пограничник (в сб.: Кольцо обратного времени. — Л.: Лениздат, 1977).
5. Иск (М.: ДЛ, 1985).
6. Квадриллион (в сб.: Выдумки чистой воды. Т.1. — М.: МГ, 1990).
7. Конфликт (в авт. сб.: Молекулярное кафе. — Л.: Лениздат, 1964).
8. Темпоград (М.: МГ, 1980).
9. Дом (Техника молодежи, 1984, № 7).
10. Мутант (Знание-сила, 1977, № 5).
11. ТП (в авт. сб.: Приблудяне. — М.: Текст, 1993).
12. Полигон (в авт. сб.: Стальная змея. — М.: Знание, 1991).
13. Кошмар (с/с, т.4. — Екатеринбург: КРОК-Центр, 1994).
14. Реликт (Н.Новгород: Флокс, 1993).
15. Тупица (в сб.: Эстафета разума. — Л.: ДЛ, 1988).
16. Амба (с/с, т.4. — Л.: ДЛ, 1985).
17. Авангардист (в авт.сб.: Приблудяне. — М.: Текст, 1993).
18. Традиция (в авт.сб.: Черное безмолвие. — М.: МГ, 1991).
19. Ящера (в сб.: Цех фантастов. 1990. — М.: МР, 1990).
20. Ариэль (с/с, т.3. — Л.: ДЛ, 1984).
21. Странник (М.: МГ, 1993).
22. Крысолов (с/с, т.6. — Екатеринбург: КРОК-Центр, 1994).
23. Властелин (Н.Новгород: Флокс, 1993).
24. Неформашки (Юность, 1988, № 1-3).
25. Ива (с/с, т.6. — Екатеринбург: КРОК-Центр, 1994).
26. Акванавты (Н.Новгород: Флокс, 1993).
27. Кристалл (в авт. сб.: Стальная змея. — М.: Знание, 1991).
28. Любимец (М.: Культура, 1993).
29. Асимметрия (в авт.сб.: Черное безмолвие. — М.: МГ, 1991).
30. Язычники (Уральский следопыт, 1989, № 7-9).
31. Василиск (Уральский следопыт, 1986, № 4).
32. Каллисто (Л.: Лениздат, 1989).
33. Ошибка (Вокруг света, 1982, № 10).
34. Андел (Фантакрим-МЕГА, 1991, № 3).
35. Знамение (в авт.сб.: Сила сильных. — М.: ДЛ, 1986).
36. Лабиринт (Минск: ЛИА «Эридан», 1991).
37. Талисман (в одноим.сб. — Л.: ДЛ, 1973).
38. Наследники (в сб.: Фантастика-69-70. — М.: МГ, 1971).
39. Испытание (Энергия, 1989, № 2-3).

ОБЩАГА ДЛЯ ПРИШЕЛЬЦЕВ

На ящике у дверей гастронома тощий, заросший бурой щетиной очкарик собирал деньги на постройку общежития для пришельцев. О чем извещал лежащий рядом с шапкой картонный плакатик.

— Ну и как, откликаются? — остановившись, поинтересовался Квадратов.

— Недопонимают еще... — очкарик кивнул на шапку, на дне которой грустило несколько монеток. — Ничего, скоро осознают, что некому больше порядок навести. Одна надежда на НИХ.

— Не прилетели же еще, а ты уже собираешь, — выразил сомнение Квадратов.

Но у сборщика все было продумано.

— Потому и не прилетают, что некуда приткнуться, — отчеканил он. — Ты вот сам-то поедешь в город, где тебе переночевать негде? Вот так же и ОНИ. Покрутятся вокруг да около на своих блюдцелетах — и восвосяси. А построим герметичную общагу — чтоб на заказ любое давление, климат и прочее — и, вот увидишь, сразу пожалуют.

— А наберешь? — поставил вопрос ребром Квадратов. — Сумму-то надо ого-го какую!

— Мое дело — начать, — скромно определил свою роль очкарик. — А дальше развернется во всемирном масштабе. Попомни мое слово: вот эта самая шапочка в музее под стеклом будет лежать. Как реликвия.

— Пустая или с мелочью? — ехидно осведомилась с соседнего ящика чистенькая бабуля, собиравшая якобы на гостинец коту под висевшим на груди девизом: «Помогите киске

раз в жизни попробовать «Вискас». И, выразительно покрутив пальцем у виска, посоветовала Квадратову: — Да не слушай-те вы этого никчемушника.

Но тут сборщик вдруг обрел неожиданного сторонника.

— Маладец, джигит! — Упакованный в черную кожу усач на ходу опустил в шапку пяти тысячную купюру и, исчезая из дверей гастронома, пояснил: — За мечту!

— Ай да кацо кавказской национальности! — обрадовался очкарик. — Вот что значит — припекло!

— В каком смысле? — не понял Квадратов.

— Да бардак-то там, у них, еще куда почище нашего! — принялся объяснять сборщик. — Оттого и затосковали по пришельцам... погоди, вот у нас так же станет — сразу все начнут на общагу раскошелиться. Чтoб, значит, поскорей прилетали...

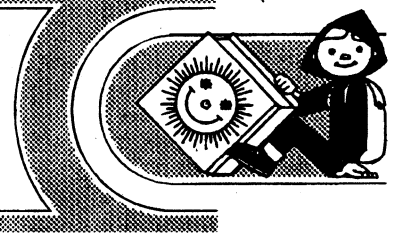
Последних слов Квадратов уже не слышал, шагая в продуктово озабоченной толпе к колбасному отделу.

«Смех смехом, — размышлял он, отбивая чек на полкило новозеландской твердокопченой, — а вот взять да объявить у нас в архитектурном конкурс. Скажем, на лучший фантастический проект отеля «Звездный гость». В порядке развития воображения. Меня, как подавшего идею, само собой — в жюри. Туфта, конечно, но, если шумнуть по телюку да сосватать в рекламу — может быть недурственный навар...»

Выходя из магазина, Квадратов нащупал в кармане самую крупную из медяшек и благодарно бросил ее в шапку неотлучно пребывавшего на своем посту сборщика.

Михаил НЕМЧЕНКО

РАССКАЗЫ

ЗАДЫШИМ ПО-НОВОМУ

Как известно, в нашей привольной стране дыхание всегда было бесплатным и ненормированным. Что, правда, приводило к определенной обезличке, уравнивая в правах тех, кто дышит с чувством меры, и лиц, склонных к дыхательной распушенности и кислородному обжорству. Впрочем, богатая воздушными ресурсами держава до поры до времени могла себе это позволить.

Однако ныне ситуация в корне изменилась. Из-за бесконтрольной утечки отечественного кислорода за рубеж и массовой порчи оставшегося воздуха стальными кишечниками заполонивших дороги автостад совместно с упрямо дымящей посреди неплатежей и экологических помоек индустрией — населению волей-неволей приходится поумерить свои дыхательные аппетиты. И в целях создания условий для дыхания последующих поколений со всей остротой встает вопрос о переходе на платное потребление кислорода.

Честно дышащим труженикам нечего бояться этого давно назревшего мероприятия. Лицензии на право дыхания будут торжественно вручаться юным гражданам вместе с паспортами, — оплата же взиматься в рассрочку в течение всей последующей жизни. Если же человек достиг пенсионного возраста и при этом продолжает дышать, он вместе с пенсией будет получать дыхательное пособие, вполне достаточное для умеренного наполнения легких вплоть до завершающего выдоха.

Кстати, упорядочение народного дыхания должно способ-

ствовать и укреплению правопорядка. Известно, что подготовка любых криминальных действий, а тем более их совершение, немислимы без злодейски учащенных вдохов и выдохов. Что, надо полагать, не укроется от дыхательной Полиции, которая специально будет создана для борьбы с фактами неумеренного поглощения кислорода. Нарушителям, пойманным с поличным, придется платить штраф. А наиболее злостные расхитители воздуха будут переводиться на дыхание за наличный расчет с принудительным ношением кислородных счетчиков в виде изящно выполненных намордничков.

Одновременно с ужесточением дыхательного режима внутри страны необходимо взять наконец под контроль воздушные потоки, бесплатно утекающие как в ближнее, так и особенно в дальнее зарубежье, где давно уже ощущается нехватка собственных дыхательных ресурсов. Эти берущие начало в наших исконных зеленых просторах кислородные реки должны быть перекрыты плотинами воздушных таможен, а взимаемые сборы станут важным валютным подспорьем для нашей постепенно приходящей в себя экономики. Высокомерный Запад и ненасытно вздымающий свои многомиллиардные легкие Восток должны наконец зарубить себе на носу: «Не разевай бесплатно рот на российский кислород».

Словом, всем нам предстоит задышать по-новому, по третье-тысячелетнему. И нашим общим девизом должны стать слова, которые обязательно рано или поздно произнесет кто-то из еще неродившихся великих умов 21 века: «Лучше платное дыхание, чем бесплатное издыхание».

Игорь ЗАЙЦЕВ

ПЯТИЭТАЖНЫЙ АКВАРИУМ

Если вам приходилось прибывать в Мурманск морем, вы не могли не заметить остров Кильдин. Каменным стражем стоит он у входа в Кольский залив, провожая уходящие в морские просторы корабли. Кильдинские маяки радостно приветствуют моряков, возвращающихся после долгого плавания в родной порт.

Остров невелик. Длина его — семнадцать с половиной, ширина до семи километров. Крутая черная глыба, лишенная растительности, величава и угрюма. Издавна местное население слагало легенды об этом клочке суши... Вот что писал о Кильдине Михаил Михайлович Пришвин, побывавший в этих местах во время странствий по Кольскому полуострову. «Он возвышается над океаном, как основание громадной, кем-то начатой пирамиды. Я еще в Лапландии слышал про этот замечательный остров. Лопари мне рассказывали, будто злая ведьма, рассердившись на жителей Колы, хотела запереть их в Кольской губе и вытащила остров из океана на веревке. Она подтянула его почти к самой губе, но кто-то увидел ее злую цель, крикнул, веревка окаменела, и остров остановился в океане».

Это остров Кильдин. Но еще более знаменито его озеро Могильное.

Феноменальный водоем невелик. Длина его — 560, ширина — 280, максимальная глубина — 16,3 метра. Голубое, спокойное зеркало озера окружают зеленые, заросшие густой высокой травой берега.

Вода в Могильном обычная, пресная. Но это только сверху. Секрет и уникальность озера в том, что оно, образно говоря, похоже на пирог с несколькими слоями начинки. Ученые выяснили, что в Могильном пять различных слоев воды.

Самый нижний, расположенный над вязким илистым дном — это продукт жизнедеятельности сероводородных бактерий. Здесь большая концентрация сероводорода, метана, углекислоты и потому — полное отсутствие жизни.

Второй слой — самый красивый. Летом вода здесь окрашена в розоватый цвет. Столь необычной окраской она обязана пурпурным бактериям, обитающим в ней. Они служат своего рода щитом, окисляют сероводород и не пропускают его в верхние слои.

Третий представляет собой кусочек моря, запертый в глубине озера. Соленость воды здесь такая же, как и в близлежащем море.

Четвертый слой в некотором роде промежуточный: вода, образованная от смешения морской и пресной, солоноватая на вкус.

И наконец, на поверхности Могильного лежит 4-5-метровый слой прозрачной пресной воды.

В чем же секрет этого, как говорят ученые, «биофизичес-

кого» парадокса? Дело в том, что озеро находится на берегу моря.

Когда-то, в давние времена Могильное было морским заливом; а в послеледниковый период образовалась перемычка из валунов, песка и гальки, которая и отделила озеро от моря.

Подобные озера — бывшие морские лагуны — далеко не редкость. Образуются они и в наши дни. Но судьба их неизменно печальна: вода или быстро опресняется, или, наоборот, солонееет в результате испарений. А вот в Могильном этого не произошло. За сотни лет в озере установилось уникальное равновесие между пресной водой, поступающей из атмосферы и с суши, и соленой, проникающей через дамбу.

Озеро известно людям и привлекает их внимание уже около четырехсот лет. Впервые очертания острова Кильдин и озера Могильного были нанесены на карту знаменитым Виллемом Баренцем в конце XVI века.

Уникален животный мир озера. Дело в том, что каждый слой воды имеет своих обитателей, которых не встретить в другом. И самое интересное в том, что в озере мирно соседствуют как морские, так и пресноводные животные и водоросли.

Морские обитатели озера в основном те же, что и в соседнем море: губки, мшанки, бурые и красные водоросли, различные моллюски, черви, асцидии, актинии и морские звезды. Неплохо чувствует себя здесь такая типично морская рыба, как треска. Условия жизни морских обитателей в озере необычайно суровы. Это как раз тот случай, когда рыба не ищет, где глубже. Морские животные существуют как бы между молотом и наковальней. Ни в пресном, ни тем более в сероводородном слое существовать они не могут. А слой соленой воды сравнительно тонок, да и солнечного света все же маловато. Неудивительно, что некоторые живущие здесь виды образовали новые формы. Многие животные отличаются карликовыми размерами.

Вот, к примеру, кильдинская треска, которая представляет особый подвид. Рыба достигает в длину всего лишь 80 мм. Она более пятниста, большеголова и длинноуса по сравнению с морской. В море треска — хищник, а здесь ей приходится довольствоваться лишь беспозвоночными.

Долгие годы уникальному озеру грозила смертельная опасность. Еще в 1916 году собирались взорвать дамбу, превратить озеро в залив и устроить стоянку для кораблей. Местные жители издавна ловили здесь треску — это гораздо проще и удобнее, чем в море. Результат налицо — подвид занесен в Красную книгу.

В последние годы положение кардинальным образом изменилось. С 1978 года решением Мурманского облисполкома реликтовое озеро Могильное объявлено заповедным, и здесь запрещены все виды хозяйственной деятельности. А в 1985 году озеро объявлено памятником природы.

Продолжение. Начало на стр. 11

Склейка разбитых сердец

1

Прекрасная Елена рыдала у себя за перегородкой. Ну, не совсем рыдала, однако шумно хлюпала носом и подвывала в подушку. Опять у нее случились неприятности. Какие именно, спрашивать было неразумно. В ответ услышишь: «Иди отсюда, дурак, не суйся не в свое дело!»

Генчик и не совался.

Свесив ноги со второго этажа, он сидел на подоконнике и постреливал из пистолета. По всяким случайным мишеням, что попадались на глаза: по пустой яичной скорлупе, валявшейся у сарая, по бельевым прищепкам на веревке, по мячику, который забыли в траве Вова и Анютка.

Мячик от каждого попадания подпрыгивал, как синий испуганный поросенок. Прищепки вертелись на шнуре, будто акробаты. А скорлупа — та вмиг разлетелась белым фейерверком. Длинный тяжелый пистолет бил без промаха. Плохо только, что калибр требовал лишь самых мелких «пуль». Приходилось их долго выбирать из рассыпанного на подоконнике гороха.

Удачные выстрелы радовали Генчика. Но больше ничего не радовало. Не будешь ведь целый день торчать в окне с пистолетом. А чем еще заняться, Генчик не знал.

Погода была так себе: теплая, но сырая, порой сыпал мелкий дождик. Зоя Ипполитовна уехала на два дня в деревню к какой-то своей знакомой. Возиться в игрушечном городе было не с руки — Генчик укрыл его от дождя широким куском полиэтилена. Да и не хотелось без помощников, а Вова и Анютка куда-то ушли с родителями.

Федя Акулов, Карасик, был, наверно, дома. Но после недавнего случая идти к нему Генчик не рвался.

А случилось вот что.

Три дня назад Генчик и Карасик отправились в сквер у кинотеатра «Агат» попрыгать на батуте. Это такая резиновая площадка вроде громадного надувного матраса. А над матрасом — трехголовый дракон на растопыренных лапах — для развлекательности. Покупаешь билет (совсем не дорогой), снимаешь сандалии и целых пятнадцать минут можешь прыгать и кувиркаться от души. Вместе с десятком других счастливых. Вообще-то развлечение несерьезное, для дошколят, но почему иногда и не порезвиться?

И порезвились. И очень довольные вышли из сквера. И здесь Генчик услышал:

— Эй ты, забинтованный! А ну, тормози!

Это были Буся и «одинаковые» Гоха и Миха (в своих нелепых, почти до колен, свитерах). Хорошо хоть, что без Шкурика!

Генчику и в голову не приходило, что недруги могут оказаться здесь, в «не своем» районе. Поэтому он был без маскировки, в прежней сине-горошитой рубашке. И даже коленка забинтована, как раньше. Не для какой-то хитрости, а чтобы все приметы были как в тот день, когда познакомился с девочкой у оврага.

Почему-то Генчик часто ее вспоминал. Ходить мимо ее дома стеснялся, но надеялся, что когда-нибудь встретит на улице. И сегодня подумал: «Вдруг она тоже придет поскакать?» И оделся так, чтобы узнала.

Но девочка не пришла, а узнали его Буся, Гоха и Миха...

Ну, а дальше — как всегда в таких случаях: прижали к забору, похихикали, подразнили, дали пару затрещин. Генчик хныкал и отбивался, но не очень. Потому что все равно без пользы, только еще сильнее их разозлишь.

Во время «разборки» Буся то и дело поправлял на носу темные очки. Очки были Генчика — те самые, что он потерял в толпе, когда смотрел выступление Шкурика. Но заявлять свои права было глупо.

Взрослые дяди-тети шли мимо и не вмешивались. Наверно, говорили себе для успокоения совести: «Мальчики просто играют». А громко кричать «помогите» Генчику было стыдно.

Помощь пришла с неожиданной стороны.

— М-меерзавцы! — услышал Генчик. И трое врагов услышали. Оторопели. Видно, с говорящими козками они до сей поры не сталкивались. Козимода рыла копытом траву, глаза ее горели, как стоп-сигналы.

Гоха и Миха отвесили челюсти. Буся помигал и быстро сказал:

— Айда, парни, отсюда, ну их. Тут все какие-то психи, шуток не понимают.

И они пошли прочь — все скорее, скорее...

— В м-ме-елицию вас...

— Спасибо, Козимода, — грустно сказал Генчик.

— Ты меня который раз выручаешь.

Он стер со щек слезинки, перемотал съехавший бинт, заправил вывернутые карманы. Погладил Козимоду по хребтистой спине и пошел домой.

На углу Кузнечной он услышал:

— Бубенцов, подожди...

Из-за кустов желтой акации появился Карасик.

Весь такой... будто побитый больше Генчика. Когда Генчика схватили, Карасик сразу рванул в сторону, с глаз пропал. Генчик думал, что он уже дома сидит.

— Я... понимаешь, я хотел кого-нибудь позвать. Большеих... А никого нету... А я...

— Да ладно... — Генчику было неловко, словно это он, а не Карасик драпанул с поля битвы.

— Я... видишь ли... все равно я драться не умею... поэтому...

— Ну и правильно сделал, — поморщился Генчик. У него вдруг запоздало заболело плечо, по которому крепко стукнули. — Что тебе оставалось-то? Я бы тоже драпанул, если бы успел...

— Ты — другое дело. Тебя держали. А я хотел...

— Раскокали бы тебе очки, вот и все, — сумрачно сказал Генчик.

Карасик снял очки, стукнул себя ими по щеке. Он волочил ноги, и его просторные джинсы цеплялись за головки подорожника.

Совсем тихо Карасик проговорил:

— Ничего я не хотел... и не думал. Трус я, вот и все. Бросил тебя...

— Ну, хватит тебе... — опять поморщился Генчик.

— Подумаешь. Всякое бывает с перепугу...

— Нет, не хватит, — уже решительно сообщил Карасик. — Я понимаю. Я хотел с тобой как следует подружиться, но зачем тебе такой друг...

— Карасик, да брось ты!

— Нет, не брошу... Ты только никому не говори про этот случай, ладно?

— Ладно, — прошептал Генчик. А что ему оставалось?

— Может быть, я когда-нибудь сделаюсь... храбрее. И тогда мы опять... А теперь прощай. — Карасик снова надел очки и смотрел сквозь них горько и твердо. Потом нагнул голову и быстро пошел от Генчика.

А тот стоял и окликнуть не решался.

Нет, Генчик не осуждал Карасика. Потому что сам — тоже не храбрец. Еще неизвестно, как бы он вел себя на месте несчастного Феди Акулова. Может быть, тоже стреканул бы в кусты. Да еще потом придумывал бы всякие героические оправдания. Карасик — тот хоть честно признался...

Жаль Карасика. И себя почему-то жаль... Ох и запутанная эта штука — жизнь!

А тут еще Елена действует на нервы.

— Может, уж хватит выть? Москва слезам не верит...

— Замолчи, дубина! Тебя не спросили!..

— Я — дубина, ты — бревно. И притом давным-давно... С Петей, что ли, поругалась? — наконец осенило Генчика.

— Больно он мне нужен, твой дурацкий Петя!

Ну, все ясно! Генчик крутнулся на подоконнике, прыгнул в комнату. Взял со спинки стула любимую рубашку.

— Пойду выяснять обстоятельства...

— Не смей! Кому сказала!

— Ладно, ладно. Я к Зое Ипполитовне...

Про Зою Ипполитовну дома уже знали. Однажды она подвезла Генчика до дома и встретилась с родителями. Отец и мать одобрили знакомство Генчика. Совсем даже не плохо, что сын помогает по хозяйству пожилой женщине. Это лучше, чем болтаться по улицам или плести бесконечное число пружинчиков.

Папа сказал:

— Она, видать, дама образованная. Глядишь, и научит чему-нибудь полезному.

Мама, правда, заметила, что лучше бы Генчик побольше помогал ей, а не какой-то родственнице непонятного капитана. Но это так, для порядка.

Только Елена отнеслась к Зое Ипполитовне без одобрения. После рассказа Генчика о коллекции капитана Сундуккера сестрица выразила мнение, что «бабка явно чокнутая». Под стать Генчику. Тот показал Елене язык. Лопатой...

Сейчас Елена не знала, что Зоя Ипполитовна в отъезде. И поверила:

— Ну и ступай к своей сумасшедшей бабке...

— Сама такая!

— Замолчи, дубина!

— Я — дубина, ты — бревно. Я — глина, ты — ... чисто золото!

— Я маме скажу. Она тебе даст «золото»!

— Скажи, скажи. Только больше не реви.

2

Старшего спасателя Петю Кубрикова Генчик нашел на рабочем месте — на причале вдной станции номер два. Петя разложил на газете детали разобранного мотора и тупо смотрел на них, сидя на корточках.

Генчик обошелся без предисловий.

— Поругались, что ли? — спросил он у обтянутой тельняшкой спины.

Спина дрогнула, Петя повернул похудевшее лицо. Глаза у Пети были скорбные.

— Все ясно, — кивнул Генчик. — Наверняка, это она виновата. Что за поганый характер!

— Нет, я виноват...

— Ты?! Да ты же в нее по уши... А она, небось, это... — Генчик артистически повертел задом. — Мисс Простоквашино... А теперь лежит и подушку пропитывает. Иди к нам, мириться будете!

Петя трагически мотнул головой.

— Она мне никогда не простит...

— Что не простит?

— То, что я ей все врал про себя... И тебе врал...

Никакой я вовсе не курсант, меня в училище медицинская комиссия не пустила. Я закончил курсы мотористов и вот... тут...

Генчик присвистнул.

Потом сел рядом на корточки.

— Значит... и дуэли не было?

— Не было... — вздохнул Кубиков-Кубриков. —

Ничего...

— А зачем ты про все это... сочинял?

Петя съезжил плечи. Суетливо переложил на газете железки. Признался шепотом:

— Сдуру... Хочется ведь красивой жизни-то. Вот и придумывал... А вчера признался ей. В порыве искренности...

Генчику стало жаль Петю. Так же, как обиженного судьбой Карасика. Даже сильнее.

— Но так рассказывать... Это ведь тоже талант...

— Генчик хотел его чем-то утешить. Подумал и бухнул: — С таким талантом ты, может быть, станешь писателем!

Петя позвенел железками. Пробурчал:

— Черта с два я им стану...

— Главное начать! Ты попробуй!

— Да я уже... пробовал...

— Правда?! — изумился Генчик.

— Ну... вот... — Петя, ежась и не глядя на Генчика, переложил шестеренки и пружинки с газеты на голые доски причала. А газету — рваную и промасленную — сунул Генчику.

Это были «Белорыбинские ведомости».

— Вот... — Петя стеснительно ткнул ногтем в верх страницы. Там было написано: «Творчество молодых. Петр Кубриков. Лепестки ромашки. Рассказ».

— Ух ты!.. — И Генчик уткнулся носом.

Рассказ был про любовь. Про то, как двадцатилетний шофер Вася встречает девушку, как по вечерам кладет на ее крыльцо ромашки. Ну и так далее... Вообще-то всякие сочинения про любовь Генчик терпеть не мог. Но Петин рассказ показался ему прекрасным. Тут даже не в содержании дело! Дело в том, что он именно Пети Кубрикова! Того самого, который сидит рядом на корточках!

До этой минуты Генчик и помечтать не мог, что у него будет друг-писатель. Такой, чья фамилия набрана в газете крупным шрифтом!

— Я же говорил! У тебя же талант!

— Да ну... — зарделся Петя. — А вот еще... Вот здесь.

В углу страницы опять была фамилия: П.Кубриков. А под ней стихи.

Паромщик

Во сне я видел гулкие шторма,
Я бредил в детстве книжкой Стивенсона.
Звала в дорогу штормовая тьма,
Будили душу сладкие муссоны.
Я был уверен: буду жить всегда
В крутых волнах и океанском громе.
Но вот прошли все юные года,
И я служу тихонько на пароме.
Жду пассажиров, трубочку курю
(Все старые матросы трубку курят)
И корабли мальчишкам мастерю
Ножом, приобретенным в Сингапуре.

Стихи понравились Генчику еще больше, чем рассказ. Правда, чересчур грустные, зато такие, что...

— Прямо за душу берут, — сказал Генчик.

Петя зарделся сильнее.

— Значит... не совсем плохо?

— Что ты! Наоборот!.. А Елена что говорит?

— Да ничего. Она и не знает...

— Не знает?! Ты совсем без головы, да? Почему ты ей это не показал?!

— Не успел я... Понимаешь, я хотел ей все про себя... по-честному. И признался, что не курсант. А она как взвилась!.. «Ты, — говорит, — такое же трепло, как все остальные. Пустая, — говорит, — и никому не нужная личность! Я тебе верила, а ты... ты вероломно эксплуатировал мое доверие...» Ну, может, не совсем так, но в этом смысле. И бегом от меня. Прыгнула в трамвай...

— А теперь лежит и воет, — со сдержанным злорадством сообщил Генчик. — Ладно, пойду.

— Куда?

— Такое мое дело: склеивать ваши разбитые сердца... А ты сиди тут и не вздумай топиться с горя. А то знаю я вас, влюбленных...

— Все равно она меня больше видеть не захочет.

— Потерпи до завтра... В крайнем случае, если очень страдаешь, сочини пока стихи про несчастную любовь...

— Издеваешься? — жалобно сказал Петя.

— Да ничуть! Просто поэтам страдания иногда полезны. Это мне Ленка говорила, когда про Лермонтова учила для экзамена... Может, и тебя когда-нибудь будут изучать в школе.

— Иди ты... — сказал Петя. С грустью, но и с каплей надежды. Не в том смысле, что будут изучать, а что Генчик устроит примирение.

— Иду, — хмыкнул Генчик. Похлопал Петю по крепкому полосатому плечу, сунул под резинку на поясе газету и пошел. Домой. А по дороге думал о

странностях любви, которая так осложняет людям жизнь. А что, если и он, Генчик, попадетсЯ когда-нибудь в эти сети? Чем черт не шутит! Вот ведь вспоминается почему-то чуть ли не каждый день та девочка, что живет в доме над оврагом.

И она словно отозвалась на его мысли:

— Эй, Чайник!

3

Генчик не обиделся. Обрадовался.

— Если я Чайник, ты Поварешка!

Она тоже не обиделась:

— Здравствуй!

— Привет!

— Я иду и вижу: кто-то знакомый шагает, синий с горошками.

— А я нарочно это рубашку не снимаю. Чтобы ты издалека разглядела!

Это была такая отчаянная правда, что, конечно же, звучала, как шутка.

— Нога-то все еще не вылечилась? — Девочка посмотрела на бинт.

— Это не для лечения! Просто способ, чтобы тетки в трамвае с места не сгоняли!

— Какой ты находчивый! — Не поймешь, с подковыркой она это или с уважением. Наверно, с тем и с другим.

— Ага, я такой! — дерзко согласился Генчик. И вдруг опять засмутился. Завздыхал, глядя в сторону.

— А почему не заходишь? — совсем по-свойски спросила девочка. — Обещал ведь...

— Да все как-то... времени нету.

— Значит, уже не хочешь летать с берега?

— Но там же колючки!

— Да нет никаких колючек! Ты разве не слышал? На той неделе на откос летающая тарелка хлопнулась! А когда улетела — на склоне ни одной травинки. Чистая глина и песок!

— Вот это да!

— Конечно, «да»! Я там уже сто раз прыгала... Хочешь?

— Я... Хочу!

Девочка взяла Генчика за руку. И он сразу перестал стесняться. И они побежали сперва по Кузнечной, потом через дамбу и вниз по Кошачьему переулку. Желто-малиновое платьице девочки трепетало, как маленький костер.

Скорей, скорей... И — ура! Радость полета, счастливого замирание в груди!..

Девочку звали по-мальчишески — Саша. И этим она еще больше понравилась Генчику.

Они раз пять прыгнули с откоса. Потом покачались у нее во дворе на больших качелях. Затем Саша показала коллекцию пластмассовых африканских зверей (такое у нее было увлечение), а Генчик рассказал про город и пружинчиков. Чуть не начал говорить и про капитана Сундуккера, но спохватился: может быть, это нельзя. Ведь капитан — не его тайна, а Зои Ипполитовны.

После этого они еще несколько раз прыгнули с откоса — несмотря на то, что глина была влажная после дождика и прилипла к ногам и одежде.

— Ох и перемазались мы, — сокрушалась Саша, очищая Генчика сзади.

— Ничего, глина сама осыплется, когда высохнет... Плохо только, что в глине какие-то твердые крошки, раньше их не было.

— Это не крошки! Посмотри, это шарики такие, оплавленные! Я же говорю, здесь посадка летающей тарелки была, от нее они и остались! Такие же шарики находят, где Тунгусский метеорит грохнулся, я читала...

Генчик взял в ладонь смесь влажной глины и песка. И правда, в ней попадались гладкие, будто из черного стекла, шарики. Величиной с крупную дробину!

— Ух ты! Мне такие и нужны!

Генчик набрал столько «боеприпасов», что шорты поехали вниз от тяжести в карманах. Генчик подхватил их, поправил под резинкой газету и вспомнил:

— Пора домой. У моей сестры душевная травма, надо лечить...

— Несчастливая любовь? — с пониманием спросила Саша.

— Вот именно.

— Тогда иди... Придешь еще?

— Обязательно!

Елена уже не ревела, сердито возилась на кухне с посудой.

— Припудри нос. Он у тебя, как стручковый перец.

— Сам ты... стручок незрелый. Убирайся.

— Пожалуйста... Между прочим, я был у Пети.

— Катись со своим Петей... Оба трепачи бессовестные...

— Ты все-таки совершенно неисправимая дура, — грустно сообщил Генчик. — Прямо как в глупой кинокомедии. Вместо того, чтобы нормально поговорить с человеком, разобраться спокойно, сразу истерика. Что за безмозглые курицы эти старшие сестры...

— Иди отсюда, пока не получил теркой по загривку!

— Лучше сядь на нее и успокойся.

— Ты такой же болтун, как твой друг Петенька.

— Да не болтун он! Бестолковая... Думаешь, почему он тебе эти истории рассказывал? Понравится хотел? Больно ему это надо! Тут совсем другое... Это знаешь как называется?

— Бессовестное вранье, вот как!

— Никакое не бессовестное! Наоборот!.. У него это плод творческой фантазии, вот! Потому что он писатель!

— Че-во? — Елена уронила в кастрюлю с водой дюжину ложек.

— Да! Его, может, потом будут в институтах изучать! Как Пушкина и Лермонтова! И Горького! А ты будешь локти грызть... что проглядела такого жениха... — Он увернулся (вот они, настоящие-то летающие тарелки!) и прыгнул за дверь. Захлопнул, потом опять приоткрыл.

Елена заметала в совок осколки.

Генчик сунул в дверную щель газету.

— Почитай, а потом уж бей посуду... — И ушел заниматься пистолетом.

Шарики были — ну как по заказу.

Генчик пальнул из окна по спичечному коробку, что валялся на тропинке у калитки. Коробок взвился в воздух!

Ну и ну! Генчик и раньше стрелял метко, но сейчас получился просто чемпионский выстрел. Ведь до цели метров двадцать, и к тому же Генчик вскинул пистолет почти не целясь.

— Ай да я, — сказал себе Генчик. И погладил пистолет: — Ай да ты!..

Прекрасная Елена возилась за перегородкой. Натренированным ухом Генчик определил, что она перед зеркалом пудрит нос. И надевает свои самые лучшие сережки.

Потом она ушла из дома, бросив на ходу:

— Я к Анжеле...

— Иди, иди к Анжеле...

Генчик знал, что Елена идет к Пете. Мириться. И она понимала, что он это знает.

Юный Вильгельм Телль

1

Да, пистолет оказался изумительный! Бил без промаха. Видно, очень старался Фомушка Сундуков, когда мастерил это оружейное чудо. Полторы сотни лет назад!

А что, если здесь волшебство? Может, Фомушка знал какое-то заклинание, специально для меткости? И старательно бормотал его, когда выстругивал изогнутую деревяшку и приматывал к ней проволокой

железный ствол! В старину ведь было много всяких заклинаний, и, говорят, некоторые помогали...

Или дело не в самом пистолете, а в «пулях»? В тех шариках, что нашел Генчик в сыпучей овражной глине? Там, где садилась летающая тарелка... Может быть, в этих тяжелых и блестящих, как черное стекло, бусинках таится звездная сила?

Иногда Генчику даже думалось, что шарики угадывают его желание — в какую цель попадать! Вскидываешь ствол, смотришь в нужную точку, бах! — и точнехонько. Хоть в прилетевшее на карниз голубиное перышко, хоть в шляпку гвоздя на заборе... И так сильно это шарики били! Обыкновенная горошина отскакивала от аптечного пузырька, будто от брони, а «инопланетный» шарик разносил склянку вдребезги! И торчащий из забора гвоздь вгонял в доску по макушку!

Три дня подряд Генчик дома, на дворе и в огороде тренировался в стрельбе. Не только в меткости, но и в быстроте. Чтобы, как ковбой...

Он отработал все движения, все приемы.

Теперь Генчик всегда надевал плотный кожаный ремешок. Не для того, чтобы штаны держались крепче (они-то с резинкой в поясе), а для зарядания пистолета. Справа на ремешке он сделал из проволоки крючок. Двинешь пистолетом вниз — головка ударника цепляется за крючок, и готово, на взводе! Не надо помогать левой рукой. А в левой ладони наготове пули-шарики. Одну тут же вкатываешь в ствол. Чтобы шарик не выскользнул до выстрела, ствол внутри, в хвостовой части, смазан вазелином (из Ленкиного набора косметики).

Ударник на взвод — раз! Шарик в дуло — два! Ствол в мишень — три! А уж в том, что промаха не будет, Генчик был теперь уверен на все сто!

Чтобы пополнить боеприпасы, Генчик навестил Сашу. Они славно поиграли у нее во дворе (и в мячик, и на качелях) и опять полетали с откоса. И Генчик наполнил шариками карманы.

— Зачем они тебе? — удивилась Саша.

— Мало ли что. Пригодятся.. Красивые такие.

Про настоящую причину Генчик сказать не решился. Было в душе опасение: вдруг пистолет теряет волшебную силу, если станешь хвастаться...

Но от Зои Ипполитовны Генчик ничего скрывать не собирался. Уж она-то имела право знать о волшебном секрете Фомушкиной игрушки (игрушки ли?). И заодно — о чемпионской меткости Генчика Бубенцова...

Из той телефонной будки, рядом с которой недавно он ободрал колени и локти, Генчик ежедневно звонил Зое Ипполитовне. Телефон отозвался лишь на четвертый день.

— Бубенчик! Ну вот я и вернулась!.. Что?.. Конечно, приходи! Без тебя скучно.

Генчик помчался на вторую станцию, но Петю там не нашел. Пришлось пилить в Окуневку на трамвае. С обычной пересадкой в Зеленом квартале, у рыночной площадки.

И там судьба (а она — хитрая особа, любит всякие совпадения) снова послала навстречу Генчику пятерых недругов.

— Гы-ы! Смотрите! Опять «забинтованный»! — загоготали Гоха и Миха. Это они по привычке, потому что Генчик нынче был без бинта. Но в своей полюбившейся «горошистой» рубашке. По ней и выследили.

Оружие придает человеку уверенности. Но враги-то ничего про пистолет не знали. И радостно готовились к охоте.

На случай этой встречи план у Генчика был готов заранее. И страха Генчик не чувствовал. Было в душе кой-какое замирание, но скорее от азарта, а не от боязни.

— А ну, стой! — велел Круглый, вынув из слюнявого рта сигарету. Гоха и Миха поддержали рукава свитеров — для этого они взяли под мышки пластиковые бутылки с разноцветной газировкой. Бычок смотрел исподлобья и не двигался. У него тоже была газировка, он прижимал бутылку к груди.

Буся, как и раньше, был в пластмассовых очках Генчика. Он показывал зубы в тонкой мушкетерской улыбке. И покачивал клеткой со Шуриком. Шкыдленок стоял в ней на задних лапах, а передними держался за прутья. Смотрел на Генчика красными глазками.

— Иди сюда, мальчик, — вежливо сказал Буся.

Генчик показал им всем фигу. И — бегом в безлюдный переулочек. Враги за ним. Все бежали не очень быстро. Круглому мешала полнота, Бусе — клетка со Шуриком, остальным — тяжелые бутылки. А Генчик нарочно не отрывался от погони. Пистолет у него был в холщевой сумке с рисунком всадника и надписью RODEO. На правом боку.

Посреди переулочка Генчик резко тормознул и повернулся. Встал, прочно расставив коричневые ноги в засохших царапинах. Выдернул оружие. Выхватил из кармана шарики. Руки сами работали: раз! два! три!..

Пятеро тоже остановились. Не от страха, от неожиданности. Поморгали, потом все, кроме Бычка, загоготали. Круглый затаился сигаретой, сказал, отдуваясь:

— Гоха-Миха, давайте его сюда. Я вставлю ему сигарету и научу курить задом наперед... — И, конечно, он сказал, куда именно вставить сигарету. А пока заложил окурочек за мясистое ухо.

Генчик твердо знал, что не промажет. И не промазал! Окурочек, рассыпая искры, улетел в лопухи. Круглый схватился за ухо. Не оттого, что царапнуло, а просто с перепугу. Гоха и Миха одинаково открыли рты, бутылки в их руках повисли.

Щелк! Щелк! Из пробитого пластика ударили шипучие струи. Как из огнетушителей!

Бычок свою бутылку прижимал к полинялой клетчатой рубашке. И по-прежнему смотрел исподлобья. Генчик знал, что шарик насквозь бутылку не пробьет. А если и пробьет, в грудь Бычка ударит не сильно. Однако... они сошлись с Бычком взгляд во взгляд. В глазах у того не было ни страха, ни удивления. Была какая-то... непонятность.

Генчик опустил ствол. И дерганным, звонким от отчаянности голосом сообщил:

— Я вообще-то в людей не стреляю! Но, если полезете, врежу! Прямо между глаз! Потому что... это... необходимая оборона, вот! Лучше не приставайте! Никогда!..

— Чокнутый, — стараясь держаться с достоинством, заявил Буся. — Тебя кто трогал-то?.. Бутылки продырявил, псих...

Гоха (или Миха) вдруг поднял бутылку и начал хватать ртом ослабевшую струю. Его одинаковый дружок — тоже. Круглый отпустил ухо и зачем-то потрогал другое. Буся растерянно ухмыльнулся и покачал клеткой со Шуриком. Снял очки и почесал ими макушку. Щелк! — очки взлетели, как черная бабочка. Генчик не смог отказать себе в таком удовольствии. Затем он шумно (довольно пижонски) дунул в ствол, повернулся и пошел прочь. Не оглядываясь. Но готов был мигом обернуться на шум погони.

Погони не было. Но Генчик чувствовал, как все смотрят ему в спину. И отдельно ощутил насупленный взгляд Бычка...

2

У Зои Ипполитовны Генчик провел несколько безмятежных дней. С утра до вечера. Помогал хозяйке наводить порядок в коллекции, вытирал пыль с глобусов, заморских раковин и фотографий на стенах. Чистил колокол (и время от времени ударял в него). Потом они привязали к рангоуту бригаантины паруса.

А еще Генчик слушал новые истории о капитане Сундуккере.

Например, о том, как Фома Иванович разгадал тайну заброшенного маяка на маленьком норвежском острове, где якобы обитал дух злобного вождя викингов Олафа Беспощадного (на самом деле там

любили собираться и выть бродячие коты). И о говорящем черно-желтом попугае, которого капитан купил на рынке в Маниле. Попугай произносил фразы на неизвестном языке. Но капитан такой язык знал. Это был один из диалектов племени паугасов с острова Тагио-Пойо (еще одно доказательство, что остров существовал). Попугай рассказывал о посещении острова крылатыми людьми с медными шарами вместо голов. Вероятно, это были гости с Марса или Венеры. Капитан об этом открытии написал в британскую газету «Морские известия». Но редактор отказался печатать «галиматью, которая оскорбит вкус и доверие добропорядочных читателей».

Тогда капитан научил попугая говорить по-английски, и эта образованная птица во всех тавернах рассказывала, какой редактор дурак.

Редактор «Морских известий» подал на капитана в суд. Суд приговорил Томаса Джона Сундуккера к штрафу в один фунт стерлингов. К более суровому наказанию судья прибегать не стал, потому что капитан сказал: «Я больше не буду». И затем никогда не учил попугая нехорошим словам о редакторе. Зачем, если умная птица и так уже все запомнила накрепко...

Дни стояли жаркие, Генчик часто прыгал под душем, а потом раскачивался на качелях — так, что воздух делался будто шершавое полотенце!

— Посидел бы ты немножко спокойно, — говорила Зоя Ипполитовна. Потому что она продолжала рисовать портрет Генчика. Уже не карандашом, а медовой акварелью.

— Ладно, — соглашался Генчик. Но долго усидеть не мог, опять начинал мотаться туда-сюда. И при этом ухитрялся постреливать по разным мишеням, расставленным на поленнице и на поперечинах забора. По осколкам посуды, пробкам от графинов, крышкам от банок и всякой другой мелочи.

Про случай в переулке Генчик не рассказывал. Было у него подозрение, что такую стрельбу (даже в благородных целях самообороны) Зоя Ипполитовна не одобрит. Но стрельбу на дворе она вполне одобряла. Сказала однажды:

— Ты просто Вильгельм Телль.

— А это кто такой?

— Есть легенда про очень меткого стрелка, крестьянина из Швейцарии. Один местный владыка захотел, чтобы Вильгельм Телль доказал свою меткость и сбил стрелой из арбалета яблоко с головы собственного сына. Вильгельм яблоко сбил, но вскоре поднял восстание против тирана...

— И восстание победило?

— Насколько я помню, да. Впрочем, у легенды

много вариантов. По одному из них написал трагедию знаменитый Фридрих Шиллер.

— Ага, знаю! Он еще про разбойников писал, я видел по телевизору...

— Да... Когда я была в твоём возрасте, то занималась в школьном драматическом кружке. И однажды мне пришлось играть роль этого маленького сына Вильгельма Телля...

— Но вы же были не мальчик!

— Ну, по характеру я не уступала мальчишкам. А кроме того, не было выхода, мальчишки заниматься в кружке не хотели. Даже Ревчика я не могла уговорить. Наша труппа оказалась совершенно «дамского» состава. Вильгельма и тирана играли две девятиклассницы. Кстати, очень рослые и довольно толстые...

— А та, которая Вильгельм, она по правде стреляла в яблоко на вашей голове?

— Н-ну.. не совсем. Это был сценический эффект. Стрела летела повыше (к тому же, была она с резиновым наконечником). А в это время — гроза, удар молнии, зрители моргают. Яблоко же режиссер дергает за нитку, идущую за кулисы... Я, конечно, не трусиха, но подставлять голову под стрелу этой... ее звали Маргарита Пузырина, она красила губы, и я считала ее дурой. Стрелять она, разумеется, не умела...

— А если бы я?

— Что — ты?

— Ну... хотите попробовать? — загорелся идеей Генчик. — Я буду Вильгельм Телль, а вы мой сын. Вы положите яблоко на голову, а я...

— Ты это серьезно?! — Зоя Ипполитовна направила на Генчика взгляд. Поверх очков.

— А чего... Я же не промахнусь!

— Я думаю: не сыграть ли нам иную сцену...

— Какую?

— Когда сын болтает непотребные глупости и отец велит ему принести из рощи свежий длинный прут. Папой буду я. Уверю тебя, я отлично справлюсь с ролью. Жаль только, что, кроме Варвары, нет зрителей, некому будет награждать нас аплодисментами...

— Мисс Кнопперинг никогда так не поступала, — опасно напомнил Генчик.

— Но мы же играем в Вильгельма Телля... А Фомушка, кстати, никогда не уговаривал мисс Кнопперинг быть подставкой в глупом и опасном опыте. Разве можно делать такие предложения пожилым дамам? Фи!

Генчик с веселой старательностью изобразил раскаяние:

— Я больше не буду!

— То-то же... А если тебе так не терпится прострелить яблоко, возьми его на кухне и положи вон

туда, на столбик у крана. Если попадешь, можешь взять его насовсем, как приз.

Генчик так и сделал. Выбрал в кухонном шкафу яблочко — небольшое, но аппетитное на вид. С длинным хвостиком. Положил на врытый в землю чурбак с привинченной водопроводной трубой. И пальнул издалека, с крыльца.

— Ага! Вот и промазал!

— Я?! Промазал?! Да я хвостик отстрелил! Чтобы яблоко не дырявить! — Генчик бегом принес яблоко на крыльцо. — Смотрите!

Хвостик был срезан по корешок.

— Бесподобно!.. Ты уверен, что это не случайность? Генчик надулся. Почти всерьез.

— Ну ладно, ладно! Вымой яблоко, съешь и утешься. А огрызок отдай Варваре. Она любит витамины... Кстати, капитан Сундуккер тоже был отличный стрелок...

— Вы уже рассказывали, — примирительно напомнил Генчик. — Он отстрелил пуговицу капитана Румба.

— Это что! Однажды в юности, во время войны в Америке, он стрелял с качающейся мачты. Вернее, с гафеля, который мотался туда-сюда, потому что шла сильная волна. И вот в таких условиях он ухитрился перебить из кольта флага-фал на вражеском судне, которое шло параллельным курсом, футах в ста от «Пумы», и готовилось к abordажу.

— Подумаешь! — Генчик натянул майку, чтобы не расцарапать пузо, и полез на яблоню. Толстая ветка, к которой был привязан шнур с беседкой, вполне могла сойти за качающийся гафель. А натянутая поперек двора бельевая веревка — за корабельный фал. Если шарик ее и не перебьет, все равно заставит задержаться.

Генчик лег животом на ветку, вскинул пистолет.

— Смотрите. Вон туда... А-а-а!

Нет, ветка не сломалась. Просто Генчик потерял равновесие. Земля вздрогнула.

— Господи Боже! — Зоя Ипполитовна с неожиданной силой подняла «летчика» из травы. — Ты живой?

— Да живой я, живой... Майка вот только... за сучок зацепилась. И на брюхе царапина.

— Царапину мажь йодом сам, терпеть не могу визжащих мальчишек. А мне принеси иглу и нитки, ты знаешь, где они...

Генчик принес. Вставил нитку в игольное ушко. И Зоя Ипполитовна, сидя на крыльце, принялась широко махать иглой. Очки ее сосредоточенно блестели. Генчик, с коричневой полосой на животе, опять болтался в веревочной беседке под яблоней. И развлекался с Варварой.

Варвара уже слопала витаминный огрызок и те-

перь носилась за искусственной мышью. Эту мышь смастерил для нее Генчик — из деревяшки, оплетенной мохнатым шпагатом. Чтобы мышь прыгала, Генчик постреливал по ней. После каждого попадания серый комок с длинным хвостом взлетал в воздух. Легкомысленная Варвара — за ним. Генчик опять — бах из пистолета. Мышка и кошка опять — прыг!

Зоя Ипполитовна поглядывала поверх стекол. Когда Генчик выбил мышку прямо из кошачьих когтей, нервы «пожилой дамы» не выдержали:

— Ты поранишь несчастному животному лапы!

— Я?! Никогда в жизни!

— Ты все-таки очень самоуверенная личность, Геннадий Бубенцов!

— А вы... неуверенная. Потому что никак мне не верите... Ладно! Можно, я возьму лист из вашего альбома?

— Пожалуйста...

— И иголку. На минуту...

Иглой Генчик приколол бумагу к забору.

— И нитки. Можно? И карандаш...

У крана он копнул кусочек влажной глины. Прилепил той глиной катушку к листу. Торцом. Осторожно обвел катушку карандашом. Отошел на десять шагов.

Щелк! Бумага чуть вздрогнула, но катушка удержалась. Генчик подошел, дунул на нее. Катушка упала и запуталась белой ниткой в подорожниках.

А на листе точно в центре карандашного колечка чернела ровная дырка.

Дух капитана

1

Зоя Ипполитовна и Генчик пили на кухне чай с ванильными сухариками. И рассуждали про меткую стрельбу.

Генчик честно сказал, что это не его заслуга.

— Ну, может, немножко и моя. Но главное дело в шариках. Наверно, они с каким-то инопланетным свойством. Улавливают человеческую мысль и летят куда надо.

— Ох и фантазер ты, Бубенчик! Совсем как я в юные годы...

— Почему фантазер? Вы же сами видели, какая точность!

— Видела, видела... Но возможно, что секрет не в шариках. Вернее, не только в них...

— А в чем?

Очки Зои Ипполитовны блеснули с загадочной странностью.

— Может быть... в пистолете живет дух капита-

на Сундуккера. А?.. Или хотя бы капелька его духа...

Генчик перестал болтать ногами. Ведь и у него раньше были похожие мысли. Но сейчас он изобразил сомнение:

— Разве духи бывают по правде?

— Кто их знает. Порой я почти уверена, что да... Видишь ли, все больше ученых склоняется к мысли, что человеческая душа бессмертна...

— Одно дело душа, другое дух, — возразил Генчик. И, сам не зная от чего, насупился. А по желобку вдоль спины — царапающий холодок.

— Ты прав... Но не исключено, что дух — это частичка души. Как бы ее представитель для контактов с живыми людьми, а?.. Дух может поселяться в разных вещах, обитать в доме. Может и беседовать с тем, с кем захочет... Ну, чего ты вздрагиваешь! Разве это страшно? Дух доброго человека не может быть злым...

— Я не вздрагиваю! То есть... это от щекотки. Варвара ходит там, об ноги трется. Брысь...

Очки Зои Ипполитовны заискрились чуть насмешливо. Генчик все решил обернуть шуткой:

— А если он есть, этот дух, значит, вы его встречали? Вы же сами говорили, что он бродит по дому!

— Я не встречала, но... слышала. Как потрескивают половицы, как вздыхает и покашливает пожилой мужчина...

У Генчика — опять мурашки. От пяток до затылка. Он зябко потер свои ребристые бока. Хихикнул:

— А вы бы спросили: «Фома Иваныч, это вы?..»

— Видишь ли, дорогой мой... духи не отзываются на простые оклики. Чтобы вызвать их на разговор, нужно выполнить много условий. Есть про это специальная наука, называется «спиритизм».

— А, знаю! Ленка рассказывала! Они с подругой Анжелой и с другими девчонками однажды этим занимались! Хотели дух Юлия Цезаря вызвать, чтобы он помог им экзамен по истории сдать. Только явился не дух, а отец Анжелы и сказал: «Чтобы духа вашего здесь не было...»

— В таком деле никто не должен мешать. И надо относиться к этому со всей серьезностью. Люди, которые давно умерли, не любят легкомыслия...

— Зоя Ипполитовна! — Генчик поддался настроению. — А может, капитан Сундуккер не умер? Вдруг он уплыл в какое-нибудь не наше пространство? В параллельное! Или с инопланетянами улетел...

— Ты опять расфантазировался, голубчик... Впрочем, ничего не известно... Открыл ли он свой полюс? Где и когда окончил свои дни... Только есть сведения, что первая попытка умереть кончилась у капитана провалом.

— Как это?

— Было это после русско-японской войны. Где-то в Индокитае. Фома Иванович подхватил жестокую лихорадку и почуял, что ему приходит конец. Позвал в каюту всю команду и стал слабым голосом говорить прощальные слова. Но тут... появилась мисс Кнопперинг!

— Как?! Она все еще была жива?

— Это загадка. Была ли это она собственной персоной или только ее дух — не понять. Но так или иначе она появилась среди роняющих слезы моряков. И ударила зонтиком по каютному столу. Надо сказать, для духа довольно крепко ударила, стаканы подскочили.

«Эт-то что такое! Негодный мальчишка! Кто тебе разрешил умирать? Немедленно прекрати эти глупости!»

Капитан с перепугу сел в постели. Жар у него мигом исчез.

«Я больше не буду...» — прошептал он. А колокол над полубаком звякнул сам собой, подтверждая эти слова.

Мисс Кнопперинг сердито хмыкнула и удалилась. А капитан закричал посвежевшим голосом:

«Что здесь за собрание?! Быстро готовить судно к отходу!..»

Генчик засмеялся и опять болтнул ногами. Кошка Варвара обиженно ушла из-под стола. Зоя Ипполитовна тоже засмеялась.

— Возможно, это просто легенда. Как было на самом деле, мы никогда не узнаем.

— Зоя Ипполитовна!

— Что, голубчик?

— А вы... не пробовали вызвать капитанский дух? А?.. Можно было бы про все расспросить!

— Признаться, я... думала об этом. Не раз. Но как-то не решалась. Неловко было... К тому же, такими делами не занимаются в одиночку. А кто станет помогать выжившей из ума старухе...

— Опять вы про свое!

— Ну, посуди сам. Ты — всего лишь второй человек, который всерьез слушает истории про капитана. Первый был Тима Ревчик. Но где он сейчас...

— Но я-то... — тихо сказал Генчик. — Я-то вот он. Здесь...

— И ты думаешь... нам следует побеспокоить дух Фомы Ивановича?

— Пуркуа па? — дурашливо отозвался Генчик. А по коже — опять холодные колючки. Третий раз.

— Ну, что же... — Зоя Ипполитовна задумчиво тронула шарик на кончике носа. — Возможно, об этом стоит поразмыслить...

— А что размышлять-то?! — Генчик выбрался из-за стола. — Давайте прямо сейчас!

— Бубенчик! Какое ты нетерпеливое чадо... Я же объяснила: это весьма ответственное дело. Оно требует подготовки и соблюдения всяких правил.

— Каких?

— Прежде всего — это три «пол»...

— Натереть пол? Ладно, я сейчас!

— Ох, да подожди ты! Я говорю про три условия, которые начинаются этих трех букв: ПОЛ... «Полнолуние», «полночь», «полусвет»... То есть начинать надо, когда пробьет двенадцать и когда в небе самая круглая луна. И делать все не при электричестве (духи его не выносят), а при свече или керосиновой лампе...

— Ух ты... — тихонько обмер Генчик. От ожидания тайны.

— Да... Ну, мы, пожалуй, зажжем корабельный фонарь, капитану это понравится... А когда у нас полнолуние? — Зоя Ипполитовна чуть не клюнула носом отрывной календарь над столом. — Ого, скоро. Через двое суток. А что касается полночи... Тебе разрешат переночевать у меня? Под каким-нибудь предлогом...

— Я скажу, что у вас повысилось давление и вы боитесь быть одна!

— Тьфу-тьфу-тьфу... Обманывать, конечно, плохо, но что делать? Если сказать настоящую причину, сумасшедшими сочтут нас обоих. Надеюсь, ты никому не проболтаешься о наших планах?

2

Конечно, Генчика отпустили. Мама даже дала для Зои Ипполитовны таблетки «папазол» — чтобы снижать давление.

Петя Кубриков (счастливый после примирения с Еленой) охотно отвез Генчика на Окуневский берег. И по дороге признался, что пишет новый рассказ. Фантастический.

— Про визит летающих тарелок в городской парк.

— А чего тут фантастического? Они все время над городом болтаются. И плюхаются куда ни попадя...

— Да! Но я там придумал такое... Вот прочитаешь — убедишься.

— Ладно, — не стал спорить Генчик. И подумал, что сегодня в полночь его ждет фантастика почище всяких инопланетян.

До полуночи время шло очень-очень неторопливо. Но Генчик не испытывал досады. Во всем ощущалась

какая-то особая значительность. Словно дух капитана Сундуккера уже незримо присутствовал в доме — ждал момента, когда можно будет объявиться.

Зоя Ипполитовна и Генчик разговаривали вполголоса.

Прогрел по мосту через овраг последний трамвай. Солнце ушло за кусты. Круглая луна выкатилась над забором. Она была розовая и такая раздутая, что вот-вот лопнет. Но скоро ее закрыли плотные облака. Стало темно и душно.

— Как же без луны-то? — прошептал Генчик.

— Это ничего. Главное, что по календарю полнолуние... А то, что гроза — даже лучше.

— Но ведь в атмосфере электричество. Духи его не любят.

— Не любят в лампочках. А в погоде — наоборот...

Гроза обкладывала «Бермудский треугольник». С трех сторон. Вдали погромыхивало. Лиловые вспышки старались раздвинуть тучи. Поезда на близкой насыпи тоже проносились с грозовым гулом. А в листьях — ни единого движения.

В шерсти у кошки Варвары потрескивали искры, когда она щекочуще терлась о ноги Генчика.

Надо сказать, что полубродячая Варвара испытывала к Генчику симпатию. Давала себя гладить, садилась к нему на колени и сделалась более домашней.

— Ты влияешь на нее благотворно, — говорила Зоя Ипполитовна.

Сейчас Варвара жалась к Генчику, словно тоже чувяла чье-то таинственное присутствие.

За полчаса до полуночи Зоя Ипполитовна зажгла пузатый керосиновый фонарь и выключила во всем доме лампочки. При желтом полусвете фонаря все сделалось другим. Зарницы за окнами — ярче, отдаленные раскаты — суровее, скрип половиц — отчетливей. А в груди и животе у Генчика нарастало замирание.

Встречу с духом готовили, конечно, в той комнате, где коллекция. Слабо искрилась медь подзорных труб, кольца на глобусах и бронзовая рама. На портрет Генчик старался не смотреть. А когда все же не выдерживал и бросал взгляд, казалось, что капитан Сундуккер следит за ним совершенно живыми глазами.

Может, дух уже сидел в этом портрете наготове?

Конечно, бояться было нечего! Дух доброго капитана не может быть злым, ничего плохого он не делает. Генчик мысленно повторял это все время. Но одно дело — разумные мысли, а другое — чувства. И чем ближе к полуночи, тем сильнее обмирал Генчик. Не только от страха. Еще и от ожидания тайны.

И ни за что на свете не согласился бы он отказаться от встречи с духом капитана.

— Зоя Ипполитовна... Он покажется в натуральном виде? Или только голосом откликнется?

— Думаю, что ни то, ни другое. Мы будем общаться письменно.

Очки Зои Ипполитовны блестели таинственным азартом. Она стала... немного не такой. Непривычной. Может, в ней, как в пистолете, ожила капелька таинственного духа капитана?

Услышав, что в полном облике капитан не появится, Генчик слегка расстроился. Но и приободрился.

Зоя Ипполитовна расстелила на столе белое полотенце.

— Строго с юга на север, — сообщила она. — Вдоль магнитного меридиана. Это тоже одно из условий.

— А не повредит, что уже не три, а четыре «пол»? — шепотом обеспокоился Генчик.

— Что ты имеешь в виду?

— «Полотенце» ведь тоже «пол»...

— А! Ну, я думаю, это не помешает...

На полотенце она поставила совершенно белую тарелку. По ее краю были наклеены вырезанные из газеты крупные буквы. Весь алфавит.

Генчик хлопал глазами.

— Это для чего?

— Скоро поймешь... — Посреди тарелки Зоя Ипполитовна водрузила половину картофелины с воткнутой в нее вязальной спицей. Спица поблескивала и торчала вертикально. Словно антенна.

Потом Зоя Ипполитовна взяла листик бумаги — небольшой, как из записной книжки. Сложила его крест-накрест, расправила снова. Бумага слегка горбилась на сгибах, словно крыша игрушечного домика.

Зоя Ипполитовна фломастером нанесла на край листа синюю черту. Потом серединой, где перекрестье сгибов, аккуратно положила листок на острие спицы. Бумажная «крыша» покачалась и замерла.

— Теперь слушай внимательно, Генчик Бубенцов... После полуночи эта вертушка закрутится. Должна... И над некоторыми буквами она будет на миг останавливаться. Как бы запинаться чертой. Эти буквы ты станешь записывать. Они сложатся в слова... Ты понял?

— Ага... — выдохнул Генчик.

— Хорошо... А сейчас — еще одно. Также важное условие...

Из облезлой старинной тумбочки Зоя Ипполитовна достала большущий квадратный конверт. Из него вынула черный диск. Пластинка! Генчик издали догадался — древняя!

Зоя Ипполитовна поднесла пластинку к фонарю, что потрескивал фитилем на краю стола. Дала подержать.

— Только осторожно, она бьющаяся.

— Ага... Ух и тяжелая...

— Да. И очень старая, тысяча девятьсот третьего года. Смотри, звуковая запись только с одной стороны.

Оборотная сторона пластинки была украшена оттиском: пышноволосяя дама обнимала ящик с похожей на духовой контрабас трубой. По дуге шла надпись: «Грамофонъ. Сирена-рекордъ».

Такая же дама с трубой и надписью была на розовой лаковой этикетке — только маленькая и золоченая. Золочеными же буквами там было напечатано: «Арія Варяжскаго гостя. Исп. солисть имп. оперы А.И.Семеновъ».

— Семенов был знаменитый бас, — полушепотом объяснила Зоя Ипполитовна. — Почти такой же известный, как Шаляпин... Капитан очень любил слушать в его исполнении эту арию. Она же морская... Думаю, и сейчас его духу она будет приятна. Создаст нужную атмосферу...

— Но ведь нужен грамофон. Такой, как тут на картинке, — тихонько возразил Генчик. — Разве у вас он тоже есть?

— К сожалению, нет. В семействе Сундуковых было немало грамофонов, но ни один не дожил до наших дней... Однако есть нечто другое. Не столь старинное, но все-таки...

Она вышла из комнаты и вернулась с потертым синим чемоданчиком.

— Патефон, — догадался Генчик. — Я видел такие, только покрупнее...

— Это патефон-подросток, если угодно. Однако звучит вполне со взрослой силой. Сейчас услышишь...

Патефон поставили рядом с фонарем. Зоя Ипполитовна вставила и покрутила ручку. В чемоданчике что-то ожило, шевельнулось.

Вдвоем они осторожно положили пластинку на покрытый голубым сукном круг. Зоя Ипполитовна двинула рычажок, опустила на край завертевшегося диска мембрану — такую никелированную головку с игольчатым клюворм.

Зашипело в полутемной комнате. Загудела музыка оркестра. И вдруг живой густой голос запел с могучим вздохом:

*О скалы грозные дробятся с ревом волны
И с белой пеною, крутясь, бегут назад,
Но гордо серые утесы
Выносят волн напор, над морем стоя...*

Генчик даже слегка присел под напором этого баса. Потом невольно глянул на портрет. Лицо капитана Сундуккера было внимательным и строгим.

...Ария кончилась. Смолкли последние аккорды. Навалилась тишина, только за окнами глухо рокотало.

— Да, сила... — почтительно сказал Генчик. — Так здорово поет... Хотя и с шипеньем, но все равно, будто наяву. Будто прямо тут...

Зоя Ипполитовна аккуратно спрятала пластинку в конверт.

— И вот что удивительно, Генчик... Когда звукозапись на современных дисках или кассетах — это понятно: всякая там электроника, магнитные поля, чудеса нынешней физики. Но здесь-то! Ведь это же просто раскатанный в блин кусок твердого асфальта с нацарапанными тонкими бороздками. Чисто механическими. По сути дела, совершенно неживая вещь. Но целый век она хранит в себе голос человека, которого давно нет на свете. И оживает под действием простой пружины и маленькой иглы... Ты меня понимаешь?

— Да, — прошептал Генчик. — Голос... он ведь почти что дух, да? Значит... и дух может жить в неживых вещах...

— Умница!

— И, значит, его можно вызвать, как голос...

— Если постараться...

— Мы постараемся... Ой! — Это в закрытую дверь сильно зацарапались. — Это Варвара!

Варвару незадолго до того выставили из комнаты, чтобы не мешала. Но ей, видимо, очень хотелось побыть на спиритическом сеансе.

— Непоседа... Лучше впустить, а то не даст покоя и все испортит, — решила Зоя Ипполитовна.

Генчик с удовольствием впустил.

— Только веди себя смиренно...

— Мр-р... — согласилась Варвара и выгнула спину. Потерлась. Электрические искры кольнули Генчику ноги. Да, атмосфера...

— Ой, уже без двух двенадцать!

— Сейчас... сейчас...

Старые часы (те, что держал в лапах деревянный орел) в соседней комнате начали с дребезжаньем отсчитывать полуночные удары. У Генчика опять замерло в животе. Огонь фонаря качнулся. Варвара прыгнула на подоконник и притихла там рядом с антильской раковинкой...

Прогудел последний удар. Эхом отозвался за окном полночный поезд. А эхом поезда — накативший гром (и ярко вспыхнуло за стеклами).

— Начали? — одними губами спросил Генчик.

— Да... Нет, постой. Еще одно дело. Ударь-ка, голубчик, в колокол. Но негромко, чуть-чуть...

Генчик звякнул. Слегка. Но медный гул все равно разнесся по дому. И снова эхом отозвалась гроза...

— А теперь, мальчик, ступай сюда.

Генчик на подрагивающих ногах подошел. С замершим дыханием. Зоя Ипполитовна за плечо придвинула его к себе. Генчик сквозь свою горошистую рубашку ощутил, какая холодная у нее ладонь. Или наоборот — горячая? Не разберешь, озноб или ожог.

— Вот бумага. Возьми карандаш. Будешь записывать буквы, над которыми остановится стрелка.

— Ага...

Зоя Ипполитовна обратила очки к портрету. Сказала негромко, но очень значительно:

— Уважаемый капитан. Мы, ваши друзья, просим вас: обратите на нас благосклонное внимание. Ответьте на вопросы. Мы заранее благодарны всем сердцем. — Затем она протянула обе ладони поверх листка на спице.

Квадратная вертушка сперва была неподвижна. Потом... дрогнула. Сильнее. Повернулась. Синяя черточка медленно пошла над буквами по краю тарелки. И вдруг споткнулась!

— «Я»... — нервно шепнула Зоя Ипполитовна. — Пиши.

— Ага. «Я»...

— «Эс»... «Эл»... «У»...

— Ой... «Я слу»...

— Он слушает! — И Зоя Ипполитовна возгласила приглушенно, но торжественно: — Капитан Сундуккер. Откройте нам: где, когда и как вы закончили свои земные дни?

Вертушка опять побыла в неподвижности. Затем:

— Пиши. «Э»... «Тэ»... Еще «тэ»... — Зоя Ипполитовна шептала над Генчиком горячо и прерывисто. А гроза рокотала...

— Получается какой-то «эттайн», — прошептал Генчик.

— «Это тайна»... Духи любят говорить сокращенно... Капитан, извините нас! Мы не собираемся без спросу проникать в ваши тайны. Но, может быть, вы скажете: удалось ли вам открыть свой полюс?.. Пиши, Генчик! «Дэ»... «А»...

— «Да!» Ему удалось!

— Тише, голубчик... Уважаемый капитан. Можно узнать, что это за полюс?

На сей раз вертушка долго подрагивала, но не крутилась. И наконец:

— «Дэ»... «О»... «Эр».. «А»... «Бэ»...

— Какой-то «дораб»...

— «Добра», Генчик. Он говорит: полюс Добра...

— Это где такой? — И Генчик не удержался, опять глянул на портрет. В глазах капитана мелькнула усмешка.

— «Вэ»... «Эн»... «А»... «Эс»... Генчик, он говорит: в нас...

В этот миг за окнами сверкнуло и грохнуло изо всех сил: гроза, наконец, подобралась вплотную. Генчик подскочил. Варвара метнулась с подоконни-

ка. Фонарь замигал — вот-вот погаснет. Согнутый бумажный листок слетел со спицы.

— Все, — громко сказала Зоя Ипполитовна. Шагнула от стола, щелкнула у косяка выключателем. Электрический свет сразу прогнал всю сказочность.

— Значит, больше ничего не будет? — огорчился Генчик.

— Увы... По крайней мере, сегодня — ничего. Природа вмешалась и прервала сеанс... — Зоя Ипполитовна была тоже расстроена. Она вся как-то обмякла, словно захворала. Присела к столу, облокотилась.

Тогда Генчик утешил ее. И себя:

— А чего горевать! Кое-что мы все-таки узнали!

— Что узнали, голубчик? Капитан Сундуккер не настроен делиться своими тайнами.

— Но он же сказал про полюс Добра!

— Ох, мальчик мой... По-моему, это просто отговорка. Капитан не сообщил ничего нового. О том, что существует полюс Добра и что каждый человек должен открыть его в себе самом, известно давным-давно. Об этом писали многие философы еще в древности. И капитан знал обо этом с детства. И мы с Тимой Ревчиком знали... Ревчик даже стихотворение сочинил:

*Его откроем, этот полюс, — я и ты.
В сердца войдут меридианы доброты
И, как на глобусе, в одной сойдутся точке...
Тогда наступит вечный век весны:
Не будет злости, гора и войны...
Планета сбросит страха оболочку,
И он растает, как дурные сны...*

Он очень славные стихи писал. Многие даже сулили ему судьбу известного поэта... Но он предпочел, как говорится, не крылья вдохновения, а крылья в полном смысле...

— Это ведь тоже хорошо, — осторожно сказал Генчик.

— Хорошо, хорошо. Не спорю...

— По-моему, вы зря так сильно расстроились...

— Я не сильно... Жаль только, что мы ничего не узнали.

— Мы узнали самое главное! Что дух капитана Сундуккера есть!

— Ну, насчет этого у меня и раньше не было сомнений... — Зоя Ипполитовна приободрилась.

— А у меня были, — признался Генчик.

— А теперь нет?

— Не-а...

— Ну, тогда славно! — Зоя Ипполитовна встала и сделалась прежней. — Будем считать, что основная цель достигнута... Ух как расходилась непогода! За окнами трубно ревел ливень. Этот шум даже заглушал близкие раскаты грома.

— Наверно, нам пора укладываться, Бубенчик?

— Пора... — вздохнул он. И покосился на окно.

— Надеюсь, ты не боишься спать при грозе?

— Вот еще! — И Генчик подумал, что в крайнем случае можно спрятать голову под одеяло. А то и под подушку.

Зоя Ипполитовна спала в комнате рядом с кухней. А Генчику постелила в большой, где модель бригантины. На раскладушке.

Едва Генчик лег, как в ногах у него устроилась Варвара. Нахально так, будто ее приглашали. Генчик читал где-то, что кошачье электричество может притянуть молнию. Но прогнать Варвару постеснялся.

Впрочем, гроза уже затихала. Ливень разом прекратился, за окнами шуршал мелкий дождик. Гремело теперь в отдалении, сверкало не сильно. Так что прятать голову Генчик счел излишним. И даже открыл форточку. Сразу запахло мокрыми листьями.

Скоро в разрывы туч пробился лунный свет. Он был теперь не розовый, как вечером, а серебристый с голубизной. Лучи прошли сквозь листву и стекла, отразились в зеркале и упали на паруса модели.

Бригантина «Я больше не буду» словно засветилась изнутри. Это было еще одно сегодняшнее волшебство.

Корабль вырос, надвигался на Генчика, но не угрожающе, а ласково, словно обещал хорошую сказку. Окутывал мерцающим светом парусов. Паруса шелестели, шептали что-то. Генчик догадывался, что...

Не забыть бы утром, после сна...

Окончание следует

Уважаемый читатель!

Вновь вынуждены извиняться за невольный обман. № 5-6 за 1994 год так и не придет подписчику. В конце февраля редакция, приложив максимум усилий, нашла наконец деньги и выкупила этот журнал у Чеховского полиграфкомбината. Был решен вопрос и с долгом «Моспочтамту». Мы уже ликовали, что решилась так долго мучавшая всех нас проблема. Но полиграфисты Чехова грубо обманули нас. Когда дело дошло до рассылки, полиграфкомбинат прислал телеграмму с извинениями за неверные сведения. Тираж № 5-6 был уничтожен (пущен в макулатуру) еще в середине прошлoго года, естественно, без всякого уведомления редакции об этом.

Можно долго рассуждать о воровстве, о хамстве, но этим дело не поправит. Редакция приняла единственное возможное решение — постепенно восстановить все основные материалы загубленного журнала. Уже в № 6 мы опубликуем окончание романа Владислава Крапивина «Бронзовый мальчик» не в ущерб новым публикациям.

Юрий ХЛЕСТКОВ, Николай ТРУШКИН, Борис БЛЕСКИН

РАСЕЙСКАЯ ПРАЦИВИЛИЗАЦИЯ

Не древнее ли она египетской? — задаются вопросом ученые

Дохристианский период России насыщен загадками. Откуда мы, русские, появились? Что обусловило ту центростремительную силу, что объединила 1/6 мира? И откуда произошло само это имя Россия — загадочное, не поддающееся расшифровке, несмотря на мощнейший диапазон русского языка? И все-таки представим себе, что у нас нет иной возможности найти истину, как через язык. Он ведь не только инструмент общения, но и информационное выражение бытия, приведение в действие жизненных возможностей разума. Слова древних — священные, а мертвые — не мертвы: они не исчезают, а продолжают жить в людях, вещах, растениях. Прошлое полностью не уходит, часть его, как эстафетная палочка, всегда в настоящем и будущем.

В советских художественных фильмах 30-40-х годов, посвященных послереволюционной глубинке, для пущей достоверности образа крестьян, в том числе и их языка, слово Россия произносили как Расея. Очевидно, сценаристы полагали, что в этом проявляется бескультурье, оторванность от центров образования.

А не было ли произнесено истинное, глубинно-первоначальное имя нашей родины — Расея. Подтверждением служит название великой русской реки Волги. Ведь древнее ее название — река Ра.

И вообще в чрезвычайно информативном русском языке активно присутствует корень-слог РА. Вспомним древнерусские слова: правда, праведник, разум, рассудок, вера, страна, красота, радость, рать, брат, сестра, прадед, правнук, грамота, образование, равенство, справедливость...

Ра, как известно, был древнеегипетским богом солнца. Так почему вдруг бог солнца Ра, великая русская река Ра и огромное количество слов с корнем РА привязано к нашей местности?

Из постановки вопроса вытекают две возможности. Либо мы, русские, восприняли достижения древнеегипетской культуры, шедшей с юга на север, либо в более древние времена существовала расейская працивилизация, которая при своем движении на юг повлияла на египетскую и, возможно, на другие древние культуры юга, востока и запада.

Существует ряд исследований, подтверждающих именно эту вторую возможность. Например, из истории религий. В книге Эдуарда Шюре («Великие посвященные», Калуга, 1914, репринт. воспроизв. «Книга-Принтшоп», М., 1990). Есть сведения, что культ бога Ра тесно связан с религиями Древнего Ирана и Древней Индии, возникшими на базе арийской культуры.

Основателем же арийской цивилизации был великий Рама, пришедший вместе с людьми белой расы, по од-

ной из версий, с Волги и Урала. Эти белые люди (скифы, в частности) являлись, якобы, потомками працивилизации севера (Гипербореи), на языке которой слово Ра означало Солнце (см., например, работу А.Дугина «Гиперборейская теория», М., «Арктогея», 1993).

Теперь становится понятным русское слово ра-дуга, и вообще этакий свет, исходящий от слов с частичкой РА. Например, кРАсный потому имеет хорошо известный в народе смысл кРАсивый (красна девица, красна изба пирогами), что означает «солнечный». Поэтому и Россия — либо Ра-сея, «солнечный свет сеющая», либо, еще короче, Ра-сия, «Страна Солнца».

Но мы пройдем еще более простым и, как нам представляется, более надежным путем непосредственного обращения к языку, акцентируя внимание на смысле и русском (в широком понимании) происхождении многих слов. К примеру, слово солнце не требует перевода на русский: СОЛ-НЕСИ — «несущее силу».

Итак, Древний Египет. Само название страны понятно по-русски: ЕГИПИТ(ае), то есть «Он питает». Официальное объяснение ничего нового не добавляет: по-древнеегипетски это «Дом господина Птаха», а бог Птах и означает «дающий питание». Кстати, дом по-древнеегипетски ХАТА.

Далее река Нил, житница Египта. По-русски также понятно: (е)Н-ИЛ, то есть «Он — илистый», или Н(а)-ИЛ(е), «стоит на иле». Чтобы убедиться, что это не простое совпадение, приведем вариант осмысления по-русски слов: Бразилия — БРЕЗ-ИЛИ(я), «илистый берег»; река Иллинойс — ИЛ-НЕСИ, «ил несет». Напомним, что раньше в некоторых древних языках (а в арабском и поныне) гласные буквы при письме опускались, расставляя огласовки лишь при произнесении.

Немного сложнее понять древнеегипетское слово фараон. Надо знать, что в некоторых словах буква Ф появилась в результате новогреческого переименования со-

четания СП. Следовательно, первоначально было Спарон, то есть по-древнерусски С(е)-ПАРА-ОН. А последнее сразу становится понятным, если вспомнить историю: во времена объединения Верхнего и Нижнего Египта (IV тыс. до н.э.) цари носили двоянную корону — как символ власти над обеими его частями.

Еще сложнее для расшифровки слово Сфинкс, имеющее прямое отношение к Египту: С(е)-СП(и)-Н(е)-К(а)Ж(е), то есть «Этот спит молча».

Здесь трудно удержаться, чтобы не привести (без детального анализа) «вещественное» свидетельство того, что наша информация соответствует реальности, — уже из области памятников письменности. На груди у Сфинкса, охраняющего одну из пирамид, есть табличка с «иероглифами», которая на самом деле представляет собой текст, написанный на древнеегипетском языке с помощью буквенного алфавита (ошибочно принимаемого за иероглифическое письмо), который звучит совершенно по-русски: ЖРИ ТАЮЖЕЖИ СУИТИСИ, то есть «взираю на вашу суету» (см. работу П.П.Орешкина «Вавилонский феномен», Рим, 1984).

Оказывается, именно древнерусский, древнеславянский да и просто современный русский язык позволяют объяснить происхождение и смысл многих слов (имен, названий местности, государств, рек, морей, городов...), а также расшифровать памятники древней письменности разных народов, культур, древних цивилизаций, относимых к промежутку времени от палеолита до первых веков нашей эры. При этом тексты наполняются конкретной, сложной, адекватной рисункам и предназначению информацией.

Конечно, возникают и проблемы. Например, слово Месопотамия. Или это МЕЖ-ПОТОМИЕ, «Междуречье» (поток, пойма, Потомак, По... — имеют отношение к реке), что является общепринятым, либо это МЕСО-ПОТОМИЕ, то есть «страна, где смешалось потомство». Какой из смыслов более функционален, выяснить непросто, тем более, что как раз там, возможно, произошло «вавилонское столпотворение».

Н.Е.Белякова («Всеясветная грамота. 1000 лет забвения», СПб, 1994) утверждает, что истоки всеясветной грамоты теряются в глубинах тысячелетий. Эта система письменности включает в себя алфавит, состоящий из более чем сотни букв. Его фрагменты можно найти в кириллице, глаголице, финикийском, этрусском, санскрите, греческом, латинском, церковнославянском и других алфавитах, возникших за последние несколько тысяч лет более или менее доступной нам истории.

И главное — не в количестве букв и не в преемственности алфавитов во времени. Это письмо имеет многоуровневый смысл: информация в нем «защита» на уровне букв, слов, слов, а также в начертании и расположении букв, в направлении записи.

А вот древнерусская грамота. Ее важнейшее свойство в том, что человек сызмальства получает простейшие знания о природе, о происхождении. У него формируются светлые, солнечные представления о жизни, высокие духовные начала: любовь и доброта, осознание единства природы и человека, его божественного, космическо-

го происхождения, стремление жить по правде, по совести и справедливости.

АЗЪ — первая буква алфавита. А — звук, означающий начало (первый крик новорожденного, его первый гласный звук), З — Земля. Поэтому первая буква значит «Новь Земли». (И она отнюдь не пришла к нам из Финикии, как утверждает официальная лингвистика, где она (буква А) символизировала перевернутое изображение головы рогатого животного, использовавшееся для клеймения скота).

В древнерусском прочтении понятно и слово язык: И-АЗЪ-ЗЫЧЕ; И — звук стремления вверх, ЗЫЧЕ — озвучивать, говорить. Поэтому язык — «озвучивание устремления ввысь нови Земли». Ведь без языка нет и разума.

Не требуют перевода на русский названия Священных книг древнеиранской и древнеиндийской религий — Авеста и Веды. Это — «Первая весть» и «Знания» (А — начало, весть — сообщение, ведать — знать).

Санскрит не относится к языкам разговорным. Его в основном использовали древнеиндийские учителя, жрецы, для записи информации, предназначенной для посвященных. Но смысл названия языка опять-таки проявляется по-русски: С-АН-СКРЫТ, т.е. «с ним скрыт».

И уж совсем поражает сравнение звучания некоторых слов и предложений на санскрите и на русском (их можно извлечь, например, из работы С.Г.Антоненко «Русь Арийская», М., «Паллада», 1994). Когда вас будить? — Када вас будх? Дай мне огня! — Дехи ме агни! Двое братьев любили мать — Двае бхатри любх матри. Дома были свекор и дядя — Дам(а) бху свакар и дада. Зима стоит — Хима стха(е). Этот отчалил — Этад утчал(ал)...

Если бы нашелся математик, который взялся бы посчитать вероятность случайности таких совпадений, то он, несомненно, получил бы величину, практически равную нулю.

Какие выводы вытекают отсюда? Слово принадлежит тому языку, на котором максимально ясен его функциональный смысл. Язык неотделим от его носителя — народа. В древности на севере, возможно, существовала единая працивилизация с одним языком и письменностью. Из-за каких-то природных катаклизмов — оледенения, наводнений — она двинулась на юг и дала начало многим более поздним народам, их культуре и государственности.

Приведенные языковые данные свидетельствуют: русские — один из древних народов. Они в большей степени сохранили черты этой працивилизации. К тому же по местонахождению близки к одному из ее пространственных центров, который в послеледниковый период располагался, очевидно, в средней полосе России.

Возможно, что русский народ оказал влияние на формирование культур народов по крайней мере индоевропейской группы. Процесс мог быть спровоцирован цивилизационным потоком, шедшим с севера на юг во времена задолго до новой эры (не позднее 10-5 тыс. до н.э.)

Попытаемся с помощью русского языка пошире проследить это изначальное родство народов.

Что, например, означает воинственный возглас

«Ура»? В древности воины, идя в атаку, выкрикивали имя того племени, к которому принадлежали. Следовательно, наши воины были из племени Ура (У-РА, т.е. солнечное племя). Так же, как и древние германцы и англо-саксы (их клич тот же — hurra!). Сохранились ли его следы?

Возьмем немецкое слово «уральт», означающее «очень старый», «древний». Вряд ли современные немцы знают, что русским его переводить не надо: УРА-Л(е)Т(а) — т.е. это было «во времена Ура».

Горный хребет Урал отделяет Европу от Азии. По-древнерусски АЛ — «был» (а сейчас — окончание глаголов прошедшего времени). Поэтому Урал означает УР БЫЛ — прямое свидетельство, что здесь когда-то жили Ура.

В 1987 году археологи (вернее, дети и американские спутники) открыли на Южном Урале древнерусский город — астрономическую обсерваторию АРКАИМ (XVII в. до н.э.). Он по своей конструкции точно совпадает с аналогичным сооружением — древней обсерваторией Стоунхедж в Южной Англии. Оба находятся практически на одной широте. Их возраст превосходит возраст египетских пирамид. Есть предположение, что таких соору-

жений на этой широте было много и выполняли они, видимо, единую целевую программу. Все указывает на родовую, духовную и культурную связь многих протоплемён.

Можно также предположить, что на пересечении столь четко отслеживаемой древними астрономами широты с рекой Ра находилась столица древней цивилизации Ура. Наиболее вероятно, в районе г.Самары.

Вернемся к Ура. Туруханск: ТУ(т)-УР-ХАЖ(е), т.е. «тут ходит Ур». Уссурийск, Уренгой — также связаны с расселением Ура. УРАСа — так называлось жилище у якутов. Уйгур — ЮГ-УРА. Амур — лишь слегка измененное (т)АМ-УР. Чуть дальше — Япония с национальным флагом — белым полотнищем с изображением солнца — РА, со столицей императоров — Камак-УРА. Японская богиня солнца — Ама-ТэРАсу, японский воин — самУРАЙ. Еще дальше на восток через Тихий океан в Южной Америке — Урутвай: УРА-ЕГ-ВАЕ, — что тоже не требует перевода: «Ура его основали».

Теперь пойдем от Урала сначала на запад. Франция, Италия: Тур, Турин — не требуют комментариев. Затем двинемся на юг. Таджикистан: город УРА-Тюбе. Турция — название говорит само за себя: ТУ(т)-УР-

ЖИЯ, «тут жил Ур». Еще южнее, в Месопотамии, был город-государство УР, там же — древнее царство УРУК Менес.

Наконец, древнее государство Передней Азии — Урарту (IX в. до н.э.). Согласно письменным источникам, оно выросло из союза племен, известных еще во второй половине II тыс. до н.э. По-древнерусски понятно, кто его основал: УРА-АР(и)-ТУ(т), — племя Ура и родственное ему племя Ари. И если учесть, что второе название Урарту — ВАНское царство, а на его территории есть соленое озеро ВАН, то возникает возможность поискать отголоски працивилизации севера по имени еще одного протоплемена — АРИ и слову ВАН.

Итак, АРАвийский п-ов, АРАбские страны, СамАРканд, Арал: АР(и)-Ал, «Ари был», АРкаим, С-АРАНск, С-АРАтов, СамАРА, АРмавир, АРзамас, Чебоксары: очень прозрачно — ЧЕЙ-БОК-С-АРИ.

Далее уходим в Армению, где горы АРАрат и АРАгац. Но ведь здесь находится всем известное озеро Севан: СЕ-ВАН, т.е. «это-Ван», а столица Армении — Ереван, очевидно, ЯРИ-ВАН — «яростный Ван». Почему яростный?

Это можно понять, если вспомнить ВАНиль, область Франции ПровАНс. Вероятно, слово Ван связано с запахом. В этом смысле понятно название страны Ливан: ЛИЕ-ВАН — «изливающий благоухание».

Добавив еще ГаВАНу, столицу Кубы, область Грузии СВАНетию, а также слова из знакомой многим песни: «...по-грузински он Ваню, по-армянски Ованес, а по-русски — Ваня», получаем еще один маленький вклад в доказательство родства многих народов.

О границах расселения протоплемена Ари говорят следующие слова. Канарские о-ва: КАН-АРИ, т.е. там был «конец Ари». Официальное объяснение гораздо слабее: название островов произошло от латинского слова «канис» — собака; по словам древнеримского ученого Плиния Старшего, на одном из островов водились собаки. (Интересно, почему все же Канары, а не «Канисы»?)

Имя одного из племен южноамериканских индейцев — Арауканы: АРА-У-КАНИ. Это, очевидно, была другая граница расселения Ари.

Наконец, обратим внимание на живущее в русском народе поверье об острове, названном народными сказителями БУЯНОМ. Ряд источников связывает его с островом РАрог — северным центром РУСов со столицей АРкон.

Теперь обратимся к этрускам. Этрурия, непосредственная преемница Критской державы, находилась на севере Апеннинского п-ва (в VI в. до н.э. этрусское влияние доминировало в Италии, Риме).

Мало того, что этрусские надписи — это отнюдь не клинопись, а, как доказал П.П.Орешкин, буквенное письмо, и расшифровываются непосредственно (просто читаются) с помощью обычного русского языка, но и само слово ЭТ-РУСКИ раскрывает характер данной цивилизации. Не просто эти — русские, а как показывает анализ рисунков, ИТИРУСЫ, т.е. итальянцы-русские. Действительно, их женщины имели светлые, льняные волосы, а мужчины были смуглы, черноволосы — другого

племени. Но наиболее существенно, что русские жены имели прямое отношение к Ура: древнегреческие источники называют этрусков «туржения», Т(е)-УР-ЖЕНИЯ, т.е. «Те женаты на Ура».

Итак, начав с Ура, через Ари и Русов, обойдя всю планету и многие живущие и жившие на ней народы, мы вновь вернулись к Ура. Крут замкнулся с помощью русского языка, и это родство, возможно, уходит корнями в глубь тысячелетий до Р.Х. к працивилизации, возникшей в окрестности Северного полюса в третичный период кайнозойской эры — порядка миллиона лет назад.

Таких языковых крутов, а также радиальных лучей, исходящих как бы из центра России, можно провести много. Но не все легко принимают языковой метод восстановления реальной истории. Он настолько же прост, насколько и эффективен, обладает устойчивостью к попыткам замалчивать и исказить информацию, а нас приучили не замечать очевидного, лежащего прямо перед глазами.

Есть группа слов, принадлежность которых к русскому языку воспринимается без возражений: ворон — «ворон»; сурок, се-юрок, — «этот юркий»; ель — «съедобная»; тарелка, тара-елка, — «несущая пищу»; виноград, винограда, — «вино грядущее»; щавель, ща-в-ель, — «во ща едят» и т.п. Слова эти, так сказать, русские-русские.

Другое дело — слова иностранные-русские, вернее, древнерусские. Здесь, чтобы исключить случайные совпадения, многовариантность происхождения (хотя и это может быть), приходится выстраивать некоторую логику. К примеру, только узнав о близости культур России и Др. Индии, санскрита и русского, можно предположить вероятность древнерусского происхождения таких слов, как нирвана — «неразрывная» (не рваная), прана — «проникающая».

Через русский язык можно проследить глубинное родство народов и государств. В этих глубинах предыстории лежит, очевидно, отгадка «таинственной» русской души и причина подсознательного влечения народов-братьев вне зависимости от их современного этнического состава — и славян, и тюрков, и немцев, и японцев, и индийцев, и арабов, и многих других — друг к другу и к их русскому центру.

Русским по духу в принципе чужды чувства национальной гордыни, исключительности, вражды и ненависти к другим народам. Именно по духу, так как состав крови и цвет кожи не имеют здесь никакого значения. Вспомните великого русского поэта Пушкина. Для некоторых его глубочайшее проникновение в тайны русской души и языка не вяжется с его смуглостью, унаследованной от далеких африканских предков. Но ясно, что судьба и жизненные обстоятельства могли за десятки тысяч лет разбросать многих русских по всему белому свету.

Возникает естественный вопрос: зачем надо погружаться в столь далекое прошлое, когда у нас сейчас столько жизненно важных проблем? Ответ однозначен: только дойдя до максимально доступного нам осмысления начал своей жизни на Земле, можно взглянуть на весь исторический процесс в целом, понять суть происходящих сейчас событий.

Александр ЛЕЙФЕР

БИБЛИОТЕЧНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ

Так называется небольшой сборник, появившийся в Харькове в 1924 году тиражом 5000 экземпляров. Мне показалось небезынтересным и поучительным пересказать сегодня некоторые сюжеты из этой книги.

За дровами — в библиотеку

История показывает, что массовые уничтожения книг никогда не прекращались, начавшись в глубокой древности. Вавилонский царь Набонassar, если верить ассирийскому историку, в 747 году до Рождества Христова приказал уничтожить все скрижали, на которых была писана история его страны. Войска Цезаря сожгли Александрийскую библиотеку. В 406 году брошены в огонь книги Сивил. В XI веке, по повелению шведского короля Олая, обращены в пепел рунические книги. В 1508-м при взятии Гренады испанский великий инквизитор Хименес отправил в костер 5000 Коранов. В 1510 году Максимилиан предписал сжигать все еврейские книги, кроме Библии. Римляне уничтожали книги и евреев, и христиан; христиане истребляли античную литературу; крестоносцы — драгоценные собрания Востока; английские пуритане извели много монастырских книжных собраний. Даже Кромвель сжег библиотеку Оксфордского университета.

В России, конечно, было то же самое, только обыденнее, без помпы. В декабре 1888 года в Уральске было предано сожжению 1445 томов книг, которыми три дня топили печи местного хозяйственного управления. Дровами служили «Спенсер», «Милль», комплекты «Отечественных Записок», «Современника», «Дела» и т.д. Бытовую экзекуцию оформили актом за подписью трех лиц.

Ракетка с автографом Тита Ливия

Обычай пользоваться книгой как упаковочным материалом тоже известен с глубокой древности. В 1854 году в египетской пустыне на груди одной из мумий найден комок папируса. Это оказались стихи Алкмана, одного из знаменитейших поэтов древности. Произведения его были бы почти целиком утрачены, если бы неизвестному гробовщику не пришло в голову воспользоваться поэтическими творениями Алкмана в качестве нагрудника для мумии.

В XIV веке один итальянский ученый, играя в волаан, заметил, что его ракетка отделана античным пергаментом. Он прочитал на нем отрывок из утраченного сочинения римского историка Тита Ливия. Ученый

тотчас же побежал к мастеру и узнал, что и все остальные части рукописи также пошли на отделку ракеток, а потому бесследно исчезли. В Российской публичной библиотеке хранится книга XIV века, приобретенная в одной из деревень Мезенского уезда Астраханской губ. Некоторые листы ее имеют следы употребления их при оклейке стен обоями.

В 1869 году академику И.И.Срезневскому прислали из Финляндии 166 оборванных и полуобгорелых листов. Оказалось, что это были остатки 49 древних русских книг, среди которых были раритеты XI и XII веков; большинство из них в течение многих лет служили переплетами и обертками деловых бумаг, закладками и ярлыками. По-видимому, они были унесены шведами из новгородских книгохранилищ.

Обои из манускриптов

По смерти известного русского ученого И.П.Сахарова книги и остатки его бумаг были проданы на вес на петербургском толкучем рынке. Спасти удалось только очень немногое, в частности, остатки его богатейшей коллекции снимков с рукописей.

Столь же печальна судьба книг и бумаг другого русского книжника и одного из первых библиографов — В.Г.Анастасевича. После его смерти драгоценную библиотеку и манускрипты связали в кули и в ожидании наследников свалили в какой-то сарай. Целых двадцать лет пролежали они здесь в сырости, пока, наконец, полиция не решила их продать с публичного торга. Никто из литераторов не был извещен об аукционе, явились одни маклаки и маляры, которым была нужна бумага под обои. Они-то и купили «кули» по 30 коп. за пуд. Случайно об аукционе узнал библиотекар Публичной библиотеки Ивановский. Бросился к малярам, но было поздно — большая часть купленного уже пошла в дело. С большими усилиями Ивановскому удалось спасти кое-что. В одном спасенном куле (а поступило в продажу много десятков) оказалось несколько экземпляров редчайшего труда Г.А.Розенкампа «О Кормчей Книге», много старинных латинских и иных сочинений, а главное — огромное количество библиографических карточек с чрезвычайно ценными заметками Анастасевича и обширная его переписка с литераторами.

«Пихлериада»

Некто Пассионен, ревизуя в XVIII веке швейцарские монастыри, совершил в их библиотеках грандиозные хищения. Там, где за ним приглядывали, Пассионен предпринимал якобы научное изыскание, требовавшее продолжительных занятий. Он просил, чтобы его заперли в библиотеке, из окон которой потом выбрасывал особенно редкие книги и рукописи своим подручным. Изошрившись в проделках этого рода, он не допускал знатоков и близко к своему драгоценному собранию.

А вот «дело» ученого богослова, бывшего приват-доцента Мюнхенского университета и библиотекаря Петербургской публичной библиотеки Алоизия Пихлера, имевшее место в 1791 году и известное в библиотечных кругах под именем «пихлериады». Почтенный богослов был пойман, когда пытался унести из библиотеки средневековое издание творений св. Амвросия. При обыске на квартире А.Пихлера было обнаружено множество ящиков с упакованными в них книгами — для отправки за границу. Всего в ящиках было найдено свыше... 4000 библиотечных книг. Суд приговорил А.Пихлера к лишению прав и ссылке в Тобольскую губернию. Только вмешательство баварского правительства спасло Пихлера от фактического отбывания и дало ему возможность окончить жизнь хоть и в великой нищете, но на свободе и на своей родине.

Федот, да не тот

Бывали случаи, когда в основе «книговредительства» лежали и мотивы идейного порядка. Известна, например, такая, происшедшая еще до революции, не совсем обыкновенная история. В одной библиотеке был собран богатый отдел черносотенной погромной литературы. Долгое время книги стояли без всякого внимания, но затем неожиданно превратились в самые «читабельные». Только много времени спустя были установлены истинные причины повышенного спроса. Оказалось, что все книги из этого отдела, сохранив свои переплеты и мрачные заголовки, каким-то чудом переменили свое содержание. Под переплетами были обнаружены книги из каталога запрещенных изданий, или, как они раньше назывались, «произведений подпольной литературы». Кто был вдохновителем и исполнителем этого «преступления» — революционный ли кружок, действовавший в районе библиотеки, или кто-либо из библиотечного персонала, — так и не удалось установить.

Дороже жизни

В Испании был повешен один книжный торговец, который убил обладателя редчайшей книги, известной лишь в одном экземпляре: все улики были налицо, убийство с целью грабежа доказано. Впрочем, убийца и не запырлся. Он прямо сказал, что ценил научные сокровища больше всего на свете и, убивая людей, радел

только о спасении драгоценностей. Пощады не просил, а только умолял сохранить в прежнем составе его книжное собрание.

Перед вынесением приговора обнаружилось, что существует и второй экземпляр этой книги. Подсудимый, сохранявший до того времени полное спокойствие, внезапно начал безутешно рыдать. Когда же председатель выразил свою радость, решив, что в преступнике, наконец, заговорила совесть, тот заявил, что его горе глубже и что причина его слез — второй экземпляр злополучной книги.

Это напоминает драму другого — французского — библиофила. Будучи счастливым обладателем уникама, он нашел однажды второй экземпляр той же книги. Гнев и отчаяние его были так велики, что он купил его и торжественно сжег у себя в печи.

Ценители-вредители

Самыми грозными врагами книг являются подчас их ценители и знатоки. В лице библиофилов, коллекционеров и собирателей книга иногда имеет не только своих поклонников и хранителей, но и подлинных убийц. Иные из них собирают красивые переплеты, другие вырывают из книги портреты, гравюры и прочие иллюстрации. Английский коллекционер Джон Бачфорд, рассказывает В.Адарюков, собирал одни только выходные листы, собирал без усталы, объезжал всю Англию и тратил огромные деньги. Этим варваром было собрано таким образом сто переплетенных томов одних выходных листов. Сейчас это собрание находится в Британском музее.

Знаменитый Д.А.Ровинский собирал гравированные и литографированные портреты, вырывая их из книг. И говорил, что этим он дает возможность интересующимся исключительно книгой дешево купить дефектный экземпляр.

О многом не написали авторы этого скромного сборничка. О чем-то знали, да, видимо, не хотели сказать. А о чем-то и знать не могли, т.к. просто не наступило еще время, когда вечное издевательство над Книгой продолжилось в новых формах.

Гибель сотен, если не тысяч, библиотек в дворянских усадьбах во время гражданской войны.

Указание Надежды Константиновны об изъятии из народных библиотек сочинений всех философов — от Платона до Толстого.

Книжные костры в фашистской Германии.

Наш спецхран...

А потому воспользуюсь случаем и продолжу тему на местном, так сказать, материале.

Картон дорожке...

В Омском историко-краеведческом музее хранится маленькая, в несколько страниц, рукопись бывшего директора музея — замечательного краеведа и не менее замечательного знатока книги Андрея Федоровича Палашенкова. В ней рассказан такой эпизод.

В конце тридцатых годов, будучи научным сотрудником музея, Андрей Федорович поехал в командировку в Тобольск. Зайдя по делам в какое-то учреждение, он с ужасом увидел, что несколько человек занимаются странным и страшным делом. Берут из большой груды лежащих перед ними старинных книг по одной, отрывают переплет, сам блок кидают в одну сторону, переплет — в другую. На вопрос, что они делают, был получен ответ: книги эти никому не нужны, места занимают много, приказано их сжечь, но перед этим оторвать переплеты, т.к. картон может пригодиться.

Палашенков умолил этих трудяг остановиться, бегал по кабинетам, убеждал и убедил, потом доставал ящики, грузил спасенное на пароход, истратил все — и казенные, и личные — деньги.

Это были книги главным образом из библиотеки Тобольской духовной семинарии, а также некоторых других учебных заведений, закрытых советской властью. В основном духовного, богословского содержания.

В Омске некая партийная деятельница (кажется, она курировала музей) попросила показать ей привезенное из Тобольска. А посмотрев, сказала: «Как мне Вас жаль, Андрей Федорович, Вы так потрудились, так измучились, а ведь тут нет ни одной хорошей книги».

Сейчас эти книги — жемчужины в собрании научной библиотеки музея. Я держал в руках некоторые из них.

Отец, слышишь, рубит...

Мой хороший знакомый — профессор-биолог Кемеровского мединститута Евгений Дмитриевич Логачев после войны был студентом Омского сельхозинститута. Однажды осенью 1948 года он проходил мимо огромного оврага, что простирался за северо-западной стороной институтской территории (сейчас по бывшему оврагу ходят трамваи и ездят машины — он за телецентром).

Из оврага тянуло дымом, и Логачев увидел внизу костер и человека возле него, а рядом с костром — большую грудку книг. Спустился, полистал одну, другую, третью. Все были по генетике. Недавно прошла печально знаменитая августовская сессия ВАСХНИИЛ, разгромившая отечественных «вейсманистов-морганистов», т.е. по сути дела уничтожившая целую отрасль науки. И вот из институтской библиотеки изгоняли их труды. Книг было много: один рабочий возил их в овраг на подводе, другой жег.

Логачев стал упрашивать отдать ему хотя бы часть. Согласия не последовало: дело, мол, опасное, политическое. Вот если бы... Логачев понял прозрачный намек, помчался в ближайший магазин и вывернул там свой тощий студенческий кошелек. Хватило на литр.

«Бери, сколько унесешь», — благосклонно сказали ему. Парень он был здоровый и унес порядочно.

Сейчас бывают случаи, когда позаниматься с этими книгами к Логачеву в Кемерово приезжают из дру-

гих городов: такие книги сохранились только в самых крупных библиотеках. Все было уничтожено, по всей стране. Какому-нибудь царю Нобоноссару такие масштабы и не снились.

— Всех пускаю, — говорил мне Евгений Дмитриевич, — пусть занимаются. Только ни одна книга, пока я жив, за порог квартиры не уйдет.

«Витязь» на брезенте

Историк и архивист Евгений Николаевич Евсеев, мой давний приятель, рассказал такую историю.

Дело было в пятидесятых годах. Однажды он пошел на толкучку, которая располагалась тогда на Слободском рынке, ныне уже не существующем. Ходил-бродил и увидел совсем еще молодого парня, торгующего книгами. Они лежали прямо на земле — на подстеленном брезенте. Евсеев одну купил. Это был роскошно изданный «Витязь в тигровой шкуре». Тут же, отойдя в сторонку, стал листать. И вдруг увидел замытые штампы областной Пушкинской библиотеки. А незадолго до этого библиотеку крупно обокрали, Евсеев знал все подробности, так как там работала его жена.

Моментально вернулся он к парню, заставил собрать товар и поволок в базарный оперпункт. Но паренек, изловчившись, вырвался и убежал, оставив книги.

Евгений Николаевич все-таки пришел в оперпункт, начал объяснять, показывал книги, говорил, что надо завести дело, найти преступника...

— Да что Вы со своими книгами, — сказали ему. — Вот человек сидит, у него кошелек украли. Вон у того — валенки. У женщины сумку взрезали. Забирайте книги и не мешайте работать...

Секрет опустевшего коридора

Было время, когда в одном из коридоров Пушкинской библиотеки стояли четыре больших застекленных шкафа — личная библиотека поэта и ученого Петра Людовиковича Драверта. Книги там есть редчайшие.

Я любил, отупев от работы в читальном зале, выйти в коридор и просто постоять возле этих шкафов, заглянуть в них, полюбоваться золотым старинным тиснением. Так вот, в один прекрасный день шкафы из коридора исчезли, их убрали куда-то вглубь здания. И убрали не случайно.

За несколько дней до этого один из читателей «заработался» в читальном зале до самого закрытия, а потом где-то ухитрился спрятаться. Ну прямо, как герой фильма «Похищение святого Луки». Остался в здании один, вскрыл дравертовские шкафы, неспеша выбрал, что понравилось, и стал ждать утра, чтобы смешаться с первыми посетителями и вынести украденное.

Утром «букинист» был пойман. Книги вернулись на свои полки, а вот шкафы убрали от греха подальше.

Правильно, конечно. Но до сих пор грустно проходить по этому опустевшему коридору.

Валерий ШАРИН

ДЕНЬГА ИЗ СЕРЕБРИСТОЙ МЕДИ

В далекие 60-е годы, бегая со сверстниками по старым улицам Екатеринбурга, я нашел необычную монету. Показалась она тогда необыкновенно красивой. С любопытством разглядывали мы царский вензель и корону, а еще каких-то животных — не то собак, не то волков, держащих в своих лапах круглый щит.

Нумизматы, конечно, поняли, что речь идет о так называемых сибирских деньгах. В середине XVIII века в Сибири, на Колыванских рудниках нашли необычную руду, содержащую, помимо меди, примесь серебра, а иногда и золота. Примесь эта была настолько мала, что металлурги тех времен не могли выделить благородные металлы из меди. Пришлось из этой серебристой меди чеканить медную монету. Возник специальный монетный двор в Нижнем Сузуне на Колывано-Воскресенском медеплавильном заводе — Колыванский. Все монеты, отчеканенные на нем, помечались монетным знаком «Колыванская Монета».

В Сенатском указе 1763 года говорилось, что данная монета предназначена исключительно для хождения по территории Сибирского царства. Ввиду повышенной ценности металла монетная стопа была принята до 25 рублей из пуда, тогда как общегосударственные монеты чеканились по 16-рублевой стопе. Сибирская монета и по весу изготовли-

валась более легкой. Так, пятикопеечник «К.М.» весил 32,7 г против обычного российского пятака — 51,1 г. Примерно те же пропорции сохранялись и для других номиналов.

Выпускались сибирские монеты в течение 1763-1781 годов, достоинством в 10,5, 2 и 1 копейку, а также деньги и полушки. На аверсе монеты — вензель Екатерины II, на реверсе — коронованный щит (картуш), поддерживаемый двумя соболями — герб Сибирского царства. В картуше обозначение номинала монеты и дата ее чеканки. На гурте монет достоинством 10,5 и 2 копейки с 1763 по 1767 годы наносилась надпись — «Колыванская медь» (рис.1).

Активная внешняя политика царствующей Екатерины II, рост военных расходов, связанных с русско-турецкой войной (1768-1774), требовали больших денежных средств. Екатеринбургский монетный двор, будучи основным поставщиком медной монеты (а ежегодный выпуск на нем достигал 2,5 млн. рублей), не всегда мог ритмично поставлять свою

продукцию. Производство в значительной мере зависело от погодных условий — вододействующие монетные станы двора, расположенные на реке Исеть, останавливались вместе со снижением уровня воды в реке. Тогда правительство расширяло производство монет на других действующих и открывало новые монетные дворы.

Поэтому Колыванский монетный двор, обеспечивающий сибирской монетой весь край, только 15 лет чеканил «Сибирь». Уже в 1781 году перешел на чеканку общегосударственной медной монеты всех достоинств.

Коллекционерам известны, правда, больше по нумизматической литературе, и серебряные сибирские монеты 1764 года номиналом двадцать, пятнадцать копеек и гривенник. На аверсе вензель Екатерины II или изображение самой императрицы, на реверсе — герб Сибирского царства (рис.2). Все серебряные «сибирские» монеты являются новоделами.

Сегодня медные сибирские деньги попадаются довольно редко, особенно малые номиналы — деньга и полушка. Иметь их в коллекции приятно любому коллекционеру. Чаще все же они встречаются в районах Сибири, северного Урала — местное население оставляло на память оригинальные монеты, передавали их по наследству.

Рис.1

Рис.2

Друзья человека

Еще во времена Древнего Рима и Древней Греции была известна способность дельфинов к спасению людей. Это дало возможность родиться легенде о чудесном спасении древнегреческого поэта Ариона (VII-VI до нашей эры), когда дельфин был зачарован его пением и вынес Ариона на берег. Кстати, этой легенде обязано стихотворение А. С. Пушкина «Арион» и стихи других поэтов на этот сюжет. И в наше время известно немало случаев спасения людей дельфинами. Например, 26 октября 1993 года в телевизионной программе «Новости» было сообщено о том, что случилось на рыбалке во Франции. Лодку с тремя рыбаками сильным ветром стало относить от побережья в открытое море. Четыре дельфина, разбившись по двое, стали толкать лодку к берегу. За 30 минут они доставили лодку, и рыбаки были спасены.

Наряду с этими легендами и былью приходится считаться с тем, что ухудшение экологических условий вызывает заболевания и гибель этих благородных животных. Поэтому правительствами ряда стран и неправительственными организациями («Гринпис» и другие) предпринимаются многие меры в защиту дельфинов. Дельфин достоин заботы человека.

Попугай-свидетель

Кто не слышал о попугаях, об их разнообразной окраске, о говорливости (лексикон попугаев содержит десятки слов и выражений). Кое-кто знает, что по вкусу мясо попугаев приравнивается к говядине. А перья использовались индейцами как украшение, а также для оперения стрел.

Но не все знают о том, как однажды в Дании говорливый попугай выступал свидетелем по делу ограбления копенгагенского зоологического магазина. А все началось с того, что полиция задержала на улице пьяного с красавцем попугаем на плече. Пьяный не мог связно ответить ни на один вопрос полицейских. Это возмутило попугая, и он стал четко отвечать на все протокольные вопросы: имя, возраст, место работы. На последний вопрос попугай ответил: «Магазин Херта».

Выяснилось, что попугай Джакоб — одна из 13 птиц, украденных из магазина и стоивших немалую сумму — две тысячи долларов (это было в семидесятые годы). Джакоб на дополнительные вопросы полицейских дал описание двух грабителей, это помогло служителям порядка быстро задержать их. Но как попугай вырвался из рук грабителей и оказался на плече пьяного прохожего — это Джакоб не сумел объяснить.

«И перья страуса склоненные...»

А. Блок в поэтическом порыве имел все основания упоминать о перьях страуса, обращаясь к своей незнакомке. Долгое время эти перья служили для украшения шляпок и при изготовлении вееров для модниц. И ценились они дороже, чем на вес золота.

Сам страус, являющийся крупнейшей птицей планеты (высота его 270 сантиметров, масса до 90 килограммов), помимо почти невесомых перьев, имеет очень вкусное мясо, напоминающее и говядину, и птицу. И у него же огромное яйцо массой от 1,5 до 2 кг (это примерно три десятка куриных яиц). Толщина скорлупы 1,5 мм, и она выдерживает человека весом до 127 кг.

Эти три составляющие и были причиной успешной охоты на страусов. В 1840 году из Южной Африки вывезли 1000 кг страусиных перьев, а в 1910 году уже 370 тысяч кг.

Для спасения страусов стали создаваться специальные фермы в Южной Африке, в Северной Америке, во Франции, Венгрии и других странах Европы. В настоящее время в Германии функционируют около 100 таких ферм, где живет до 3000 страусов, исправно несущих огромные экологически чистые яйца. Единственный недостаток страусоводства — необходимо варить яйца 40 минут, но большинство гурманов смирились с необходимостью такого томительного ожидания. Было бы что ждать!

Трансконтинентальные броски

Многим живым существам присуща охота к перемене мест. Зеленая, или суловая, черепаха, живущая у берегов Бразилии, проплывает около двух тысяч километров до любимого места размножения, пересекая Атлантический океан. Здесь в прибрежных песках острова Вознесения, расположенного к западу от африканского континента, она откладывает яйца. При путешествии она хорошо ориентируется, перелетая напрямую океанские просторы, никогда не отклоняясь от оптимального маршрута.

Чернозобые казарки, гнездящиеся в Восточной Сибири, преодолевают до 6000 километров, чтобы добраться до мест зимовки на Балтийском море. При этом они переплывают Карское и Баренцево моря.

Европейский угорь преодолевает до 10 тысяч километров к Саргассовому морю, чтобы выметать икру и погибнуть. А личинки угрей мощным течением Гольфстрим доставляются к берегам Европы (это путешествие длится около трех лет).

Семга, родившаяся в реках Европы, проплывает до нагульных пастбищ у Гренландии и Лабрадора не менее 5 тысяч километров. Делая по 50 километров в сутки, она затрачивает 100 дней. А через несколько лет пребывания на пастбище повзрослевшие рыбыны отправятся в обратный путь на нерест.

Миграционные перемещения полярных крачек, родственниц чаек, никто из животных перекрыть не в состоянии: они в течение года пролетают от Антарктиды, где зимуют, до Северного Ледовитого океана, где выводят птенцов, и обратно. А это не менее 40 тысяч километров!

Нежелательные встречи

При путешествиях в Африку можно встретить животных, обитающих в заповедниках, где максимально сохранились природные условия их обитания. Здесь проложены дороги для туристских автобусов, из которых видны стада зебр, группы жирафов, стаи африканских страусов.

Встречаясь со стадом слонов, нужно соблюдать осторожность: не беспокоить слонов попытками установить с ними близкие контакты, особенно остерегаться слонов со сломанными бивнями (это обычно агрессивные особи), помнить, что рассвирепевший слон может перевернуть автомобиль или даже автобус.

Не следует охотиться за гигантским страусиным яйцом, ибо рассерженная птица может сломать человеку ногу или руку своей мощной ногой. При ночлеге на природе нужно помнить, что гиена может пробраться в палатку и укусить спящего путешественника в лицо: такая злобная натура этого животного.

Могут возникнуть неприятности и при встрече со львом. В необычной ситуации оказался архиепископ Кентберийский Дональд Коггэн, когда он путешествовал по Африке. Его автомобиль увяз в песке в танзанийском парке Нгоронгоро. И тут же машину, в которой находился архиепископ с женой, окружила целая семья львов. Осада продолжалась пять часов. Вдруг пришло неожиданное спасение — автобус с канадскими туристами. Львы отступили. Обрадованные пленники, как сообщил гамбургский журнал «Шпигель», в знак благодарности спели тут же не псалом о спасении души и тела, а эстрадную песенку «О, Канада!»

Г. МУРЗИН

Ольга КОЛПАКОВА

СОЮЗ ОГНЯ И ШЕЛКА

Везли византийские монахи из Китая контрабанду в полых посохах. Переживали, наверное. Но еще больше радовались. Три тысячелетия никому не удавалось раскрыть эту тайну. И вот она, у них. Личинки гусениц шелкопряда. А на дворе 532-й год. Но еще тысяча лет пройдет, прежде чем матовый и блестящий, легкий, струящийся и скользкий шелк перестанет считаться греховно роскошной тканью и продаваться на вес золота.

Портняжки ножницы и игла с ниткой, да шелковый отрез — и Европа нежится на шелковых подушках, в покое, обитых шелком, в шелковом белье. А от солнца покой прячут шелковые гардины. И так было века. Новшество в шелковую идиллию внес наш индустриальный век. Шить шелк можно без ниток. И вышивать по шелку можно без ниток. Одной иглой. Правда, раскаленной. Называется это — «выжигание по шелку».

— Не знаю истории и изобретателя этой техники, но мне кажется, что это требование времени, — Людмила Сентябрева одна из пока немногих поклонниц такой работы с шелком. — Хочется, чтобы все было быстро и недорого. Такую возможность предоставляет техника выжигания. Если над вышивкой нужно корпеть дни и месяцы, то раскаленной иглой такая же красивая салфетка изготавливается за несколько часов.

Шелк — волшебная ткань, способная за несколько часов превратить Золушку в принцессу. Стоит только заменить стандартную пластмассовую заколку на шелковый, покрытый выжженными замысловатыми узорами бант, надеть большой шелковый воротник на обычное повседневное платье — и вот оно, сказочное преображение! Даже опытные рукодельницы удивятся и позавидуют! Или не поверят своим глазам. Так однажды две дамы, рассматривая на выставке под стеклом работу Сентябровой, недоверчиво покачали головами, прочитав, что это выжигание. «Это ришелье», — утверждали они. Пришлось открывать витрину.

Начиная от салфеток, бантов, фартуков, воротников, до штор, картин, блузок, абажуров позволяет сделать эта раскаленная иглолка. И Людмила Васильевна щедро делится, как это делается:

— Шелк должен быть с искусственными добавками, чтобы плавился. Можно даже «подкладочную» ткань использовать, то есть достаточно дешевые виды материала. Выжигательный прибор возьмите самый обыкновенный, по дереву, только иглолку придется сменить. Она должна быть тонкой, из нихромовой проволоки. Иглу самим несложно сделать. Еще нужны стекло и рисунок, который будете выжигать. Я с детства люблю рисовать, поэтому часто сама придумываю рисунки, а можно взять из журналов по вышивке. На стекло кладете рисунок, сверху — шелк. Если ткань плотная или вы используете несколько слоев шелка и рисунок не виден, то нужна под-

светка. Расположите стекло так, чтобы снизу можно было подставить лампу. И начинайте пробовать. Я училась неделю. Сидела вечерами и даже ревела, потому что никак не получалось: иглолка была подобрана не совсем точно. Испортила около полметра шелка. И научилась. Дочь с сыном все это время крутились рядом, просили им дать попробовать. Сын, Сережа, принес рисунок черепашек-ниндзя, решил сделать такой же на ткани. Но у него не очень получается. Терпения не хватает, торопится, ткань сжигает. Сережа в третьем классе учится. А дочка, она на два года его старше, научилась быстро. Муж тоже не остался в стороне: делал иглолки и ремонтировал приборы для выжигания.

Вот так неравнодушно отнеслась семья к новой профессии Людмилы. После архитектурного института и семнадцати лет работы на заводе инженером-конструктором она рискнула резко сменить свое занятие. Захотелось поработать с природным материалом, пофантазировать.

Начала вести в школе кружок: из ракушек, веточек, листьев мастерить с детьми разные поделки. Когда впервые увидела выжигание по шелку, поделки не бросила, но так увлеклась новой идеей, что пришлось еще один кружок открыть. Могла бы, наверное, заниматься этим одна и неплохо зарабатывать своими изделиями, но для Людмилы оказалось интереснее и важнее научить девчонок украшать свой быт и одежду. Да и не только школьницы рвутся на занятия по выжиганию, но и их мамы, соседки и учителя.

Выжигание по шелку подвластно всем, даже не занимавшимся ранее никаким видом рукоделия. Конечно, правильно сочетать цвета, придумывать собственные темы, разрабатывать модели и элементы интереса в каком-то определенном стиле получится не сразу. Но стоит попробовать сделать небольшую салфетку, как захочется осваивать эту технику дальше. Выжигание позволяет развернуться вашей фантазии и вкусу даже на крошечном лоскутке шелка. Тоненькая игла способна вырисовывать сложнейшие узоры, настоящее кружево, с разрезами, края которых, какими бы узкими ни были, никогда не осыпятся без всякой обметки. Игла может сваривать два слоя шелка, тонируя изделие (к лицевому белому «приваривается» с обратной стороны, например, красный шелк, и изделие приобретает необычный, мягкий, матовый цвет). А можно соединить три слоя (при изготовлении аппликации), и как играют узор и цвет при движении!

Я подозреваю, что еще не все возможности выжигания по шелку открыты. Но обожающим украшать себя и свой быт женщинам такие тайны откроются быстрее, чем тайна изготовления шелка.

Фото на 3-й стр. обложки

